

**Лис, который хотел меня съесть, но... — Аделина
Камински**

Пролог

Ночью в деревне никогда не бывает тихо. Стрекогут сверчки, шелестят листья в густых кронах, совы протяжно ухают вдали.

За самым дальним домом в этой деревне, среди картофельных грядок, тихо не было тоже.

Девочка лет пяти со светлыми кудряшками и в белом кружевном сарафанчике, насупившись и скрестив маленькие ручки на груди, сверлила взглядом рыжего лисенка, сидевшего перед ней. Когда малышка злилась, на нее нельзя было смотреть без слез, настолько страшную и одновременно смешную гримасу она делала.

— Это ты курочку ворует? — грозно поинтересовалась она у животного, которое тут же озадаченно склонило голову набок. — Я у тебя спрашиваю! Не останется курочки — мы же и от голода умереть можем.

Чуткие уши лисенка ловили каждый звук, а умные глаза изучали человеческого детеныша снизу вверх.

— Если ты голодный, я тебе тушенки из банки принести могу, — нашлась девочка и, вздохнув, совсем как взрослая, казалось бы, сменила гнев на милость.

Чего толку от того, что она прогонит лисенка обратно в лес? Она была в этой деревне единственным ребенком и с кем же ей еще играть, как не с ним? Иногда малышка думала, что он совсем глупый. Ничего не понимает. Животное потому что. Но при этом иногда замечала и то, как внимательно этот зверек выслушивает ее проблемы. Кладет рыжую голову ей на колени. Издаёт звуки, похожие на мурлыканье, когда девочка рассказывает о чем-то хорошем. Фырчит и тявкает, если рассказ ее чересчур эмоционален.

— Ты только курочку больше не воруй, ладно? — на всякий случай повторила она свой наказ. — А то тётя ругаться будет опять. — А я тебе другую еду буду приносить. Ты ешь пироги? Только у нас с мясом нет. Есть с капустой. Но с капустой тоже вкусные. Ты не обращай внимания, что капуста — это овощ. Я тоже не люблю капусту, но в пирогах она вкусная получается. Ты меня слушаешь?

Лисенок кивнул. Он мог и не кивать, но сейчас посчитал, что лучше подругу успокоить. Да и не глупый он совсем. Даже... не совсем животное. Некто средний между человеком и животным. Вот только в мальчика превращаться ему было нельзя. Старуха строго-настроено запретила. Приходится молчать и кивать, что ж тут поделать? Старуху лучше не злить. А то еще розгами отлупит...

— Леська!

Вскочив, зверек сделал несколько неуверенных шагов в сторону леса, ну а девочку больно схватили за маленькую ручку. У малышки даже слезы на глазах проступили от неожиданности и стыда. Поймали с поличным.

— Я сколько раз тебе говорила со зверьем этим не якшаться?! — трясли ее за руку, но большие голубые глаза не отрывались от не менее испуганного внезапным появлением грозной женщины лисенка. — И мамаша его где-нибудь рядом притаилась. Как тяпнет тебя за ногу — будешь знать! Еще и курей всех перетаскали...

— У него мамы нет! — отчаянно вскрикнула девочка. — Он один! Он сирота! Я его мама!

— Я тебе щас покажу, мама нашлась! А ну, быстро в дом! На веранду и спать.

— Ну тетя Ли-и-ида! — со всех своих детских силёнок отбивалась Олеся, но как она всерьез может противостоять столь крепкой женщине?

— А ты пошел отсюда! — замахнулась тяжелая нога в тапке на лисенка и зверек, жалобно тявкнув и пригнувшись к земле, попятился. — Давай-давай, пошел! Ишь, хитрюга какая. Запах еды почует — тут как тут. Троглодит.

— Так нельзя! Так не честно! Мы в ответе за тех, кого приручили! — не унималась девочка, печальным взглядом провожая удирающего в лес рыжего.

— Это дикое животное. Никогда ты его не приручишь.

Малышка уже не упиралась, а покорно шла за руку с тётёй к крыльцу, однако назад оглядывалась до самого поворота. Некрасиво получилось. И действительно нечестно.

— Завтра маме твоей позвоню, домой поедешь. Устала я уже от непослушания твоего.

— Ну и поеду! — с вызовом ответила Олеся. — И поеду! Я тоже устала от того, что ты мне всё запрещаешь!

Ведь если у лисенка есть мама, то и она может его кормить. А видется им с Олесей всё равно не разрешат. Ничего. Она обязательно приедет снова, когда вырастет. И тогда сможет играть с лисенком сколько душе угодно. Взрослым же всё можно, верно?

Глава 1. У журналистов отпусков не бывает

Приоткрыла окошко, чтобы впустить в салон немного свежего воздуха. Ну надо же. Всю дорогу — дождь как из ведра, а как только с главной дороги свернула, так он и закончился. Но стечение обстоятельств довольно удачное.

Возможно, отпуск выдастся теплым и солнечным, несмотря на многообещающий прогноз погоды. В дурацкие прогнозы я никогда не верила. Как ветерок облака погонит, туда они и поплывут. Человек природу контролировать не способен. Увы, но факт.

Да человеку собственную жизнь-то контролировать сложно. Особенно после выпуска из ВУЗа. Сперва работа за копейки, называемая стажировкой, затем тщетные попытки пробиться куда повыше. Я после окончания журфака заняла место где-то посередине. Вроде бы и работа серьезная, но платят копейки, а о возможности пробиться куда повыше можно и вовсе промолчать. Ее просто нет. Разве только уйти в более популярный журнал или на телевидение, но связей у меня в подобных кругах отродясь не водилось.

Каким должен быть хороший журналист? Любопытным, внимательным к деталям, с творческой жилкой. Но без связей такой журналист и гроша ломанного стоить не будет. На собственном примере проверено.

Возможно, я могла бы стать более пробивным человеком, но усталость сказывается. И усталость дикая. Интеллектуальный труд — труд порой довольно неблагодарный. Особенно, когда сроки поджимают, а вдохновение сдохло где-то под кустом в соседнем лесу. Ведь львиная доля статей в журнале «Терра инкогнита» — выдумка. Сиди и сочини целыми днями истории о полтергейстах в заброшенных коттеджах, об опросе пострадавших от клыков вампира в закоулках Мытищ. И побольше натуральности! Больше страсти, крови... и щепотка романтики. Так, для вкуса. Будто романы любовные строчим, ей-богу.

Вот я и лелеяла надежду, что небольшой отпуск поможет мне собраться с мыслями. Собраться с мыслями и уйти. Или же написать что-нибудь воистину трешовое. Чтобы кровь стыла в жилах. Чтобы не поверить в написанное мною было невозможно. Короче говоря, чтобы занять себе имя в области мистической журналистики. Может, и на канал какой-нибудь позовут про рептилоидов рассказывать. Хоть сейчас готова контракт подписать, если зарплату пообещают приличную.

Так-так... где же этот поворот? Поди вспомни, если последний раз ездила сюда лет... двадцать назад? И не за рулем, естественно. Вроде бы, этот. Наткнусь на местных — узнаю в любом случае.

А запах... запах-то какой! Травой свежескошенной пахнет, дровишками свежекотлотыми, цветами луговыми, эх! Слышала я, что и звезды за городом ближе кажутся. Главное, чтобы уехать захотелось обратно. Уехать в душную, пропитанную смогом, столицу. Брр...

Грядки, наверняка, заставят полоть. Тётка у меня такая. Палец в рот не клади. Однако тем лучше. Отвлекусь от работы по полной, а там, глядишь, и сюжет интересный в голову придет. Где наша не пропад?..

Эй! Это еще что такое?

Автомобиль встал. Вдавила педаль газа, но с места тот не сдвинулся. Пробуксировал только так, что пыль из под колес взвилась, и на этом всё.

Судя по всему, мой китайский «Чери Амулет» никак не ожидал от своей хозяйки занимательной поездки по суровым русским проселочным дорогам. Культурный шок его временно задержал. В яме. Что ж, всякое бывает, но не толкать же мне капризного китайца голыми руками в самом-то деле.

Для пущей верности вдавила педаль газа еще разок.

Нет. Намертво застрял, зараза такая. Ни вперед, ни назад. И... как теперь? Что дальше? Приехали? Нет, ехать мне еще до соседней деревни.

Побурчала под нос, откинула голову на подголовник, закрыла глаза.

Интересно, не перевелись ли еще могучие телом и духом... трактористы какие-нибудь? Мне казалось, что прежде окрестности были более населенными. А сейчас — ни души. Видать, урбанизация со временем своего добилась. Забрала всех деревенских в свои смоговые объятья

и в автомобильные пробки.

Ладно, грустью горю не поможешь. Выбираться надо и за подмогой идти.

Забрала ключи, вышла из машины, закрыла ее от греха подальше. А то мало ли. На всякий случай обошла своего китайца, чтобы оценить масштабы проблемы. И масштабы, и проблемы в наличии имелись. Застряла знатно. Как в яме, так и в жизни. Совпадение? Не думаю.

Но в окрестностях, действительно, не было ни души. Ни взрослых, ни детей. Отойдя от машины метров на триста, я так и не обнаружила... тракториста. Ну, или любого другого мужчину, который помог бы мне с моей проблемой. Хотя бы с одной, самой насущной. И вообще как-то подозрительно тихо здесь. Лето ведь. Много городских должно было приехать, чтобы отдохнуть на лоне природы. Таких же, как я. А даже шашлыком не пахнет.

В какой это я деревушке застряла? Сажиха, вроде бы, называется. Значит, до родного Станино еще километра два, как минимум. Ходить по домам и кланчить помощь особого желания нет, а потому придется справляться на своих двоих. До дома доберусь, а там уж и дядя может помочь. Отечественный автопром, правда, нахваливать будет и оскорблять моего бедолагу-китайца на чем свет стоит, однако иные варианты развития событий в голову мою не приходили. Вернусь только убедиться, что машину закрыла. Знаю я этих местных. Сейчас близости ни одного, но как отойду — растащат всё на запчасти, а я целый год копила на эту колымагу. С пробегом, зато своя собственная.

Э-э-э... а что это на капоте лежит? Готова поклясться, что когда уходила, ничего на нем не было.

Осторожно подошла поближе, дабы лучше рассмотреть неопознанный объект. Птичка в клювике принесла? Тогда какой же должна быть птичка, если на моем капоте стоит банка тушенки? Тушенка свиная «ГОСТ». Сельский юмор такой? Еще и записка рядышком на неровно оторванном клочке тетрадного листа:

Еш дура

Не только шутник, но еще и грамотей. Спасибо, конечно же, но... уж больно подозрительно выглядит внезапное «угощение». По русским традициям, обычно, хлебом с солью гостей встречают, а не тушенкой из банки.

Огляделась по сторонам. Убедилась, что шутник скрылся с места происшествия, аккуратно взяла банку двумя пальцами, поставила ее в траву рядышком и огляделась еще раз. Никого. Прищурилась, сложила губы трубочкой и с такой гримасой медленно принялась обходить автомобиль. Возможно, потенциальный тракторист притаился вне зоны моей видимости.

Приблизилась, резко заглянула за машину. Тоже никого. И, увлеченная разгадкой нелепой тайны, даже не сразу смекнула, что яма, в которую угодил мой китаец, передо мной. Сам же автомобиль почему-то стоял на ровной земле. Хоть сейчас садись и езжай себе спокойно.

— Чудеса какие... — удивленно прошептала я, пока брови мои медленно ползли вверх.

Пару раз обошла машину, чтобы убедиться в том, что мне не показалось. Действительно, самым чудесным образом она изменила свое местоположение. С учетом того, что была не заведена и вообще... не слышала я, чтобы хоть кто-то к ней приближался. Никого не слышала! И того, кто оставил мне необычный презент на капоте — тоже. Был ли это один и тот же человек?

Эта работа меня когда-нибудь доконает. Может, я и в яме не застревала. Но помню же, что автомобиль буксировал. Ох, ё моё...

Дабы уберечь свой мозг от детонации, быстренько села в машину, сделала глубокий вдох, выдох, завелась и поехала дальше. Не забывая при этом поглядывать в зеркало заднего вида. Вдруг, шутник объявится? Сильный такой шутник. Плечистый, наверное, подкаченный. Тракторист? Да не. Не каждый же мужик в деревне — тракторист. Ох уж эти стереотипы...

Надо бы с мыслями собраться. С другими мыслями. Вот и указатель. Дом моей тёти в самом конце деревни, прямо рядом с лесом. Выходишь на картофельные грядки — Шапкины кусты стоят, а за ними — лес. Густой, дремучий. Помню, что, будучи пятилетней девчонкой, так и

рвалась туда. Меня всегда манило интересное и неизведанное. Возможно, потому я и выбрала стезю журналиста.

Однако маленькую девочку в лес никто не отпускал, даже с сопровождением. Звери дикие частенько наведывались на наш участок, и морочи от них было столько, что дядя всегда держал под рукой старое охотничье ружье. Благо при мне ни в кого не выстрелил, а то травму бы психологическую на всю жизнь обеспечил.

Станино было совсем небольшой деревушкой, всего на четырнадцать домов. Причем не помню, чтобы в детстве видела здесь хоть одного своего ровесника.

Ах да. Совсем недавно я узнала причину этой странности. И причину закрытия местной школы, рассчитанной на дюжину учеников. Однажды все дети пропали без вести. Одновременно при довольно странных обстоятельствах. Как сообщила мне тетя, мои ровесники, а также ребята на пару лет старше и младше, собрались в лес по грибы и ягоды, но домой так и не вернулись. Скорее всего, стали случайными жертвами дикого зверья, ведь в станинском лесу и волки, и медведи всегда водились в избытке.

Припарковавшись рядом с калиткой, тут же увидела семенящую ко мне тетю Лиду — старшую мамину сестру. Полноватую, краснощекую, в цветастом платочке, но с добрым круглым лицом. С тетей мы довольно редко общались, учитывая, что живет она аж за триста километров от Москвы, но уж больно сильно мне захотелось провести нынешний и первый свой отпуск на лоне природы. В этом наличие родственников из небольшой деревушки оказалось как нельзя кстати.

— Леська-а-а! — поцеловали меня в обе щеки, как только я вылезла из машины. — Ну, невеста!

— Не, пока еще рановато для такого, тетя Лид, — усмехнулась я, мягко отстраняясь.

— Конечно, — хитро прищурилась та. — Все городские девушки замужем за работой.

— И муж этот очень сварливый, — добавила я, дернув дверцу китайца за ручку. На всякий случай. Вдруг, следующий подарок мне решат оставить не на капоте, а где-нибудь в бардачке. — Как там лес мой любимый поживает? В который я всё удрать-то собиралась от тебя?

— Лес? — уставилась на меня женщина, хлопая ресницами, как опахалами. — Так его уже давно трехметровым забором обнесли.

— Забором обнесли? — переспросила я, машинально бросив взгляд в сторону дома, однако с такого ракурса лес я бы не увидела. Нужно было зайти за дом, на картофельные грядки. — Но когда я сюда ехала...

— Только в Станино обнесли, — проследила тетя за направлением моего взгляда. — В других местах люди не пропадают.

— Люди пропадают?! — воскликнула я, но женщина тут же подхватила меня под руку и настойчиво повела к крыльцу.

— Я тебе обо всем расскажу, когда за стол сядем, — уверяла меня тетя. — Проголодалась, поди, с дороги-то.

— Да, есть такое, — не смогла не согласиться я.

О том, что меня уже пытались покормить и в довольно грубой форме, я решила умолчать. История эта прозвучала бы слишком странно. Хотя... пропажа людей в отдаленной деревушке — не менее странный факт.

А внутри всё было так же, как раньше. Сени с дверями в жилую часть дома и на веранду, с потертым от старости клетчатым диваном, кучей пустых банок для будущих варений и компотов.

На веранде в прошлый свой приезд я и жила. Летом там достаточно тепло. Не жарко, не холодно и к тому же очень уютно. Поэтому в этот раз местом своей дислокации я тоже выберу комнатку, отделанную деревянными панелями. Можно будет максимально сосредоточиться на написании новой статьи, если отыщу материал. Но материал, казалось, уже сам отыскал меня.

Жилая часть дома, несомненно, навевала ностальгические воспоминания. Пол под небольшим наклоном, дребезжание холодильника, окна над столом с выходом на... трехметровый забор.

Да, некоторые вещи все-таки изменились, и не в самую лучшую сторону.

— Садись давай, — прошла тетя в маленький кухонный закуток, а я присела за стол на крепкую табуретку. Дядя сам сделал почти всю мебель в этом доме. Мастер на все руки — это про него. — Макароны по-флотски хотела сделать, да тушенку с утра не нашла. Может, Коля ее с собой взял на рыбалку. Так что только суп.

— Ничего страшного, — слегка улыбнувшись и мотнув головой, ответила я, не отрывая взгляда от вида за окном. — Ты мне лучше о пропаже людей расскажи.

— Вот тебе ни здрасте, ни до свидания, — недовольно проворчала женщина, поставив передо мной целую тарелку куриного супа с вермишелью. Аж через края немного перелилось. — И не надоело тебе еще ужастики свои писать?

— Эти ужастики — мой хлеб.

Присев на соседнюю табуретку, она подперла щеку рукой, широко зевнула и устремила взгляд куда-то вдаль. Будто бы сквозь высокий забор, скрывающий большую часть леса, но из которого все равно проглядывали густые лиственные кроны.

— Поговаривают, что здесь какая-то аномальная зона появилась, — начала тетя свой рассказ, а я тем временем погружала в рот ложку за ложкой с дымящимся супом. — Что-то вроде Бургундского треугольника.

— Бермудского, — поправила я ее.

— Да не важно. Любой, кто в этот лес идет, оттуда уже не возвращается. Даже если с ружьем идут. Ведь если с ружьем идешь, то и на волка наткнуться не страшно, а даже с ружьями пропадают. Вот мы всей деревней забор и отгрохали. На всякий случай. Наши-то уже не полезут, раз такие дела творятся, а вот городские приезжие — только в путь. Такие же, как ты. Вечно в поисках приключений, чтоб вас.

— А ты можешь сказать, кто именно пропал?

Да, история прискорбная, если люди так и не вернулись. Но подобный расклад вещей однозначно пахнет аномальщиной. Хоть я в нее почти не верила после всех выдумок, над которыми мы хохотали всем отделом перед отправкой журнала в тираж. Каких только историй я ни читалась, каких только ни насочиняла. Однако... материал неплохой. Очень неплохой. Если его отшлифовать, как следует, то о Станинском треугольнике узнает общественность. И узнает благодаря мне.

Все-таки у журналистов отпусков не бывает.

— Я тебе немного рассказать могу на этот счет, но можешь у нашего участкового спросить, который в Чамерово сидит, — обнадежила женщина. — За бутылку он тебе всю подноготную расскажет о каждом, а не только список пропавших предоставит.

— Спасибо, тетя Лид, — расплылись мои губы в широкой улыбке. — Ты же знаешь, это очень важно для меня.

— Ты только о еде и отдыхе не забывай с этими своими ужастиками. Вроде как, отдохнуть приехала ведь. Да и грядки прополоть надо бы. Шучу-шучу. Сейчас чаю налью.

Больше к теме заколдованного леса мы сегодня не возвращались. Поговорили о жизни в городе, жизни в деревне. О маме, дяде, новом поросенке, который к зиме пойдет на убой. Посетовала на столь жесткую судьбу, на что тетя в ответ только рассмеялась. Ведь это всего лишь животное. Их разводят для того, чтобы забивать, и жалость моя им без надобности.

За окном уже сгущались сумерки, когда мы наконец-то наговорились вдоволь. А поскольку ради материалов статьи встать я собиралась рано утром, пора было готовиться ко сну. Вещи из машины вытащить, веранду обжить, как в старые добрые времена.

Однако... стоп. Погодите-ка.

— Ты говорила, что дядя тушенку забрал с собой на рыбалку, — спохватилась я, припомнив утренний презент. — Свиная тушенка «ГОСТ», да?

— Ну... да, — растерянно ответили мне.

А только ли в местном лесу опасно? Или царящая здесь аномальщина пробралась в дома? И... в холодильники?

Когда вышла на улицу забрать дорожную сумку из багажника, то и дело прислушивалась, внимательно смотрела по сторонам, но не заметила ничего необычного. Может, накручиваю себя? Мало ли, сколько тушенок «ГОСТ» в местном маленьком магазинчике продается? Это еще не значит, что шутник забирался к тете к дом. И вовсе не значит, что он заберется туда еще раз. Кажется, я противоречу сама себе.

Залитая чернилами сумерек, веранда встретила меня стойким запахом пыли и садовых яблок. Небольшая, отделанная вертикальными деревянными панелями. Справа на стене прибиты книжные полки, стоит узкий комод. Зато в этот комод помещается всё необходимое. Слева столик с двумя просевшими креслами, а впереди — кровать, заправленная чистым постельным бельем.

Тетя редко заходила сюда, а потому все следы моего прошлого пребывания здесь должны были остаться нетронутыми.

Да, только поглядите. Даже фантик от конфеты на своем законном месте — под креслом. А на столике надпись, выцарапанная... чем-то и гласящая: «Алеся живет тут». Детским корявым почерком по необработанному дереву.

Открыла комод, чтобы начать раскладывать вещи по полочкам, но взгляд мой задержался на листке бумаги, пожелтевшем от времени. Тоже моих рук дело? Взяла его, развернула. На рисунке — девочка в платьице с разноцветными точками, рядом с ней — какое-то рыжее пятно на земле сидит.

Хмыкнула, отложила рисунок в сторону и принялась разбираться с вещами. Их было не так много, потому что приехала я всего недели на две, если не меньше. И в город нужно будет вернуться пораньше, чтобы, как говорится, отдохнуть от отдыха.

Звяк!

Замерла с пачкой футболок в руках. Медленно обернулась на странный звук. В окне — мое отражение, а на улице — уже хоть глаз выколи.

Звяк!

Вздрогнула. Если бы было, куда пятиться в такой маленькой комнатке, то попятилась бы. Звук такой, будто бы в окно что-то кидают.

Звяк!

Нет, ну это уже ни в какие рамки! А если разобьет? С разбитыми окнами прохладнее спать-то летними вечерами. Кем бы ни был этот шутник, а он определенно точно психически невменяемая личность, я с ним что-нибудь сделаю, чтобы неповадно было.

Распахнула окно, уставилась на темный двор перед калиткой, прищурилась. Никого. Как так-то? Или он под домом где прячется? Услышал, как я окно открываю?

Шмяк!

Что-то противное, масляное прилетело в мое лицо и упало на подоконник. Выпучив глаза, подняла это что-то, оказавшееся... пирожком? Понюхала. Пирожок... с капустой? Пирожок, мать его, с капустой?! Вы серьезно? Сначала тушенка, теперь еще и это. Меня откармливают на убой?!

Швырнула мучное изделие обратно отправителю. Прислушалась, максимально сосредоточила взгляд, чтобы глаза постепенно привыкли к темноте.

Шмяк!

Вновь прилетев мне в лицо, пирожок упал теперь уже на пол. Потерла ушибленный нос маслянистой рукой.

В этот раз удар оказался больнее. Неужели, так больно можно ударить обычным пирожком? Что это вообще за приколы?!

— Дурак ты, что ли?! — утратила я всякое терпение, и даже любопытство отошло на второй

план.

Отправив капустный снаряд в свободный полет, ответки ждать не стала. Выскочила с веранды, обулась в сенях и только-только схватилась за ручку, пылая от страха и негодования, но так и замерла, не решаясь открыть.

Шутки шутками, но что, если человек, действительно, невменяемый? Лучше у тети уточнить, есть ли среди местных... подозрительные личности, проходя мимо которых лучше даже не оборачиваться? Или наоборот. Оборачиваться, во избежание удар в спину получить. Удар пирожком с капустой! Нет, ну всё!

Выбежала на улицу, спустилась с крыльца, на цыпочках подкралась под окошко веранды. Резко развернулась, чтобы захватить в обзор весь дворик.

Тишина. Никого. Только стрекот сверчков в кустах. Испугался моего выкрика и удрал? Что ж, вполне возможно. Как втихаря, так мы смелые, да еще и обзываемся. А как встретиться лицом к лицу и получить заслужено, так сразу в кусты, к сверчкам. Ну, беги-беги. Если еще раз соберешься в меня чем-нибудь запустить или что-нибудь оставить у меня в!..

Громко хлопнула входная дверь. Тут же перевела на нее полный отчаяния взгляд.

Кто-то... вошел? Или вышел? В доме кто-то посторонний? Меня специально выманили с веранды? И что теперь делать?

Взад-вперед я ходила по двору, кусая ногти и размышляя о тщетности бытия, пока не додумалась подставить под окно пару бочек, вскарабкаться на них и заглянуть на веранду. Хорошо, что свет оставила включенным.

Никого не видно. А спрятаться там негде. Даже если идти через сени, сделать это нужно максимально быстро. Заскочить в комнату и дверь закрыть на щеколду. Отпуск начался довольно... аномально. Или же виной всему — профессиональная деформация? Во всем и всегда нужно увидеть материал для мистической статьи. Ходячая тушенка, летающие пирожки с капустой... Так. Погнались, с богом.

Аккуратно приоткрыла входную дверь, шумно сглотнула, но обратного пути уже не было. Прикрыла ее за собой. Секунда, две, три...

Рванула так, что сама не заметила, как оказалась на веранде. Дверь захлопнула, щеколду задвинула, скатилась на пол и обняла колени руками.

Кажется, опасность миновала. Но... готова была поклясться, что в сенях меня коснулось что-то большое, мягкое и пушистое.

Глава 2. Похититель с пушистым хвостом

Даже если бы я хотела проспать до обеда после всех кошмаров, пережитых минувшим вечером, сделать этого я не смогла бы. Утренний крик петуха разорвал барабанные перепонки. С веранды главного деревенского певца особенно хорошо слышно.

Ах, всё-таки прекрасно, когда просыпаешься не от гудения автомобильной пробки за окном. Или не от звонка начальника, который требует немедленно подойти к нему в кабинет и абсолютно без разницы, если я даже с кровати не встала. В кабинет и всё тут. Начальник у меня вообще вредный. Молодой, но такая зараза, что аж оскомину набил. После общения с подобными мужчинами задумываешься, а существуют ли нормальные мужики вообще. Может быть, где-нибудь...

Сладко потянулась, зевнула, перевернулась на другой бок. А потом почувствовала, что нечто... нечто странное зажато в моей правой руке. Положила руку на подушку перед собой, разжала кулак, присмотрелась.

Матерь божья, это у какого кота я такой клочок шерсти рыжей выдрала?! Вот, почему настолько тепло было спать ночью. У меня здесь котик под боком лежал. Лечил меня от всех мирских невзгод. Они так умеют. Надеюсь только, что это он линяет, а не я сквозь сон его за загривок схватила.

Но пора бы уже собираться на дело. А именно — за материалом для будущей сенсационной статьи. Статьи, действительно основанной на реальных событиях, между прочим. Можно, правда, приукрасить немного, но в остальном постараюсь собрать как можно более полную базу достоверных фактов.

Блузочка, джинсы, белые босоножки. Темно-русые волосы просто распушу, они у меня от природы волнами завиваются. Голубые глаза слегка подведу черным карандашом. Однако основной акцент всё равно будет сделан на бутылке, а не на привлекательности журналиста.

Что ж, я готова, товарищ участковый. Расскажите мне всё, что знаете.

— С какой стати я должен вам что-либо рассказывать, гражданка?..

— Ромашкина, — улыбнулась я уголками губ.

Непробивной скалой нависнув над столом полноватого мужчины в форме, я уже знала, что не уйду отсюда без необходимой мне информации. Он тоже догадывался об этом и лениво скользил по мне раздраженным взглядом.

— Тогда с какой стати, гражданка Ромашкина, я должен вам?.. — повторил дядька, но оборвался на полуслове, как только на стол с мягким звяканьем приземлилась бутылка сорокаградусной.

— Оп-па, — деланно изумилась я. — Откуда это здесь взялось? Ума не приложу. Но если это не мое, значит, ваше.

Зрительный контакт. С него начинается понимание. Давай же, давай. И не таких в оборот брала. Правда, бутылка — меньшая цена за тот пласт ценной информации, которую мне стоило сейчас добыть, но у людей свои причуды. Кому-то подавай журналистку в мини-юбке, к кому-то в кабинет забирайся и ищи всё собственноручно. Короче говоря, к каждому — свой подход. Пожалуй, эта часть моей работы — самая интересная.

— Да как вы смеете, честному человеку!.. — медленно поднялся мужчина со стула, а я кокетливо захлопала глазками. Тем не менее, бутылка успешно перекечевала в выдвижной ящик стола. — Вас имена за какой временной промежуток интересуют?

Из здания я вышла с широкой победной улыбкой на лице и даже ливень не смог испортить мне настроение. Одной рукой поглаживала сумку с драгоценным бумажным грузом, а другой — держала над нею зонт. Часть имен можно пока отложить в дальний ящик. Они пригодятся в будущей статье. Это имена тех, кто пропал уже довольно давно. По словам участкового, первые случаи начались около двадцати двух лет назад. А вот по именам недавно пропавших я могу провести расследование с опросом родственников, пока еще свежи яркие воспоминания.

Интервью — важный аспект достоверности и никогда не стоит пренебрегать им.

Нужно будет обязательно поблагодарить тетю за оказанное содействие. Как только до дома доберусь. Угораздило же пешком пойти по песчаным дорогам, мимо овсяных полей, да под проливным дождем. Но отпуск есть отпуск. Сколько бы дискомфорта ты ни ощущал, сделай вид, что кайфуешь от него. В этом вся суть отдыха на природе. Эх, зато воздух относительно чистый. И лесом пахнет вкусно.

Кстати, о лесе... по дороге из Чамерово в Станино никаким трехметровым забором он не был огорожен. Но разве это не один и тот же лес? Ведь отсюда можно дойти и до той его части, что опасна и скрыта. Может... может, попробовать? Пройти через овсяное поле, разделявшее нас, и попробовать?

Остановилась, вглядываясь и пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь густые заросли.

Возможно ли, что люди не пропадают просто так? Я уже совсем перестала верить в чудеса, однако список пропавших оказался довольно внушительным. Не думала, что все настолько серьезно...

— Эй, ты! — громко окликнул меня мужской голос с легкой хрипотцой, и от охватившего меня страха я застыла, словно каменное изваяние. Источник этого голоса стоял где-то позади. Прямо в поле. — Раз мои намеки не помогли, значит, ты забыла меня? Тогда помогу вспомнить...

Оборачиваться было страшно. Очень страшно. Инстинкт самосохранения кричал мне: «Беги! Беги и не оглядывайся, пока цела!» От одной только интонации незнакомца всё внутри сжималось в тугую комок.

Но я медленно обернулась, сдвинув брови и вытаращив глаза. И сразу же пожалела о содеянном.

Высокий крепкий мужчина направлялся ко мне, находясь по пояс в колосьях овса. Из мокрой рыжей шевелюры торчали два крупных звериных уха. Капли дождя скатывались с его волос и кончика носа к плечам, ключицам, а затем рисовали влажные полосы на подкаченном голом торсе. Благо хоть в штанах был. Ярко-зеленые глаза гневно посверкивали и метали молнии, которых в небе не было видно даже при таком сильном ливне. Высокие скулы, мощные челюсти... Приоткрыв рот, незнакомец демонстрировал мне свой клыкастый оскал. Губы нетерпеливо подрагивали... предвкушая вкус добычи?

Что это? Что это такое?!

Я не могла сдвинуться с места. К месту меня приковал когнитивный диссонанс. Столько времени я сочиняла мистические небылицы и смеялась над легковерными читателями, а сейчас сама стала свидетельницей природной диковины!

Оборотень становился ближе ко мне с каждой секундой, а я просто стояла и наблюдала за тем, как перекачиваются при ходьбе его мышцы. За тем, как с каждым его шагом моя печальная участь всё яснее вырисовывается в сознании. За тем, как зелень его глаз обволакивает меня целиком и полностью.

Банальный инстинкт самосохранения дал о себе знать только тогда, когда расстояние между нами сократилось шагов до десяти. Именно инстинкт дал мне ментальный пендаль, и я бросилась вперед к деревне по песчаной тропе, отшвырнув зонт в сторону, как ненужный балласт.

Сердце бешено заколотилось об грудную клетку. Этот монстр бежит за мной! Сорвался с места так же, как я, и пытается нагнать!

Проливной дождь превратил песок в грязную жижу и приходилось сильно постараться, чтобы не поскользнуться. Сколько этой жижи уже набилось в мои босоножки... Пара верхних пуговиц расстегнулась, и блузка съехала с одного плеча, но не время сейчас было ее поправлять. Хотя мое обнаженное плечо выглядело сейчас довольно презентабельно для того, чтобы впиться в него клыками и разодрать на части.

Готова поклясться, что эта тварь может нагнать меня за несколько ловких прыжков. Бегу я недостаточно быстро. Почему же он этого не делает?! Неужели, поиграть со мной решил перед тем, как сожрать?

Я чувствовала его тяжелое дыхание прямо за спиной. Даже запах его чувствовала, от которого

у меня внутри всё переворачивалось. Да и я, активно выделяя адреналин, добычей была самой подходящей для обеденного перекуса.

Хитрый маневр от незнакомца, взмах крупного лисьего хвоста перед лицом и вот, мужчина стоит прямо передо мной. Я едва успела затормозить, резко развернуться и кинуться в противоположную сторону. Смысла в этом было ноль. В деревне я могла бы попробовать спрятаться, а в открытом поле преимущество всегда будет на стороне того, кто быстрее. Например, вот это страшное существо.

Еще я могла бы попытаться затеряться среди колосьев, но поможет ли это? Оно ведь чует меня должно.

Но убежать в гущу овсяного поля я не успела. Меня вновь опередили. Мощная фигура возникла передо мной будто из-под земли. В этот раз оборотень успел клацнуть зубами перед моим лицом и усмехнуться.

Сколько же я буду бегать туда-сюда, как идиотка?! Перед смертью не надыхишься. Вот она — участь мистического журналиста. Рано или поздно аномальщина обидится на твои выдумки, найдет тебя сама и отомстит.

Однако мужчина с места не трогался. Я стояла прямо перед ним, испуганно глядя на него снизу вверх, а он лишь скалился и ухмылялся. Чего же он ждет? Чего ему от меня надо?

— Жить... хочешь? — задали мне риторический вопрос. Но я все равно на него ответила.

— Хочу.

Тук-тук-тук. Как же быстро колотится сердце! Дождь и слезы застилают глаза и приходится часто-часто моргать, чтобы не потерять хищника из зоны видимости.

— Тогда... — мужчина наклонился к самому моему уху. Горячее дыхание обожгло меня, несмотря на дождь и ледяную мокрую блузку, прилипшую к телу, — ...беги. Так далеко, как только можешь. Далеко-далеко беги. Чтобы я не догнал. Давай же!

Последние слова оглушили меня и вывели из оцепенения. Я побежала. Опрометью побежала в сторону деревни, будто дыхание второе открылось. На бегу обернулась. Стоит. Он стоит, скрестив руки на груди и ждет. Почему? Почему же?!

Поворот, еще один поворот и вот я у первого дома. Надеюсь, соседи спрячутся от дождя дома и никто не заметит, если я влезу на частную собственность. Это вопрос жизни и смерти, между прочим! Войдите в положение!

Вскарабкалась по забору, обдирая пальцы и протирая джинсы. Прыгнула. Времени на отдышаться не было, поэтому сразу же забежала за дом, потом за бочку, наполненную мутной протухшей водой, и затаилась там.

Тихо. Неужели, он и правда дал мне возможность сбежать? Какой странный... оборотень? Это и правда оборотень?! Почему мне так показалось? Только из-за ушей, клыков и хвоста? Но реквизиты для карнавалов еще никто не отменял. Может, это очередной розыгрыш? Вроде тех, с тушенкой и капустным пирожком.

— Бу, — шепнули мне на ухо.

По инерции я отшатнулась в противоположную сторону, отползла по траве и только после этого заметила обладателя лисьего хвоста, довольно прищурившегося и склонившего голову набок.

— Один ноль в мою пользу, — самодовольно заявил он. — До сколько счет вести будем, м?

Как он тут оказался?! Еще и так быстро! Дело — дрянь. Нужно искать другое укрытие и немедленно.

Вскочила с земли и, теперь уже не оборачиваясь, кинулась прочь из этого двора. Куда-нибудь. Куда угодно, лишь бы подальше. Только через шесть домов перемахнула еще через один забор.

Чей-то сарай. Открыт? Открыт, слава тебе господи! А закрывается ли он вообще? Нет... Даже щеколды хлипенькой нет! Ладно. Главное — вести себя тихо. Затаиться. Если хочет поиграть со мной в прятки — нужно играть по его правилам, но при этом выиграть. Выиграть, а потом

уехать отсюда. Ложь оказалась куда безопаснее жестокой правды. Уволюсь. Обязательно уволуюсь. Чувствую, что сочинять я больше не смогу, а если и расскажу обо всем — не поверят. Никто же мне не поверит!

— Два ноль, — заглянула рыжая голова под столярный стол, под которым я и спряталась в этот раз. — Но я великодушно решил дать тебе еще одну попытку.

Выползла из укрытия. Уже не чувствуя ног, понеслась туда, куда глаза глядели. На улицу, а затем в сторону тетиного дома.

Нет! Туда нельзя! Вдруг, с ней что-нибудь случится? Ах, вот же дура, дура я. Можно же в машине спрятаться! Хрен он в моего китайца залезет. Эта колымага, хоть в каждой яме и застрянет, даже апокалипсис переживет.

На бегу принялась активно копаться в сумке. Бумаги, бумаги, бумаги, кошелек, еще бумаги... ключи! Ключи, вот они, родимые! Еще чуть-чуть, совсем немного!

Остановилась напротив водительской дверцы моего «Чери Амулет», попыталась впихнуть ключ в скважину. Не той стороной. Другой стороной надо. Нет, всё-таки та сторона была правильной! Прямо как флешка — только с третьего раза вставить можно.

По величайшему закону подлости ключи выскользнули из моих рук и упали в траву. Нагнулась, принялась копаться.

Слишком долго! Слишком долго! Нет, нет, нет!

— Три ноль! — раздалось победное за моей спиной.

А потом я почувствовала, что тело мое отрывается от земли. Отрывается и падает на плечо рыжего маньяка. Больно. Животом об твердые мышцы. Даже не укусить. Куда там укусить, когда твоя голова за его спиной?

— Ну что, набегалась? — насмешливо поинтересовался оборотень, прихлопнув меня по заднице. — А теперь домой.

— Куда-а-а? — вымученно протянула я, без истерики смирившись со своей судьбой. Сил не было на истерику и на то, чтобы просто поорать, тоже.

— Куда-куда, — передразнили меня, немного подкинув, чтобы ухватить поудобнее. — В нору. С утра я там прибрался, чего обычно не делал, так что должно быть сносно. И вообще, с какой стати я должен был прибираться, фиг его знает... — пробурчал он под нос, уже уводя меня от дома. Уводя от дома за другие дома. К тому самому трехметровому забору, скрывавшему густой проклятый лес.

Один грациозный прыжок — и мой похититель, даже со мной на плече, перемахнул через преграду. А после совершенного усилия продолжил свой путь спокойным шагом и с ровным дыханием.

Нет, это точно не человек в костюме. Это что-то очень странное и непонятное. Сильное, ловкое и непостижимое... с большим пушистым лисьим хвостом. Что представляет собой нора, в которую он меня тащит? Нора — лисья нора, верно? Там он меня и сожрет? Конечно, не всю же сразу. Сразу я ему не помещусь. Хотя, кто его знает... В такого, может, и поместится. Не подавится.

— Всё еще не вспомнила? — как бы между прочим осведомился оборотень.

Мы уже шли по редколесью. Вернее, шел мужчина, а я так, мешком с картошкой висела и обеспокоенно наблюдала за тем, как мы удаляемся из относительно безопасной зоны. А еще за покачивавшимся хвостом, который то и дело самым своим кончиком щекотал мое лицо. Ливень сошел на нет, и теперь покрапывал лишь мелкий дождик.

— Что я должна была вспомнить? — безэмоционально ответила я вопросом на вопрос и меня как следует встряхнули.

— Свои обещания! — с искренней обидой в голосе заявило мне рыжее недоразумение. — Как же легко, оказывается, люди про них забывают...

— О каких обещаниях ты талдычишь, ё-моё? — сменились страх и усталость на раздражение.

— Ах, о каких?! — вскипело существо. — А как же тушенка из банки? А как же пироги с капустой, которая овощ, но в пирогах получается вкусной?!

— Да я первый раз тебя вижу! — парировала я, обернувшись и гневным взглядом сверля дырку в затылке похитителя. — Ты что вообще такое?!

— Я?! — взвизгнул мужчина, грубо схватил меня за талию, стащил со своего плеча и, швырнув в траву, навис надо мной, рыча и скалясь. Я даже ойкнуть не успела, настолько быстро промелькнули все эти события. — Это уже ни в какие р-р-рамки...

Его перекошенное лицо не сулило мне ничего хорошего. И раз уж происходит то, что происходит, пусть и выходящее за грани моего сознания, нужно перестать ломать комедию и попытаться разобраться. Просто попытаться разобраться. Конструктивный диалог — лучший метод понять друг друга и избежать конфликта. Или же прекратить конфликт, который уже начался.

Знаю-знаю, организм, ты уже давно хочешь забиться в истерике, но потерпи еще чуть-чуть. Я обязательно дам тебе настрадаться с лихвой, как только опасность минует. Не делай глупостей. Слушай меня и всё будет хорошо.

— Подожди, — тихо произнесла, прикрыв глаза. Подлого нападения не последовало и, приоткрыв один глаз, я заглянула в озадаченное лицо оборотня. — Если мы действительно знакомы, то когда познакомились? И когда я дала тебе все эти обещания?

— Давно, — сдвинул брови незнакомец. — Но какая разница? Обещание — есть обещание. Ты либо выполняешь его, либо нет.

— Справедливо, — согласилась я. — Но дай мне еще хоть один малю-ю-юсенький намек. — Даже пальцами показала, насколько малюсенький. Соединила перед лицом мужчины большой и указательный. — Более понятный. Люди ведь... та-а-акие забывчивые.

Натянула глупую улыбку, но оборотень физиономию не изменил. Сейчас комика он из себя не строил и играть не хотел тоже. Разве что в угадку. Очень напряженная игра.

— Ты... ты называла меня Лисёнком, — выдавил оборотень из себя и замолчал.

Я чувствовала, как участилось его дыхание, а зрачки лихорадочно забегали по моему лицу, стараясь уловить движение каждого мускула.

— Ли...лисёнком? — полупшепотом повторила я.

Но к тете я приезжала прежде только раз. И видела лишь одного лисёнка, который постоянно прибежал к нашему дому из леса, чтобы курицу потаскивать. Вот только ходил этот лисёнок на четырех лапах, и морда у него звериная была, а не человеческая. Или же забавная зверушка... повзрослела? Ого-го как повзрослела! Мышцы-то какие отрастила и в лице изменилась... немного.

— А я ждал, — не выдержал мужчина затянувшейся паузы. — Я ждал, что ты вернешься. Запах твой запомнил, но больше не чувствовал его.

— Ты ждал, что я накормлю тебя? — вскинула я брови, не веря своим ушам.

Какая, однако, судьба-шутница. Я там статьи сочиняю мистические, на булку хлеба зарабатывая, а в маленькой деревеньке всё это время меня ожидала сенсация. Сенсация, которую я, вероятнее всего, уже не реализую.

— Я и так сказал слишком много, — вздернул нос оборотень.

А после мое брэнное тело вновь перекочевало на его крепкое плечо.

Вот ты каков, любитель тетиной курочки. Остается надеяться на то, что меня не постигнет участь растерзанных в клочья пернатых. Где бы ни находилась эта нора и какой бы она ни была, мне еще хватит воли к жизни для того, чтобы оттянуть время и сбежать. Наверное. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Глава 3. Незванный ужин

Совсем скоро мы миновали редколесье и зашли в густые заросли, но в них мой похититель даже ускорился. Каждый его шаг был выверен, а также он успевал пригнуться, чтобы низко расположенные ветки не скользили по моей голове.

Мы молчали, а потому от мыслей о возникшем между нами с оборотнем конфликте я переключилась на общие ощущения от «путешествия».

Лес как лес. Казалось, ничего в нем не было особенного. Пах он свежей листвой, со всех сторон раздавались то птичьи трели, то мерное постукивание дятла. Шорох травы — мелкие животные вроде ежей или змей направляются по своим делам и им абсолютно плевать на то, что по лесу этому вышагивает существо из мифов и легенд. Недочеловек, недозверь — оборотень. Поразительно быстро я привыкла к странной компании. Возможно, потому, что писала о подобных тварях и зарабатывала этим на жизнь. Но в том-то и дело, что все мои статьи были выдумкой. А теперь... воочию. Странно. Очень странно.

Еще больше меня поразил тот факт, что знакома я была с этим оборотнем намного раньше, однако даже не подозревала, что у меня есть подобные связи. Я, действительно, забыла его. Если бы он не рассказал мне про Лисёнка, то и не вспомнила бы. Детские воспоминания обычно либо забываются во взрослом возрасте, либо расплывчаты, либо очень гиперболированы.

— А как тебя зовут? — решила поинтересоваться я, пока не поздно. Не называть же мне его оборотнем в самом деле. Разумное существо всё-таки и чувство собственного достоинства у него должно иметься в наличии.

— Я — лис, — просто ответил мне рыжий. — Так что зови меня Лисом.

— Другого имени у тебя нет? Более... — замялась я, пытаюсь подобрать правильное слово, — ... человеческого?

— Нет, — был мне лаконичный ответ.

Обидела я его сильно, судя по всему. Из местного шутника превратился в молчаливое и дующее сознание. Как ребенок, ей-богу.

Однако возможно ли, чтобы люди пропадали в лесу именно... из-за него? Или из-за его сородичей. Раз уж здесь творится такая чертовщина, то не удивлюсь, если оборотень здесь живет не в гордом одиночестве.

— Люди, которые пропадают, — осмелилась я снова открыть рот. Любопытство губит, но я ведь журналист. Любопытство у меня в крови, — это твоих рук дело?

— Нет, — вновь максимально конкретно ответили мне. Но решили пояснить: — Лес сам забирает людей. И поделом им.

— Так главное чудовище здесь — лес, а не... ты? — ляпнула я, не подумав. Но тут же прикрыла рот ладошкой. И так чувства задела, а сейчас еще и издеваться вздумала. Тем не менее, Лис на мои слова усмехнулся. Усмехнулся и заметно повеселел.

— Главное твое чудовище — это я, а на остальное можешь не обращать внимание.

Утешил, ничего не скажешь. Какую же глубокую обиду он на меня затаил, даже подумать страшно. В любом случае, сейчас я ничего сделать не смогу. И план побега составлять еще рано. Нужно было поглядеть на эту, так называемую, нору и уже после решать, что делать раньше. Если раньше меня не сожрут. Интересно, может ли он? Если пропажа людей — не его рук дело, значит, для людей он безобиден? Как легко было бы приходиться в деревню и понемногу ее обглаживать, ах нет. Видать, держит себя в рамках.

Да в каких, к чертям, рамках?! Меня в самую чащу несут на плече, как безвольную куклу, и я даже не знаю, что будет со мной дальше. Почему я вообще поверила, что мужчина с лисьим хвостом непричастен к пропажам? На слово поверила? Ему?!

По мере погружения в лес чувство, что что-то не так, не покидало меня и становилось сильнее с каждой минутой. Не знаю, сколько уже прошло времени, однако предположительно через полчаса меня начало жутко мутить. Не только от специфического способа передвижения, но даже от запаха, который в определенный момент резко изменился. До этого лес пах лесом, а

теперь... теперь к этому запаху примешалась какая-то сладковатая горечь. Странное сочетание, заставлявшее ком встать в горле. Хоть нос затыкай. Казалось, звуки тоже изменились. Совсем они не были похожи на прежние. Словно птицы пели иначе, а шорох в траве бил по барабанным перепонкам. Атмосфера заметно сгустилась. Будто тягучий деготь тебя обволакивает, а не воздух невесомый. Я плавала в этом дегте и тщетно пыталась набрать свежий воздух в легкие.

— Оста...новись, — прошептала я, когда стало совсем невыносимо. — Дышать... дышать не могу.

— Привыкнешь, — хмыкнул оборотень. Его окружающая горькая духота, видимо, не смущала нисколько. — Все привыкают.

Меня этот факт не успокоил, а в горле жутко запершило. Так, что я залилась пронзительным кашлем, попыталась вдохнуть снова, голова закружилась, а потом глаза застелила темная пелена.

Последнее, что я помнила — покачивавшийся лисий хвост перед глазами.

Очнулась я уже лежа на полу в каком-то теплом помещении. В полной тишине. Дышать было так же трудно, как и прежде, но я постаралась взять себя в руки, сделать над собой неимоверное усилие и приподняться.

Да, так и есть. Какая-то хижина, в окна которой льет солнечный свет. Убранство максимально скромное: большая русская печь в углу, стол, четыре задвинутых стула возле него, кровать на возвышении, застеленная цветным лоскутным покрывалом, потертый клетчатый диванчик под окном. Заприметила я также выход на чердак и дверцу в погреб.

А Лиса-то и нет. Ушел куда-то Лис. Возможно, не думал, что я так быстро очнусь и слинял куда-то по своим лисим делам. Значит, это мой шанс.

Превозмогая гудение в голове и тошноту, поднялась, пошатываясь. Одежда на мне уже высохла и больше не доставляла такого дискомфорта. Руки-ноги на месте. Сумка! Сумка не на месте. Должно быть, выронила, когда сознание потеряла. Там ведь все документы, флешка с будущими материалами, а еще списки имен, на которые я возлагала столько надежды!

Так. Только без паники. Как только выберусь отсюда, надо постараться найти хоть какие-нибудь ориентиры. Но проблема в том, что я даже не знаю теперь, с какой стороны меня принесли. Угораздило же отключиться. Пожинай плоды слабого организма. А запах ведь, действительно, дико неприятный и странный. Аж жуть берет.

Для начала проверим самый очевидный способ покинуть это место.

Приблизилась к входной двери и дернула за ручку. Заперто, как и предполагалось. Однако проверить на всякий случай стоило.

Переходим к плану «Б». Окно я выламывать не буду, потому что не вандалка какая-нибудь. Если в экстренных ситуациях мы будем только рвать и крушить, то утратим всю свою человечность. Оборотень ведь старался, уют наводил. Получается, остается чердак. Там, обычно, выход на крышу располагается, а с крыши уже можно спуститься. Если дом одноэтажный, то лететь недолго. А лететь мне отсюда придется в любом случае, сверкая пятками, когда красноречивый похититель вернется.

К чердаку вела аккуратно сколоченная деревянная лестница. Поборов очередной приступ тошноты, вскарабкалась по ней, навалилась на дверцу, подтолкнула ее...

Как только у меня появилась возможность окинуть взглядом то, что таилось за этой дверцей, я даже замешкалась от удивления.

На чердаке была еще одна комната, причем интерьер ее сильно отличался от того, что внизу. Например, здесь были поклеены обои в отличие от бревенчатых стен остальной части дома. В уголке стояла односпальная кровать с белоснежным постельным бельем, рядышком прикроватная тумбочка с керосиновой лампой. Шкаф и зеркало в полный рост располагались напротив. У окошка — столик, а на столике — ваза со свежими луговыми цветами.

Вот так чердак. Не то, что у тети, у которой там черт ногу сломит, да еще и паутина повсюду, куда ни сунься. Успевай только пауков с себя стряхивать.

А здесь всё так мило, уютно и красиво. Конечно, с убранством моей московской квартирки не

сравнится, но уютно здесь по-своему. Вон, даже картина в рамочке над кроватью висит. Довольно эстетично.

Это комната Лиса? Или же он живет не один? Однако создается такое впечатление, что комната нежилая. Слишком уж чистая и следов проживания кого-либо здесь нет. Хоть бы чашка стояла какая-нибудь или книга лежала на столе. Что угодно.

Но построить еще какие-нибудь догадки я не успела. Раздался громкий хлопок входной двери, который заставил меня вздрогнуть, сделать пару неловких шагов вниз, одной ногой оступить и полететь с неудобной лестницы вниз.

Как ни странно, мое брненное тело так и не достигло пола. Его подхватили, и уже через пару мгновений после падения я оказалась прижатой к чьей-то теплой груди. К чьей же, если не к груди хозяина этой хижины? Почувствовала, как щеки налились свежим румянцем и закусила губу от стыда.

— Обживаешься уже? — усмехнулся мужчина, так и не выпуская меня из рук. — Ну, живи, пока у тебя еще есть такая возможность.

Я подняла на него испуганный взгляд, и взгляды наши столкнулись. Неловко. Очень неловко. Жизнь не готовила меня к такой ситуации.

— Возможность? — переспросила я, и оборотень изящно изогнул бровь. — Что же ты собираешься со мной сделать?

— Что я собираюсь с тобой сделать? — усмехнулся обладатель рыжего лисьего хвоста и быстро скользнул языком по верхней губе. — Конечно же, съесть. Ты кормила меня своими обещаниями столько лет, а теперь... теперь накормишь собой.

Его обольстительный оскал нисколько не смягчил тяжести моего приговора. Слезы скопились в уголках глаз от одной только мысли: «Он не шутит».

— Страшно, да? Я чувствую, как тебе страшно, — продолжали измываться надо мной, всё еще держа на весу. — И знаешь, это безумно приятное чувство. Потому что перед тем, как съесть, я бы хотел сломать тебя. Сломать тебя так, чтобы ты сама попросила меня об одолжении избавить тебя от страданий.

— Тебе меня не сломать, — ответила я ему, пытаюсь задействовать тон потверже. Но сделать это тяжело, если ты висишь на чьих-то руках и не способна хоть как-то контролировать ситуацию.

— Начну с сегодняшнего дня, — ухмыльнулся ушастый, и от этой ухмылки у меня аж мурашки по коже пробежали, а мысли о тошнотворном запахе леса отошли на второй план.

С сегодняшнего дня он и начал. Чавканье ароматной зайчатинкой, за которой мужчина уходил на охоту, заставляло мой желудок возмущенно бурчать. Тем не менее, я должна была сидеть напротив вредного Лиса за одним столом и наблюдать за тем, как смачно этот злыдень поглощает свой ужин. Еще и хитро поглядывает на меня из-под полуопущенных ресниц.

Верно. Ужин. Почти весь день я просидела в комнатке на чердаке, которую готовили именно к моему приходу. Как же мило со стороны полуживотного. Однако моя квартира в Москве в любом случае лучше, и к тому же даже в столь диком городе с бешеным ритмом жизни меня еще не грозились сожрать, а это тоже весомый плюс. Короче говоря, сваливать надо из этой, так называемой, норы. И чем быстрее, тем лучше.

Если не помру от голодной смерти раньше, чем мой побег случится, потому что желудок вновь пронзительно заурчал.

— Ну, что? — прожевав очередной кусок поджаренной крольчатины поинтересовалась у меня наглая рыжая морда. — Кушать хочется? А мне ведь тоже хотелось, но ни тушенки из банки, ни пирожков с капустой...

— У тебя был рот, чтобы сказать о том, что ты не животное! — нервно огрызнулась я и перевела взгляд в сторону окна. Сумерки. Как только ляжет спать, так сразу и улизну. Не будет же он меня всю ночь сторожить. Оборотни тоже спят. Особенно, если весь день бодрствовали.

— Рот-то у меня был, но если б я его разинул, то старуха бы... ай, ладно, — мотнул Лис головой, кинул на тарелку обглоданную кость и впился зубами в... какой уже по счету?.. кусок

мяса.

— Что за старуха? — моментально навестила я уши.

Новое действующее лицо. Возможно ли, что тоже оборотень? Вполне, вполне возможно. Но если она старуха, значит — женщина. А если она женщина, то, возможно, войдет в мое положение и попросит моего похитителя отпустить меня на волю. Однако всё осложняет тот факт, что вполне вероятно и за сородича своего она вступится. М-да, незадача...

— Ты с ней еще увидишься, — пообещал оборотень, прожевав. Облизнул покрытые жиром губы. — Если не ты ее найдешь, то она тебя. Непременно.

— Она тоже оборотень? — озвучила я вопрос, заданный себе мысленно.

— И да, и нет, — пожал мужчина плечами. — Смотря что понимать под этим словом. Наверное, больше «да», чем «нет». Не знаю.

А живот мой вновь поднял бунт. На этот раз еще жалобнее и протяжнее. Такой, что на этот раз сумел разжалобить даже того, кто обещал мне последующую жизнь в страшных мучениях.

— Жри, пожалуйста, — одним движением руки пододвинули мне тарелку с жареным мясом, которая проскользнула по поверхности стола и притормозила прямо передо мной.

— Манерами ты не обделен, — вскинула я бровь, но в ответ на это получила лишь громкую отрыжку и начало процесса ковыряния в зубах тонкой косточкой. — Однако не всё еще потеряно.

Для дальнейшего паясничества у меня уже не хватало сил, а потому я, как и оборотень, со всей жадностью вцепилась в сочный кусок мяса и отодрала его зубами от кости.

Ох, как же это было... вкусно! Невероятно вкусно! Говорят, хлебушек, пожаренный на костре или картошечка, запеченная в углях — самая аппетитная еда в мире. Нет! Самая аппетитная еда в мире — что угодно с сильной голодухи. Теперь я понимаю, с каким удовольствием команда Генри Моргана, решившая грабануть Панаму и передвигавшаяся через дремучие джунгли без запасов провизии, поедала подошвы собственных сапог.

Даже не заметила, как тарелка передо мной опустела. Но желудок теперь сигнализировал о том, что топливный бак заполнен до отказа. Можно и расслабиться временно. Вре-мен-но! Потому что на ночь у меня еще есть определенные планы.

— У меня просто сердце разрывается, когда я вижу тебя довольной, — протянул Лис, подперев щеку рукой и уставившись на меня, сдвинув брови и не мигая.

— Знаешь, я буду совсем не против, если оно разорвется, и я смогу удрать отсюда, — парировала я уже на полном расслабоне.

А в доказательство того, что я сказала лишнего, за окном раздался протяжный волчий вой. Следующий раздался еще громче предыдущего и пришлось непроизвольно вжаться в стул и шумно сглотнуть.

— Ну и лицо у тебя, — хохотнул Лис, слегка запрокинув голову. — Как будто... — наклонился он ко мне через стол и резко поменялся в лице, — ...передумала сбежать.

Да, возможно. Совсем на секундочку. Или на две.

Вновь душепробирающий вой, и взгляд мой снова метнулся к окну, за которым уже совсем стемнело.

На три. Но лучше быть слопанной волком без всяких прелюдий и церемоний, чем сидеть в плену у монстра разумного, наглого и маниакального. Хотя... погодите-ка.

— Ты ведь не один оборотень здесь? — внезапно озарила меня светлая мысль. Еще не факт, что слопает меня самый обыкновенный волк, а не тот, что в человеческой шкуре.

— Ты права, — растянул мужчина губы в широкой улыбке. — И скажу тебе по доброте душевной... в этом лесу проживают те, кто немного опаснее меня. Совсем чуть-чуть. Но вряд ли ты сможешь заговорить им зубы.

Прикусила губу. Тон Лиса заставил меня внутренне сжаться.

Выходит, что я в ловушке? Выйду отсюда — и можно ставить на мне крест? Так бежать или нет? Бежать или нет? Честно говоря, я в принципе не хочу быть съеденной ни одной из этих тварей. Выждать подходящий момент? Когда он настанет? Как долго я буду ждать?

Нет. Если решаться, то сразу. Чем больше времени я здесь проведу, тем страшнее мне будет совершить побег потом.

— Я предупредил тебя, — улыбнулся рыжий уголками губ, будто прочитав мои мысли. — Один шаг за двери — и тебе конец. Но я надеюсь, что ты умная девочка и предпочтешь мою почти безобидную компанию. Можешь подниматься вверх, — встал мужчина из-за стола. — Так уж и быть, сегодня больше не буду к тебе приставать. Спать хочу. Очень, — с нажимом добавил он и показательно зевнул, максимально распахнув рот.

Глава 4. 52-й сезон "В мире животных"

Лежать в кровати я старалась не смыкая глаз. Потому что нельзя спать, хотя очень хотелось. Определенного плана побега у меня не было. Из дома выберусь, а там будь, что будет. Да я даже не знала, в какую сторону мне дёру давать. Если интуиция не подведет — выйду к деревне. Если подведет, то либо заблужусь и от голода помру, либо заблужусь и попаду на зуб какой-нибудь местной монстрятине. Их тут, видимо, много бегают.

Часов в этой хижине не имелось, как ни странно, а потому и времени я не знала. Знала только, что за окном темно. Значит, ночь. На этом всё.

Однако выждала я порядочно. Часа два, не меньше. Лис уже должен был заснуть, если не страдает бессонницей. Но слишком уж ему хорошо живется, чтобы ею страдать. Пора.

Соскользнула с кровати, на цыпочках подошла к окну, дернула за ручки, и свежий ночной воздух ворвался в комнату. Свежий, конечно, относительно, потому что от здешнего воздуха у меня по-прежнему кружилась голова и в горле першило. Может, растения в этом лесу какие-нибудь странные растут и сейчас период их цветения? Умею же я быть в «правильном» месте в «нужное» время.

Посмотрела вниз. А прыгать-то далеко. Хоть домик одноэтажный, ногу я бы точно в лучшем случае подвернула. В худшем — свернула бы шею. И куда бы побежала в таком состоянии? На тот свет?

Оставался единственный путь — через входную дверь. Однако путь этот осложнялся одной малю-ю-юсенькой деталью — спящим внизу оборотнем с, наверняка, чутким слухом и отменным зрением. Зверь же наполовину, и атрибуты должны быть у него соответствующие.

Эх, где наша не пропадала?

С быстро колотящимся сердцем я подкралась к дверце на чердак и, стараясь не создавать никакого шума, медленно ее приоткрыла. Прислушалась.

Тихо. Слишком тихо! Подозрительно тихо! Такое тихо, что даже громко.

Нервно сглотнула. Тихо и должно быть. Спит ведь основной источник шума в этой норе. Не все же мужчины храпят. Спит спокойным звериным сном, бегают там за зайцами и радуются жизни. Я тоже хочу радоваться жизни. Свободной жизни, а потому я пошла, ладно?

Зажмурившись, спустилась по опасной деревянной лесенке, а уже на полу повернула голову в сторону той самой кровати с лоскутным покрывалом на возвышении. Только нога голая в полумраке из-под одеяла торчит.

Спи. Спи сладким сном, мой незадачливый похищенец. Когда опомнишься, я уже того, на китайце своем далеко уеду. В городе точно меня не унюхаешь, зуб даю. Да ты хоть знаешь, что такое светофор? На первом же перекрестке твою лисью морду по асфальту раскатают, хе-хе.

Так. Время злорадства придет тогда, когда я дорогу домой отыщу. А пока... пока надо отправиться на ее поиски. Было приятно познакомиться. Вернее, встретиться вновь, хоть я тебя и не помню совсем.

Пол пронзительно скрипнул под тяжестью моего тела. Резко остановившись, я непроизвольно прикрыла рот ладошками, обернулась в сторону спящего, но не уловила никакого движения. Повезло. Очень повезло.

Пол скрипнул еще несколько раз прежде, чем я добралась до входной двери. Дернула за ручку.

Открыто! Вот же дурак! Думал, послушаю тебя, подожму хвост и не решусь бежать? Плохо же ты меня знаешь, морда бандитская. Я ведь журналист. Опасность — мое второе имя. Какая разница, бродят там волки или нет? Я все равно убегу.

А мрачновато этот лес выглядит ночью. Даже лунный свет не спасал от жутких теней. Скорее наоборот — создавал их. Ветви деревьев так и плясали на ветру, рисуя на земле почти кинематографические картины. Уханье совы на соседнем дереве переплеталось с волчьим воем, раздающимся где-то вдалеке. Страшно. Но еще страшнее — жить в вечном ожидании, что меня когда-нибудь сожрут.

Это стало железным аргументом и, бережно прикрыв за собой дверь, я пошла... вперед. Просто вперед. Как говорится, туда, куда глаза глядят. По вытоптанной тропинке. Возможно, именно она выведет меня на верный путь.

Так что всё будет в порядке. Всё будет хорошо. Просто иди по тропиночке, на зловещие звуки не обращай внимание. Лес большой, а я — маленькая. Не учуют, не успеют. Может, они ночью спят так же крепко, как Лис. Люди же наполовину, так что не факт, что ночью...

Ближайшие ко мне кусты зашуршали, и я тут же по инерции шугнулась в противоположную сторону. Замерла, не отрывая от подозрительных кустов настороженного взгляда. Одна секунда, две, три... Время тянулось невероятно медленно.

Вдруг два длинных серых уха показались из-за темно-зеленых листочков. Длинных уха... заячьих.

— Ёкарный баба-а-ай... — сразу отлегло от сердца. — Заяц. Всего лишь долбанный заяц...

...но следом за ушами из куста вынырнула человеческая голова. Два больших серых глаза уставились на меня с таким же удивлением, как и я уставилась на...

— А-а-а, оборотень! — рот озвучил мои мысли одновременно с их появлением и, свернув с тропинки, я кинулась в самую чащу так быстро, как только ноги позволяли.

— А-а-а, человек! — услышала за спиной удаляющиеся крики.

Похоже, на утёк мы бросились в разные стороны, потому что, когда я остановилась, никаких зайцев и оборотней по мою душу не прибыло.

Заяц-оборотень? Мать моя, роди меня обратно.

— Заяц? — не могла поверить своим глазам и устало облокотилась на ствол дерева. — К такому меня жизнь не готовила. Ой.

Мысли настолько спутались в голове, что я непроизвольно начала их озвучивать. Со стороны явно должна была выглядеть как сумасшедшая. Но это еще полбеды.

Ладно лис. Еще куда ни шло. Но чтобы заяц! Что вообще творится в этом чертовом лесу?! Это же противоречит всем канонам оборотней. Даже то, что эти каноны сочинили люди, меня несколько не смущало.

А если подойти к проблеме с другой стороны и задуматься о том, что заяц — совсем не хищник? Вряд ли он может меня сожрать, а значит... как раз он и может показать мне путь из этого леса. Конечно же! А я, дура такая, драпу дала с перепугу.

Ах, дурит голову дурман...

Чье-то тихое пение раздалось справа от меня. Еще глубже в чаще. Но я отчетливо услышала тонкий женский голосок.

Надышалась лесными парами и появились первые звуковые галлюцинации или же... Нет, после встречи с зайцем-оборотнем я уже ничему не удивлюсь. Даже тому, если этот голос не имеет источника. Однако на поиски источника я уверенно выдвинулась. Возможно, это был еще один оборотень. Соловей какой-нибудь, почему бы нет? Вот после зайца, почему бы нет? Да чего мне вообще заяц этот сдался?!

Дыханья твоего касанье,

Рука легла на легкий стан...

Кажется, я двигалась в нужном направлении. По крайней мере, звуки голоса становились еще громче. Но приходилось продирается сквозь заросли каких-то колючих кустов, цепляющихся своими колючками за мою одежду и царапая кожу. Терпела, стиснув зубы. Обходной дороги

всё равно не было.

Ах, дурит голову дурман.

Мгновенья рядом — есть страданье,

Мир, где мы счастливы — обман...

Вот чья-то фигура скользнула прямо передо мной и тенью растворилась среди деревьев.

Я резко остановилась, а голос, как назло, тут же смолк. Видимо, меня заметили. Но я и так хотела, чтобы меня заметили. Даже не знала, у кого именно хочу попросить помощи, но голос необычайно располагал к себе. Тихий, ласковый, жалобный.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

Тупая шаблонная фраза. Я ведь и так знаю, что здесь кто-то есть. Или... или был. Но если этот некто захочет пойти на контакт, то даст об этом знать. Если не захочет, то не буду же я заставлять. Пойду тогда искать зайца. Может, в следующий раз мы сможем найти общий язык.

— Э-э-эй? — позвала я снова, прислушиваясь к каждому шороху.

И этого оборотня спугнула, получается? Мне что, одного волка пугаться, что ли? Остальные пока что сами разбегаются. А насколько быстро бегают заяц? Могу ли еще?..

— Хорошая малина уродилась нынче, — раздался тот же тихий и ласковый голос за моей спиной.

Даже чертыхнулась прежде, чем обернулась и встретилась с печальным взглядом миловидной девушки лет двадцати. Любят же они со спины подкрадываться! И Лис, и эта... Кстати, а кто «эта», позвольте узнать?

Длинные белоснежные волосы легкими волнами спускаются на плечи. Часть из них заплетена в аккуратные косы по бокам головы. Пронзительные темно-серые глаза, казалось, смотрят в самую мою душу, перечитывают самые сокровенные мысли в моей голове. Бледная кожа, осиная талия, изящные руки. Подол легкого платья из пепельного цвета ткани тянулся до земли. В руке лесная дева держала корзинку, полную крупных алых ягод.

— Хочешь попробовать? — не дожидаясь, пока я открою рот, поинтересовалась незнакомка. Чуткая улыбка осветила ее и без того симпатичное личико. Под этим давлением невозможно было не растаять, но...

— Я хочу выбраться отсюда, — честно ответила я, и улыбка на лице девушки вновь сменилась выражением искренней печали и скорби. — Нет, вы не понимаете, — замахала я руками, чтобы вывести любительницу малины из транса. — Еще сегодня в была в деревне. Станино называется. А потом меня привел сюда оборотень, но я хочу назад. Понимаете? Назад хочу. Я. Хочу. — Голос мой задрожал на последних словах, но я удержала себя в руках. Договорились же без истерик. — Вы знаете старуху? — внезапно зацепилась я за услышанную во время незваного ужина деталь. — Можете отвести меня к ней? Пожалуйста.

— Зачем? — захлопала барышня ресницами. — Ты придешь к ней сама. Наверное... завтра.

— Завтра? — опешила я. — Вообще-то этой ночью...

— Этой ночью ничего не случится, — опередила меня незнакомка. — Как и в следующую. Как и в последующую за ней, и во все ночи после. — Она сдвинула брови и уставилась на меня исподлобья. — Ты всё еще пахнешь, как человек, но это ненадолго, поверь. Очень скоро ты будешь пахнуть так, как прикажет тебе этот мир. Никак не иначе.

— Что? — тупо спросила я, чувствуя, как где-то на уровне грудной клетки зарождается новый приступ истерики. Смогу ли сдержать его в этот раз?

— Старуха расскажет тебе больше, — почему-то усмехнулась красавица напоследок.

Стоило мне моргнуть — и ее уже след простыл.

— Эй! — закричала я, тщетно пытаюсь поймать в поле зрения силуэт незнакомки. — Эй, подожди!

Но теперь на мой зов никто не ответил. Я снова осталась одна. Еще более потерянная и в большем отчаянии.

Однако, несмотря на странные слова не менее странной девушки, всё равно решилась углубиться еще дальше в чащу. Тропинку я потеряла.

Заблудиться в этом лесу особого труда не составило. Пробираясь через буреломы, оставляла на них целые клочки одежды, а противная липкая паутина, казалось, обмотала меня с ног до головы.

Теперь мысль остаться у Лиса не казалась мне такой страшной и безумной, как то, что я буду блуждать здесь до бесконечности. Ноги ныли, свежие царапины на коже сильно саднили.

И чего, спрашивается, ломанулась на ночь глядя? Еще и в самую первую ночь. Нужно было сначала обстановку изучить, отыскать какие-то ориентиры, с местными выйти на контакт. Возможно, заручилась бы чьей-нибудь поддержкой. Старухи той же самой. За две недели отпуска уж точно придумала бы что-нибудь дельное и более эффективное. Только если Лис не сожрал бы меня раньше... Вернее уж не сломал. Однако дремучая непролазная чаща могла сломать меня куда быстрее хитрой лисьей морды.

И шорохи. Шорохи то справа, то слева, то сзади, заставляющие сердце подпрыгнуть и замереть. Будто возле меня постоянно кто-то крадется, исчезает и затем появляется вновь. Страшно. Кровь застывает в жилах.

Решено. Если Лис меня отыщет в этих дебрях, то пойду с ним обратно в нору. Хватит с меня натуралистических приключений. Отдохну, поем и начну взвешивать вещи более рационально. Не ожидала я, что побег превратится в игру на выживание с самой собой.

Просвет в деревьях? Быть не может. Неужели, выбралась наконец-то? Не поверю уже в такое счастье...

Ускорила. Чуть не споткнулась об выступающий корень, но сумела удержать равновесие. Снова ускорила.

Но разочарованно вздохнула, когда вышла не к деревне, возвращение в которую лелеяла в мечтах, а на небольшую полянку. Немного улучшил настроение только клочок чистого темного неба над головой, украшенный россыпью звезд. И луна полная. Красиво. А освещала эта луна крупного матёрого волка, уже посверкивавшего на меня темными глазищами. Из огня да в полымя?

Нервно сглотнула и уставилась на него не мигая.

Нельзя так делать. Слышала что-то о том, что подобное действие расценивается хищником, как агрессия, но тело не слушалось сигналов, посылаемых головным мозгом. И спинным тоже. Меня вообще к месту пригвоздило, и даже сделать хоть один шаг назад я не решалась.

Оборотень ли это? Выглядит, как самый настоящий волчище, который шею способен за один выпад перекусить. И ждать, пока я морально сломаюсь, он не будет. Он меня физически ломает и намного быстрее. Сказка с неприятным началом заканчивается не менее приятным концом. На кого ж я оставлю своего бедного китайца-то? Заржавеет, развалится. Почему в такой момент я вспоминаю о колыхаге? А есть ли в моей личной жизни что-то более ценное «Чери Амулета»? Ни мужа, ни детей. От родителей уже давно отдельно живу. Мой китаец и я. А вместе мы — небольшая семья, вот так вот.

Слишком долго думала предсмертные мысли. Кажется, зверь задолбался ожидать моего побега и решил закончить всё побыстрее.

На шаг ближе ко мне, на два. Лунный свет скользил по его темно-серой шерсти. Шерсть отливала серебром.

Может, понюхает и уйдет? Ведь это необычный лес. Даже беловласка сказала, что я уже перестала быть человеком. Или как она ту мысль сформулировала?.. Быть может, человеком от меня теперь и не пахнет? Вся надежда на это.

И хотя направлялся ко мне зверь, когда я решилась открыть глаза, стоял передо мной уже высокий поджарый кареглазый брюнет в накидке из темно-серой шерсти, черных мешковатых

штанах и с крупными волчьими ушами, проглядывавшими из густых волос.

Подойдя ко мне почти вплотную, мужчина нагнулся, коснулся моего обнаженного плеча кончиком носа и шумно втянул воздух. Я же, в свою очередь, шумно воздух выдохнула. Сглотнула. Уловила, как резко перекинулся взгляд оборотня на мое дрогнувшее горло и сглотнула еще раз. Потом во рту пересохло от напряженности момента и бившей по нервам тревоги.

Сейчас я готова была буквально молиться на то, чтобы Лис нашел меня. Лис и по природе своей безобиднее волка. Может, по природе, но не по характеру, но всё-таки...

— Заблудилась? — мягко спросило у меня новое действующее лицо, выпрямившись и поймав мой растерянный взгляд.

— В таких дебрях сложно не заплутать, — спокойно ответила я, но сердце бешено колотилось, а ладонки вспотели так, что хоть вытирай.

— Верно подмечено, — улыбнулся мужчина краешками губ, и взгляд его заметно потеплел.

В таком облики он мало походил на хищное животное. Если бы не меховая накидка и мускулистые руки, подумала бы, что он — зажиточный городской житель, приехавший в местный лес за острыми ощущениями, а также по грибы и ягоды. Точеные черты лица, высокие скулы, волосы аккуратно зачесаны на правый пробор. Одно можно сказать точно: аристократизмом от этого типа несёт за километр, что довольно хорошо для меня. Аристократы столовыми приборами пользуются, а не клыками в горло впиваются.

— Да, я не местная, — нервно усмехнулась я, выдавливая неуклюжую улыбку.

— Тогда добро пожаловать, — беззлобно заявили мне. — Есть уже местечко на примете для переночевать?

— Местечко? Ну... — замялась я.

Отправиться с ним в полном незнании того, что будет дальше? Или намекнуть на то, что я уже знакома с Лисом и попросить отвести меня к нему?

На то, чтобы обдумать это, мне потребовалось некоторое время, но всё-таки решение пришло ко мне совершенно неожиданно для самой себя.

— На самом деле, я уже знакома с Лисом и поэтому...

— Глубоко сочувствую, — слегка поклонился оборотень.

Вопросительно выгнула бровь.

Значит, и он с ним знаком. Неудивительно, конечно. Всё-таки в одном лесу живут и оба одного вида, но что это за взгляд снисходительно-жалостливый? Как будто мне приговор подписали только что и гербовую печать на нем поставили.

— Ха-ха! — раздался чей-то озорной смех откуда-то сверху.

И сразу же после этого вниз спикировал Лис с широченной улыбкой на лице. Нагло приобнял меня одной рукой, другую упер себе в бок и победно уставился на серого. Тот, в свою очередь, даже в лице не изменился. Только брови слегка нахмурил и на этом всё. Кажется, здешние жители к выходкам Лиса уже привыкли.

— Знакома, знакома со мной, понял? — стиснули мои плечи до хруста в костях. — Так что иди. Иди отсюда... этим... лесом!

Но оппонент его с места не сдвинулся. Скрестил руки на груди, перевел на меня потяжелевший взгляд и вздохнул. Между ними что-то происходит?

Вспоминаем курс зоологии, седьмой класс школы. Каким образом соседствуют волки с лисами? Межвидовая конкуренция. При любой возможности готовы напасть друг на друга, но при этом не употребляют друг друга в пищу. Однако волки физически сильнее лисов, а потому чаще выигрывают именно серые хищники. Интересно... переносится ли подобная конфронтация на здешних оборотней? Все-таки они — наполовину люди.

— Она всё еще пахнет, как человек. — Опять эта странная фраза, теперь еще и из уст Волка.

Что бы значила эта чертовщина? — Странно для той, что забрела в эту часть леса случайно. Если ей не помогли. Причем помогли до того, как она прошла через портал. Слова Праха для тебя — пустой звук?

— Слова старухи для меня — пустой звук, когда ее указы мешают моим личным делам, — парировал рыжий, не стирая довольной ухмылки с лица.

— Что-о-о за шум, а драки нет? — вылезло на поляну новое действующее лицо, напролом через кусты, а ветви раздвигая мощными ручищами.

Я тут же перевела на него растерянный взгляд.

Это был крупный мужчина лет тридцати с бородой и шухером на голове из русых и светлых волос, в клетчатой мешковатой кофте, потертых штанах и в кожаных ботинках на шнуровке, обтягивающих икры. Брутальный мужик, ничего не скажешь. И он тоже... оборотень? Да, можно было и не сомневаться. Из-под шухера проглядывают небольшие закругленные бурые ушки.

Теперь улыбка с лица Лиса стерлась. Натиск двух оппонентов он выдержать, судя по всему, уже не мог.

— А ты вообще иди... эту... лапу соси, понял? — огрызнулся рыжий на новоприбывшего. — Этот человек — моя добыча. Идите ищите своего человека! — обвел он всех окружающих уничтожающим взглядом.

Волк с бурым переглянулись и синхронно покачали головами.

— Не обнаглел ли ты, Лис? — басом задал ему риторический вопрос бородатый. — Заповеди Праха — это наш гарант. Если мы начнем жрать человечину, мы обратимся тут же. Тебя этот факт не смущает?

— Я не обращаюсь, — заявил рыжий и постучал пальцем по своему виску. — Вот здесь всё работает, как надо. И всегда так будет.

— Что-то мне подсказывает, что это ненадолго, — озвучил свое авторитетное мнение оборотень в клетчатой кофте, и Волк издал тихий смешок.

— Все высказались? — еще раз обвел взглядом Лис всех присутствующих. Затем повел носом, прищурился и процедил сквозь зубы: — Заяц тоже?

Тут же послышался громкий шорох листвы. Чуть более тихий, еще тише... и, наконец, стихший совсем.

Опять удрал? Похоже, оборотни, действительно, отыгрывают свои природные роли. И отыгрывают хорошо. Если не считать Зайца, то кто же из присутствующих излучает меньше всего опасности? По канонам природы — Лис. Я еще ни разу не слышала историй о том, чтобы лисы нападали на людей. Только если бешеные. Хотя... доля истины в этом есть. Не страдает ли бешенством именно этот лис?

— Юная леди, — обратился бородач теперь уже ко мне, и я сосредоточенно заглянула в его карие глаза с нависшими над ними густыми бровями. Грубые, но красивые черты лица, создавали впечатление сурового, грозного мужчины, который за словом в карман никогда не полезет, но при этом сто раз подумает прежде, чем что-либо сказать. Взгляд его излучал силу. — Завтра же вы должны посетить Прах, чтобы она рассказала обо всем, что вам следует знать. Последствия от незнания могут быть довольно печальными.

— Э... — протянула я в ответ. — Спасибо...

— ...Медведь, — подсказал бородач. — Если Лис хоть как-нибудь вам навредит, можете сразу же обращаться ко мне. Я вправлю ему мозги, пусть это задача не из простых.

Я кивнула и мягко ему улыбнулась, он — мне, ну а Лиса это вконец выбесило. Подхватив меня на руки, он прорычал что-то неразборчивое, вильнул большим хвостом и в один прыжок покинул поляну, оставив позади двух не менее раздраженных оборотней. Заяц, наверное, всё-таки убежал еще раньше.

Старуха, Прах... к кому же из них мне идти? Однако намеки указывали на то, что это — один и тот же человек. Или один и тот же оборотень. Не суть важно. Если надо идти, то пойду. Как только хотя бы немного приведу себя в порядок и выплюсь...

Глава 5. Проклятье Дремучего мира

Когда мы с Лисом вернулись в нору, он быстро сменил гнев на милость. А всё потому, что я не пошла Волку навстречу. Какое ребячество, но глаза оборотня светились искренним счастьем, и я даже немного расслабилась. Тем не менее, мою ночную вылазку похититель стороной не обошел и охрану усилил. Каким образом? А самым наглым: уложил меня на свою кровать, лег рядом, закинул на меня ногу и уснул именно в таком положении. Стоит ли говорить о том, что я этой ночью не выспалась?

Проснулась я тогда, когда солнце было уже в зените. Ночное приключение сильно сказалось на моем физическом состоянии. Ноги ныли, раны саднили, а желудок был готов сожрать сам себя, если я еще хотя бы несколько минут помедлю с приемом пищи.

А помедлить с ним пришлось.

— Освежуй, женщина, — раздался зычный голос и мне в лицо, как только я оторвала голову от подушки, прилетело что-то мягкое, пушистое и... мертвое.

Сразу же откинула от себя неопознанное нечто, протерла глаза после сна, открыла их. Теперь опознанное — заячья тушка.

— Я не умею, — сдвинув брови, сообщила я, косясь на бедное животное, павшее смертью храбрых во время лисьей охоты.

— Тут много уметь не надо, — заявил мне Лис, усевшись за стол, закинув ногу на ногу и развалившись на стуле. — Берешь нож, отделяешь мясо от шкуры, потом делаешь надрез на...

— Дай я хотя бы в порядок себя приведу, — перебила я молодого охотника, опустила ноги на пол и призадумалась.

Это как же мне себя в порядок привести нужно, если одежда лоскутами висит, на голове — вороны могут птенцов выводить, а разит от меня теперь, как угодно, только не человеком. Права была беловласка — скоро я перестану им быть.

— Если хочешь помыться, то баня топится только по субботам, — «обнадежил» рыжий. — Можешь погреть немного воды, но для этого придется затапливать печь.

Веселый же отпуск у меня получается. Мало того, что похитили и хрен знает куда затащили, так еще и грязной работенкой заниматься заставляют. Эх, и что ж мне в городе не сиделось-то? Воздухом свежим подышать захотелось — иди в парк и дыши им, сколько влезет, хоть до самого вечера.

— Ты таким образом хочешь меня сломить, верно? — с вызовом спросила я, и ответил Лис хитрой ухмылкой. — Я из города приехала. Из большого города. У нас там будущую еду не свежуют — ее уже готовую в полиэтилене продают. А вместо печей у нас плиты газовые.

— Бла-бла-бла.

— Волк бы, наверное, покормил меня, — решила пустить в ход тяжелую артиллерию, и мужчина тут же наострил уши. В прямом смысле наострил. Во-он, как торчком встали, а одно еще и подергивается. — А может, мне остаться жить со старухой? Она бы точно вошла в мое положение и...

— Сейчас воду поставлю! — гаркнул оборотень, вскочил со стула так резко, что тот аж набок завалился, и широкими шагами направился к печке.

— И зайчишку забери, — взяла я мертвую тушку за заднюю лапу двумя пальцами и протянула раздраженному мужчине. Ка-а-ак он на меня посмотрел! Аж на сердце потеплело, потому что чуть взглядом не сжег.

Нет, дело не в том, что я не хотела помогать по хозяйству. Конечно, помогла бы, если бы попросили по-человечески, а не в приказном порядке. Сдамся на милость победителя — так и будет ноги об меня вытирать. Сперва дадим отпор, ну а после посмотрим на поведение. Не ту девочку ты себе нашел, чтобы оторваться. Если уж ВУЗ и начальник из меня все соки не выжали, то мужику с лисьими ушами и хвостом этого подавно не сделать.

По итогам дня я славно покушала и всполоснулась в тазу. Ничего страшного. Когда в городе горячую воду отключают, примерно та же ситуация происходит.

Теперь настало время идти знакомиться со старухой или же с Прахом, как называют ее оборотни. Что-то мне подсказывает, что это ее ненастоящее имя. Пока что ни у одного лесного жителя не было имени, и этот факт казался мне довольно жутким. Возможно, порядки здесь такие и мне тоже дадут какое-нибудь прозвище. Хотя странно ходить с прозвищем, когда у тебя есть имя. Имя... имя...

Внезапно меня головой будто в бочку с ледяной водой окунули. Нейроны лихорадочно забегали из одного угла мозга в другой, выискивая одну единственную крупницу хранящейся в нем информации: как меня зовут?!

— Лис... — сдалась я через некоторое время и обратилась к мужчине, сидевшему за столом иковырявшему в зубах тонкой косточкой. — Ты ведь знаешь, как меня зовут?

Оборотень перевел задумчивый взгляд в потолок, пару раз моргнул и пожал плечами.

— Я запомнил только твой запах. Имя-то мне твое на кой?

А история принимает более интересный оборот. К старухе я пойду не в гости, а с допросом. Причем с таким пристрастием, что вовек из ее дома не выйду.

— Мы к старухе пойдем? — поинтересовалась я, на что Лис, к моему удивлению, отрицательно помотал головой.

— Чего я там не видел? — буркнул он.

— Но мне нужно к ней зайти, — поднявшись с кровати, настаивала я на своем. — И Волк, и Медведь сказали, что...

— Ну, раз Волк с Медведем сказали, то иди, конечно, — перевели на меня до глубины души оскорбленный взгляд. — Только ничего от этого не изменится. Этот мир такой, какой есть. И как сложится твоя судьба, от него зависит, а не от слов старухи.

— Если всё так сложно, то зачем же ты меня сюда притащил? — потеряла я терпение. — Думаешь, что тоже можешь распоряжаться судьбами других, только потому, что тебе так захотелось? Да кто ты вообще такой?!

Быстро пересекла комнату, подошла к входной двери, обернулась.

— И псиной от тебя несет за версту, — бросила я напоследок и вышла, хорошенько хлопнув дверью.

Вот пускай сидит,лизывает раны на разбитом сердце. Втянул меня хрен пойми во что и злорадствует. Таким отношением не только сломать, но и убить можно. Например, если я наткнусь на какую-нибудь чертовщину еще похлеще оборотней. Никому и ничему уже не удивлюсь. Где там моя заслуженная Немейская гидра? Жду не дождусь. За что боролась, на то и напоролась, как говорится. Сколько ни выдумывай небылиц про всякую нечисть, а небось и выдумать ничего не надо было. В лес заходишь и кричишь:

— Эй, нечисть, ну-ка, вылезай. Сейчас такую статью накатаю про это местечко, что на первой полосе окажусь и обойду даже политические дразги!

Кусты слева от меня зашуршали и задрожали, но на этот раз я никуда не убежала. Просто сосредоточенно наблюдала за происходящим.

А произошли сначала два высокие серые уши, растрепанные серебристые волосы, два больших серых глаза, а после Заяц нарисовался передо мной целиком и во всей своей красе. По-детски милые черты лица и надутые губы мешали мне определить его возраст даже приблизительно. Лет пятнадцать бы дала с натяжкой. Мешковатая серая кофта, отороченная белым мехом, висела на его худощавом теле. Зато серые лосины и высокие шнурованные сапожки обтягивали сильные ноги. С такими ногами он должен разгоняться за рекордное время и пробегать марафон за марафоном. Действительно заяц, с какой стороны ни посмотри.

— Вообще-то я звала нечисть, но ты тоже подойдешь, — улыбнулась я.

— Лис не пойдет с тобой к Праху, — мягким тихим голосом заявили мне. — Она попросила меня проводить тебя к ней.

— Они не в ладах? — предположила я и последовала за оборотнем по тропинке.

— Что-то вроде того, — пожал плечами парень. — Я стараюсь не вмешиваться в чужие дела.

— Зато ныкаться по кустам и подслушивать любитель, — подметила я, на что Заяц обидчиво выпятил нижнюю губу.

— Я делаю это из-за инстинкта, а не потому, что мне сильно нравится ныкаться и подслушивать.

Инстинкта? Убегать и прятаться? Избегать опасности и в частности хищников, которые эту опасность излучают? Значит, местные оборотни, действительно, следуют природным законам. Про такие метаморфозы в знакомых мне статьях об оборотнях не было ни слова.

Сегодня лес казался менее страшным, чем вчера. Теплые солнечные лучи проникали на землю через зеленые кроны, птицы напевали свои песни, как в лесу самом обыкновенном. Даже к запаху местному я уже почти привыкла, потому что не ощущала такой сильной тошноты, и голова не кружилась тоже. Но что-то подсказывало мне, что дальше — хуже. Старуха обязательно расскажет мне что-нибудь эдакое, от чего волосы дыбом встанут и горьковато-сладкий запах останется лишь неприятным воспоминанием по сравнению с тяжестью новой информации.

Я не знала, о чем мне поговорить с сопровождавшим меня молодым оборотнем. Другие у них здесь нравы, иные повадки. О чем я могла бы поговорить с животным, которое внезапно обрело разум, научилось опознавать человеческую речь и отвечать тем же?

Потому путь мы продолжали в неловком молчании. Иногда я открывала рот, надумав какую-то мысль, но быстро спохватывалась и закрывала его.

Тем не менее, через некоторое время мы всё равно умудрились выйти на контакт. Правда, не совсем обычным способом.

— Волк! — резко притормозив, громко прошептал Заяц.

Однако вместо того, чтобы удрать в гордом одиночестве и спасти свою драгоценную шкурку, он скорее по инерции подхватил меня под локоток и уволок следом за собой в близлежащие кусты. Затем уронил на землю, лег на меня сверху, обхватив мои бедра мощными ногами и замер. Наши лица находились в паре сантиметров друг от друга, когда на тропинке раздались мерные шаги.

Я чувствовала, как часто-часто вздымается грудная клетка Зайца. Видела, как пугающе расширились его зрачки, и дыхание его ощущала на своем лице.

Как же удивительно близко и как... неловко. Кажется, мысли самого оборотня сейчас заняты только инстинктами убегать и прятаться. Он даже смотрит будто бы сквозь меня, а вот мои мысли заняты... немного не тем и заставляющим мои щеки стремительно покрываться пунцовой краской.

Кажется, опасность миновала. Волк прошел мимо укрывшихся нас, а парень, нависший надо мной в критической близости, уже на расслабоне выдохнул и уткнулся носом в мою шею. От одного прикосновения мурашки по коже побежали и дыхание сперло.

— Инстинкты инстинктами, — прошептала я, а голос предательски задрожал, — но не настолько же!

— А, да, извини, — спохватился оборотень, вскочил с земли и галантно протянул мне руку. Но приняла я ее только после небольшой паузы. Нужно было успокоиться и привести в порядок резко учабившееся сердцебиение.

Теперь молчание, царящее между нами, стало совсем невыносимым. Хруст земли под ногами, щебет птиц, шорох листьев в кронах...

— Скажи, — решила я нарушить неловкую атмосферу, — а Лис действительно может меня съесть?

Перевела взгляд на идущего рядом Зайца. Оборотень смешно повел длинными ушами, вытянул губы трубочкой, обдумывая ответ, затем задумчиво постучал пальцем по нижней губе и в итоге выдал лаконичное:

— Нет.

Я даже удивилась тому, какой уверенностью сквозил его ответ. Будто он только что не раздумывал, а мысли Лиса прочел. Причем с высокой точностью, и любое проявление скептицизма будет расцениваться, как верх глупости.

— Почему ты так считаешь? — решила всё-таки уточнить я.

— Знаешь... Нет, ты не знаешь, но я скажу. Здесь очень одиноко. — Ушки зайца опустились, и у меня аж слезы в уголках глаз скопились от того, насколько мило это выглядело. — Каждый из нас, из тех, кто пока еще сохранил человечность, одинок. Я не могу приблизиться к остальным из-за инстинкта убегать и прятаться от хищников, Лис с Волком — вечные соперники, Медведь свыкся с жизнью отшельника, а Прах... У нее слишком много дел, чтобы составить кому-либо компанию. Я думаю, что Лис привел тебя сюда, потому что ему одиноко.

Слабая улыбка на очаровательном личике, чуть склоненная набок голова, правое ушко упало на левое. Сколько детской искренности было в его словах. Думаю, он растопил бы ими не только мое сердце.

— Кроме вас в этом лесу больше никто не живет?

— Весь этот лес живет, — получила я странный ответ. — Никогда не рви здесь цветы.

— Не рвать цветы? — тупо переспросила я.

— Когда-нибудь ты можешь стать одним из них.

На несколько секунд впав в ступор, неловко улыбнулась. Причем времени на переваривание полученной информации у меня ушло столько, что замолкли мы до самого пункта назначения.

А пункт назначения ничего себе такой. Хорошо эта Прах устроилась. Домик по габаритам скромный, одноэтажный, но рядышком и мельница стоит, и речушка небольшая протекает. Загон со скотинкой, курочки бегают. Как будто снова в Станино попала, вот только... запах не изменился. Всё такой же тягучий и горьковато-сладкий. Нет, я всё еще в этом странном лесу и Заяц, стоящий рядом со мной — живое тому доказательство.

— Пойдем? — обернулся парень, сделав несколько шагов вперед и, по всей видимости, уловив мою нерешительность.

— Кто такая эта Прах? — задала встречный вопрос. — Какая-то ведьма? Колдунья?

— Нет, совсем нет, — помотал головой Заяц, а его длинные уши смешно качнулись в воздухе. — Она кто-то вроде нашей... наставницы. Помогает нам сохранять человечность. Может, и тебе поможет.

На всякий случай приобняла себя руками за плечи.

Чтобы проверить, что я всё еще человек? Что за глупости? Конечно же, я человек. Немного в шоке от всего происходящего и с частичной амнезией, но руки-ноги-голова — всё при мне!

Вдох-выдох.

Подумаешь, велико дело. Всего лишь иду к какой-то одичалой бабке в смердящем лесу, населенном оборотнями и, возможно, прочей нечистью. А еще получеловек-полузаяц, числящийся в гордых рядах гринписовцев, запрещает мне рвать местные цветы. Эх, ноутбук бы мне свой рабочий и я бы такого накатила, что там не только первая полоса. Там телевидение по мне заплачет.

— Ты чего хихикаешь? — сдвинул брови мой милый сопровождающий, и я поспешно прикрыла рот ладонью. — Пойдем уже.

Вот мы и пошли. Отворили поскрипывающую калитку, вошли в небольшой дворик, засаженный фруктовыми деревьями, и ступили на крыльцо. Резное, красивое. Всем лесом ей тут, наверное, вырезали ажур из дерева.

А пока я разглядывала шедевры лесного зодчества, проворный и быстрый Заяц уже распахнул дверь. Не дав мне даже морально подготовиться! Дыхательную гимнастику поделать, например, или сосчитать до десяти, как психологи советуют.

— Давай быстрее, а то комаров запустишь, — дернул меня светловолосый за руку, и таким образом я, растерянно моргнув, очутилась внутри домика, стоя на лоскутном коврикe и

вжавшись в захлопнувшуюся за собой дверь.

Изучающим взглядом просканировала помещение. Ни черепов, ни котлов с булькающей зеленой жижей, ни расчлененных кошек. Обычная деревенская комнатка с выбеленной печкой, столом и стульями, белым кружевным тюлем на окошках.

— Здравсте, — из вежливости решила поздороваться первая, хоть никого живого, кроме нас с Зайцем, внутри домика не наблюдалось.

А нет. В соседней комнате раздались шаги. Ближе, громче... Качнулся занавес из деревянных бус, разделявший две комнаты вместо двери. Я уже любую старуху ожидала увидеть от самых гламурных до самых уродливых вариантов, но только не такую, которая ко мне вышла.

Потому что вышла ко мне та самая девушка, встреченная мною ночью накануне. Беловолосая любительница малины, а также любительница появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Стройная, светлокожая, с ясным и чистым взглядом. Будто принцесса, очнувшаяся от глубокого и продолжительного волшебного сна. Такая она была легкая и изящная, что, казалось, дотронешься и девушка либо растворится, либо вновь уснет.

— Ты пришла, — улыбнулась она уголками губ. — Чувствуй себя, как дома. Нам предстоит долгий разговор.

— А где... где старуха? — с опаской поглядывая по сторонам, осведомилась я.

— Старухой меня называет только Лис, — усмехнулась беловласка. — Для других я — Прах. И ты можешь звать меня так же.

— Очень... приятно, — ответила я, выдержав длительную паузу. — А я... я...

Пока девушка разливала кипяток из закоптелого чайничка в изящные чашечки, невесть откуда взявшиеся в такой дырище, я вновь попыталась вспомнить свое имя, но в голову не приходило абсолютно ничего. Ни одной подсказки, хотя бы крохотной. Даже первая буква была для меня теперь загадкой. Это до какой степени нужно было головой приложиться, если имя начальника до сих пор сидело в мозгу (пропади ты пропадом, Андрей Аркадьевич!), а собственное — тю. Тю-тю...

— Ты — моя гостья, — ловко выкрутила меня из неловкого положения гостеприимная хозяйка. — Присаживайся. Я же предупредила тебя о долгом разговоре.

Кивнула и уселась за стол напротив окна, накрытый белой скатертью. На стол тут же поставили дымящиеся чашечки с ароматным напитком, плетеную корзинку с пирогами, а бедолагу-Зайца выдворили за дверь с какими-то поручениями. Хоть я совсем не была против того, чтобы он остался.

— А Заяц... — начала я, как только девушка-видение уселась напротив меня и заглянула в глаза. — А пусть... А ему одиноко, — как мне показалось, довольно убедительно произнесла я в защиту ушастого.

— Не ему одному, — мягко улыбнулась Прах, — но его присутствие может тебя смутить. Однако ты хорошо держишься, учитывая обстоятельства.

— Ну, не орать же мне и рвать на себе одежду. К тому же, — окинула я быстрым взглядом то, что осталось от моей блузки, — лес уже сделал это за меня.

— Хм... Эту твою проблему я могу решить прямо сейчас, — внезапно сообщила мне беловласка.

Поднялась, неспешной походкой, как во сне, прошла в соседнюю комнату, а минуту погодя вышла оттуда, держа в руках какую-то тряпочку белого цвета.

— Это одно из моих платьев, — пояснила девушка. — Свободный крой. Тебе должно подойти. Примерь.

Что ж. Раз по доброте душевной одалживают, да и попала я в это место не по своей воле, то почему бы не пойти навстречу? Глупо было бы отпираться и утверждать, что мои лоскуты приятнее к телу.

Платице, действительно, село, как влитое. Легкая ткань, подол чуть выше щиколоток, рукава до локтей. Простенько, но большего и не надо. Не на парад собралась и не во дворец.

— Спасибо, — поблагодарила я, а старая моя одежда — тонкая ниточка, соединяющая меня с цивилизацией — полетела в металлическое ведро для мусора.

— Не стоит.

Мы вновь уселись за стол друг напротив дружки. Отпив глоток из своей чашечки, Прах закрыла глаза, на некоторое время выпала в астрал, а затем ее ясный, но печальный взгляд снова остановился на мне.

— Сначала расскажу тебе немного о себе, — начала она. — Большую часть своей жизни я входила в состав ордена хранителей миров. Члены нашего ордена выявляют глобальные катастрофы в иных мирах и отправляются на их устранение сквозь порталы. Иногда прямых порталов из одного мира в другой не существует и приходится перескакивать на «попутках» — мирах практически необитаемых, служащих промежуточными остановками. Сама я родом из Альтеры, а попасть мне нужно было в...

С каждым произнесенным предложением брови мои поднимались всё выше и выше, а челюсть двигалась в прямо противоположном направлении. А я ведь думала, что меня уже ничем не удивить. Если бы Андрей Аркадьевич оказался на моем месте, уже побежал бы доспехи себе мастерить из первых подручных средств и потребовал бы провести экскурсию по... везде.

— Я не стала начинать совсем издалека, — заметила собеседница мое замешательство. — Устала каждый раз плести паутину прежде, чем перейти к сути.

— Ничего страшного, — на выдохе произнесла я. — Продолжайте.

— Наверное, ты уже поняла, что «попутка» — это то самое место, в котором мы сейчас находимся. В простонародье — Дремучий мир, мир-пожиратель. Но узнали мы это слишком поздно. И я, и орден. Очутившись здесь, я попала в ловушку. Попала в ловушку, как и многие до меня. И после меня. Двадцать два года назад портал сюда открылся на Земле. Через него сюда попали многие, однако первые из них — Лис, Заяц, Волк и Медведь — сохранили человечность до сих пор. Другие — к сожалению, нет.

— С этого места, если можно, подробнее, — деликатно перебила я.

Мысли мои путались, сменяли друг дружку с невероятной скоростью. Но я решила дослушать невероятную историю Праха до конца, а уже потом делать выводы. Я не сошла с ума. Мои глаза не могут врать и на учете у психиатра я никогда не состояла. А если я видела и прикасалась к наполовину людям наполовину зверям, то насколько всё остальное может быть ложью или шуткой?

— Суть мира-пожирателя в том, что любое, попавшее в него, разумное живое существо он делает частью себя. И обличье, в котором оно будет существовать здесь, выбирает мир. Быстро или медленно ты начинаешь преобразоваться, меняешься, приобретаешь новые свойства и под конец... — Девушка сделала красноречивую паузу.

А я кинула мимолетный взгляд на вид за окном, вновь пытаюсь собраться с мыслями, но впала в еще большее замешательство. Лис?

Мой рыжий похититель полулежал на толстой ветви дерева, стоящего за самым забором, подложив руки под голову. Сначала разглядела пушистый лисий хвост, а затем и его наглого обладателя.

— ...под конец ты теряешь свой разум, и обращение завершается, — совсем тихо произнесла Прах и замолкла.

Далее мы сидели в молчании. Прах не спешила продолжать, а я не спешила задавать очередной вопрос. Слишком их было много, чтобы выбрать какой-нибудь один. Однако следующее, о чем пояснила мне бывшая хранительница, прояснило очень и очень многое.

— Попадая сюда, первым делом мы забываем свое имя. Наш социальный идентификатор, потому что для мира-пожирателя он — только помеха превращению. Потому у нас нет имен. Мы называем себя так, в кого или во что обратимся рано или поздно.

— Прах... — непроизвольно вырвалось у меня, и девушка печально улыбнулась в ответ.

— Прах, — повторила она. — Чем сильнее твоя воля, тем сложнее этому миру обратить тебя окончательно. Я называюсь так уже несколько десятков лет и никогда не знаю, когда наступит мой последний день. Не знаю, когда я сдамся. Но, честно говоря, с каждым годом становится

всё сложнее.

— А остальные?

— Те четверо, что остались, прошли через портал в Дремучий мир в один день. Лису и Зайцу тогда было всего по четыре года, Волку — пять, а Медведю — семь. Четверо деревенских мальчишек отправились в лес по грибы и ягоды, но так и не вернулись.

— Но Лис вернулся за мной в деревню, — сдвинула я брови.

— Никому из оказавшихся здесь нельзя покидать этот мир надолго. А Лис постоянно ходил по острию ножа, бегая за пределы пожирателя в поисках тебя. Я даже... я даже просила его прекратить, но это окончательно испортило наши отношения.

Так это и была причина, по которой он отказался провожать меня до ее дома? И виной их конфликту — я? Какие же страсти здесь кипели даже до моего появления... А если бы я никогда не вернулась в Станино?.. Глупый, глупый Лис.

— Я еще не знаю, в кого или во что захочет обратить тебя это место, — быстро сменила тему Прах. — Но несмотря ни на что, я попрошу тебя оставаться сильной. Такой же сильной, как ребята. И никогда не забывай о том, что они продолжают обращаться, хоть и медленно. Всегда будь бдительна. Ни лисы, ни зайцы не едят человечины, но волки ею не брезгают, а медведи, почувствовав опасность, способны на страшные вещи. Доверься своей интуиции.

Получается, Лис и правда обманул меня? Лисы не едят человечины, конечно. Даже если они оборотни. Выходит, что Заяц оказался прав в своих выводах.

— А когда я пойму в кого... или во что я начала обращаться? — задала я резонный вопрос и тут же получила на него лаконичный ответ.

— Как только, так сразу.

Голова гудела от количества полученной информации, и мне требовалось немало времени, чтобы переварить всё это. Мир-пожиратель, грядущее обращение, имена... имена!

— А если каким-нибудь образом узнать свое имя, то что тогда? — внезапно спросила я, на что Прах задумчиво прищурилась.

— Тогда... — протянула она, — ... возможно, это не могло бы не повлиять на проклятье. Если превращение начинается именно с забывания имени — в этом есть какой-то сакральный смысл. Но я так и не смогла вспомнить свое за столько-то лет.

— Понимаете... — пыталась я подобрать слова, а сердце бешено колотилось в груди и в горле пересохло. — Дело в том, что пока Лис нес меня до норы, я потеряла свою сумку. И как раз в этой сумке у меня были записаны имена всех пропавших в лесу людей. Моя подпись и расшифровка тоже стояли на этом документе.

— Новость замечательная, — фирменная печальная улыбка осветила лицо Праха, — но я не думаю, что мир, напоминающий живой организм, вернет тебе сумку с таким «компроматом» обратно. Ты можешь попытаться, но... удачи я в этом деле не гарантирую.

Вот, значит, как. Надежда только проскочила перед моим лицом яркой искоркой, и тут же погасла, не успев разгореться еще ярче.

Нет. Я ведь должна быть сильной. Нельзя терять веру ни во что, что помогло бы мне выбраться отсюда целой и невредимой.

— Я найду эту сумку, — пообещала я больше себе, нежели кому-либо еще. — Обязательно. А пока... — снова скользнула взглядом по лежавшему на дереве Лису и явно ожидавшему моего появления, — ...мне нужно обдумать всё. И принять.

— Разумеется, — кивнула беловласка. — Ты удивительно адекватный человек.

— Скорее измотанный, — пропустила я комплимент. — И довольно злой на одного бессовестного оборотня, позволившего всему происходящему случиться.

Пусть наш разговор с хранительницей подошел к логическому концу, мы еще немного посидели и помолчали, попивая ароматный хвойный напиток. Без знахарского колдовства, должно быть, не обошлось, потому что даже после всего услышанного я почувствовала, как

напряженные натянутыми струнами нервы начали приходить в норму. Осталось только лечь в теплую кровать и забыться сладким сном, но что-то подсказывало, что этой ночью в двери моих сновидений постучатся кошмары. Кошмары, в которых мир-пожиратель раз за разом обращает меня в невесть что, пока ему не надоест. А потом прикончит. Что лучше? Умереть быстро или же вечность провести, будучи каким-нибудь придорожным камнем? Я ведь и в него могу обратиться запросто.

Лис, какой же ты... редкостный... Не знаю, какое бы словцо тебе подобрать «поласковее». Чтобы все свои чувства в него вложить.

— Я дам тебе с собой еще кое-какие вещи, — встала Прах из-за стола и вновь вышла в соседнюю комнату.

А вещи, которые она вынесла в корзинке, придутся мне очень и очень кстати. Простенькие босоножки из кожи, которые я сразу же обула, несколько комплектов нижнего белья, мыло с мочалкой и схематичная карта окрестностей.

— Живем мы друг от друга недалеко, — пояснила Прах, как только я из любопытства решила развернуть скрученную в рулон карту. — Я отметила там все дома: мой терем, нору, норку, логово и берлогу. Если появится острая нужда в воде, то колодец у нас в самом центре. Медведь вырыл. Он у нас мастер на все руки. Хотя, если ты живешь с Лисом... если ты... — замаялась девушка и взгляд ее заволокло дымкой печали. — В общем, у него всегда есть запасы воды, так что не переживай. И еще, — губы ее расплылись в полуулыбке. — Раз уж теперь мы вдвоем следим за сворой мальчишек, то помни вот о чем. Лису нельзя питаться одним мясом, Зайцу — одной зеленью. Волк не должен слишком много времени проводить в стае, а Медведь — спать больше двенадцати часов в сутки. Я не говорю, что с каждым ты обязана наладить контакт, но... на всякий случай. Им важно не утратить последнюю человечность.

— Я поняла, — кивнула я, сворачивая карту и убирая ее в корзинку. Красную шапку бы мне и вполне сошла бы за местную.

— Как только мир даст тебе первые подсказки касательно твоей судьбы, возвращайся. И мы подумаем, что делать дальше.

— Хорошо. Так и сделаю.

Развернулась, направилась к двери, опустив взгляд.

А пол-то под ногами посыпан... пеплом. Любезная хозяйка этого теремка и любительница малины тоже обращается. Вот только вместо ушей и хвоста оставляет за собой дорожку из собственного праха.

Что же... что же будет со мной?..

На крыльцо я вышла белая, как полотно. Чувствовала, как кровь отлила от моего лица, голова закружилась, а к горлу подступила противная тошнота.

Нет, нет, нет... Нет!

Обхватила себя руками, присела на корточки и зажмурилась.

Я — это я. Это мое тело, моя жизнь, мое всё. Я никому не дам забрать у меня себя, потому что... потому что нет у меня ничего, ценнее собственной жизни, пусть и непутевая она совсем. Китайца забирайте, но только не меня.

Не знаю, сколько еще просидела в приступе паники. Ноги не хотели идти дальше, а страшные мысли не имели никакого желания отступать.

Лис. Это всё его лап дело. Он затащил меня на заклятие только потому, что так ему захотелось. А мне вдруг очень захотелось дать в наглую рыжую морду. Аж костяшки зачесались. Ты меня, значит, морально сломать собрался, ну а я долго ждать не буду. Я тебя и физически могу постараться. Хотя бы нос!

Мысли эти вернули меня в реальность. Жизнь вновь налилась сочными красками, а выделившийся адреналин отогнал предобморочное состояние.

Вскочила, сжала плетеную корзинку в руках, как оружие массового поражения, медленно спустилась с ажурного крыльца. Осмотрелась, проанализировав обстановку.

Совсем недавно ушастый валялся на дереве за домом, теперь караулил меня возле самой калитки. Сломать нос или надрать уши? Нос или уши? Нос или?..

Однако ноги в этот раз опять решали все быстрее, чем я думала, и до цели уже добрались.

— О, а я тут... это... мимо проходил, — сразу же солгал рыжий, как только калитка захлопнулась за моей спиной.

— Мимо лежал? — злобно прищурилась я.

— Ты чего такая злая?

— Я?! Злая?! — окончательно вышла я из себя и уже замахнулась, чтобы сделать один коронный и похоронный, но тяжелая ладонь Лиса опустилась на мою макушку, а сам он отступил от меня на шаг. Всё, что мне оставалось — нелепо махать кулаками в воздухе перед физиономией похитителя.

— Знал бы, что ты такая агрессивная — оставил бы там, где взял, — обреченно помотал мужчина головой.

— Уже поздно! Поздно! — закричала я, но это было последнее, на что у меня оставались силы. И моральные, и физические.

Ноги подкосились. Оборотень успел подхватить меня до того, как тело мое достигло земли, но мне было как-то всё равно. Пусть уходит или остается. Пусть ломает или залатывает раны. Я обречена. Мы обречены.

Глава 6. Нам не страшен серый волк...

— Уходи, уходи... — эти слова были первыми, которые я произнесла, едва шевеля пересохшими губами.

Во рту тоже было совсем сухо, и я закашляла. Громко, хрипло, но сразу после приступа к губам подставили кружку, которую я осушила до дна.

— Уходи, уходи, ты... — повторила, сминая руками влажную простынь.

Пот катился с моих висков градом, впитываясь в подушку. Рано или поздно за подавление истерики приходится платить, вот организм и потребовал плату. Лихорадило так, что даже под одеялом чувствовала себя, как в холодильнике.

— Не говори такие вещи, — краем сознания услышала я упрек. — Не говори. Пожалуйста.

Напряженная физиономия Лиса нависла над моим лицом, а руки его заняли место по бокам моей головы, упершись в подушку.

— Зачем? — прошептала я. — Зачем ты... зачем затащил меня сюда?

Была готова провалиться в небытие снова, но держалась из последних сил. Только ради того, чтобы послушать, что же мне ответят. На этот раз ложью ему не отделаться. Я знаю, я чувствую его ложь. Мы так мало знакомы, а я уже вижу этого мужчину насквозь.

— Ты бы снова исчезла! — повысил голос рыжий. — Я не мог допустить этого! Я же так долго ждал! Да я... я в твоём доме проводил времени больше, чем в норе!

Кажется, наконец-то задела его за живое, потому что сейчас, несмотря на ужасное состояние, не могла не заметить, с какой искренностью слова вырывались из Лиса неуправляемым потоком. Чуть на фальцет не срывался, а глаза горели двумя огромными изумрудами, посверкивая в полумраке комнаты.

— Ты же стала для меня всем! Всем. Твой голос, твой запах, ты вся! И жажда жизни... она целиком сосредоточилась на тебе... — Он уткнулся носом в мою шею и глубоко вдохнул, а меня опять бросило в жар. Тот самый жар, от которого страшно знобит. — Когда я попал сюда, я думал, что нахожусь в кошмаре. Что когда-нибудь проснусь в своём доме, в своей постели, а на кухне пахнет маминой стряпней. Но с каждым днем надежда гасла и гасла. Мне нельзя было вернуться домой. Нельзя было покинуть это место надолго. Но ты...

Кончик его носа ласково потерся о мою кожу, а длинные пальцы коснулись моих спутанных влажных волос.

— ...ты не считала меня проклятым. Ты играла со мной и смеялась, ругала, гладила. Рассказывала обо всем и ни о чем, жаловалась мне, но никогда не показывала слабости. Никогда не пыталась отогнать меня, кормила, поила из собственных рук. Ты приручила меня, а потом... а потом бросила. И меня чуть не разорвало. Изнутри. Когда я понял, что тебя больше нет. Ни твоего голоса, ни твоего запаха... ничего нет. — Оборотень судорожно вздохнул, вжался в меня еще сильнее, а рука, лежащая на моих волосах, ощутимо задрожала. — Сначала мне было очень больно. А потом я тебя возненавидел. Я жаждал, что когда-нибудь обязательно отомщу тебе. Как только почувую, как только увижу, так сразу и отомщу. Лето сменялось осенью, осень — зимой, зима — весной, а я вынашивал свои планы. Думал, что разорву тебя в клочья. Сразу. Не выдержу. Но когда...

Слезинка, моя слезинка, скатилась с уголка глаза и покатила по виску.

— ...когда я наконец-то дождался твоего возвращения, мне пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы не кинуться на тебя и не обнять до хруста костей. Так я был растерян и... счастлив. И я запутался. Я не знал, что мне теперь делать. Когда мне прийти и нужно ли. А потом понял, что ты в любой момент снова можешь исчезнуть. И, возможно, это мой последний шанс сделать так, чтобы ты осталась рядом. И никуда, никуда, никуда не пропала. В самую последнюю очередь думал о том, что ты тоже попадешь под проклятье. Или не думал об этом совсем. Наверное, совсем не думал... Я ужасный человек. Или лис. Или и то, и другое. Я даже не знаю, кто я сейчас больше. Человек или животное?

Он оторвался от шеи и вновь склонился над моим лицом. Наши взгляды встретились, и почему-то острое чувство вины кольнуло меня в самое сердце. Мне утверждали, что дикое животное невозможно приручить, но, кажется, они ошибались. И в этом я тоже сильно

прогадала.

Вообще... хитрая морда Лиса очень даже ничего, если он не портит ее отталкивающей наглой ухмылкой. Был бы первым парнем на селе. Задиристым, саркастичным, немного ленивым, но с которым никогда не соскучишься. А еще ездил бы по выходным в ближайший городок продуктами закупаться, на рыбалку бы вставал в четыре утра, беззлобно чихвостил жену за то, что та закатывает на зиму слишком много варенья и не бережет себя.

Но по велению судьбы стал обладателем двух лисих ушей и пышного хвоста. Узник, запертый в клетке под названием Дремучий мир без права жить так, как хочется.

— Поэтому... — открыл он рот, и пара удлиненных клыков блеснула в лунном свете, льющемся из окна, — ...не проси, чтобы я ушел. Я не уйду. Никогда не уйду. Легче найти способ вырваться отсюда, чем отпустить тебя.

Я кивнула, всё еще находясь под впечатлением от неожиданных откровений, а Лис, часто похлопав ресницами и прикусив губу, уставился на меня, как баран на новые ворота. Затем чертыхнулся, вскочил с кровати, сделал пару кругов по комнате и выскочил за дверь, обреченно приговаривая: «Ой дура-а-ак, дура-а-ак...»

А я, прикрыв глаза и расплывшись в улыбке, почувствовала, как лихорадка отступает. Как теплеет в груди, но скорее не от нежных чувств к рыжему нахалу, а от того, как сильно он сейчас прокололся и сдал себя с потрохами. Злорадство хотя бы чуть-чуть притупило непрошенное чувство вины. Чувство вины, которое обязательно вернется ко мне, как только полегчает.

Когда к моему лицу подкрался солнечный лучик, и я открыла глаза, Лиса уже не было. Встала и на всякий случай заглянула в каждый уголок. Даже за печку и на чердак.

На охоту ушел? Или просто освежиться? Да не важно. Тем лучше для меня. Есть время учинить что-нибудь эдакое, чтобы начать перевоспитание хитреца и вправить ему мозги на место. Прах сама сказала, что следует следить за человечностью ребят, а значит максимально их социализировать. Не труд сделал из обезьяны человека, а потребность в коммуникации. Взвоешь еще по своему одиночеству, рыжее недоразумение, да поздно будет метаться.

А пока я творила необычайно ужасную и недопустимую вещь для холостяцкого жилища, то есть генеральную уборку без спроса, мысли о ночном происшествии настойчиво лезли в голову. Я помнила практически каждое слово Лиса, но никак не могла поверить в реалистичность этих слов. Будто исповедовался он не передо мной или же сильно всё приукрасил.

Так уж вышло, что с мужчинами мне не везло от слова «совсем». Стоило найти, казалось бы, того самого, но любовь моя либо не взаимна сразу, либо становится таковой спустя неопределенный срок. Одного вообще на горяченьком поймала, и после этого случая грядущее счастье в моей личной жизни оставалось под вопросом. Серенады под окнами мне никогда не пели, на цветы предпочитали не трогаться, а комплименты отвешивали настолько банальные, что анекдоты писать можно. Не нужны мне ни принцы, ни рыцари, ни принцы-рыцари, пропади они все пропадом. Дайте хотя бы без гнильцы мужика, а дальше я сама над ним поработаю, ну.

И, вероятно, судьба наконец-то услышала меня. Подбросила мне аж четырех оборотней, отрезанных от порочной цивилизации, а один из них уже заявляет на меня права. Недурно. Только вот что мне теперь с этим делать? А в частности с Лисом, невольной сожительницей которого мне пришлось стать.

Вспомнила солнце — вот и лучик зеленоглазый. Хлопнула входная дверь.

— Лисёнок! — ослабившись, обернулась я к вошедшему, который так и застыл, где стоял, с парой уток в руке. — А я тут по хозяйству уже шебуршу ни свет ни заря.

Какое растерянное выражение лица у него. Словно у меня вторая голова выросла.

— Я тут подумала, что если теперь живу с тобой в этой дыре... ой, то есть в норе, — быстро исправилась я, — то почему бы не привести ее в порядок, как думаешь? Это ты хорошо сообразил, что женщину сюда притащил. Сколько хлама я выгребла, о-о-ох...

Небрежным движением руки указала на внушительную кучу барахла перед собой. Чего там только не было. Поломанные вещи, покрытые плесенью книги, рваные... штаны.

— Да ты с ума сошла, женщина! — упали утки на пол, а гордый хозяин жилища немедля направился к вещам, над которыми я учиняла безжалостную расправу. — Это нормальные штаны!

— Они рваные, — покачала я головой. — На них дырка, видишь?

— Это дырка для хвоста! — на повышенных тонах ответили мне, вырвали предмет одежды из рук и потрясли им в воздухе.

Между нами повисло неловкое молчание. Между мной, Лисом и несчастными рванными штанами. Где-то на улице застрекотал кузнечик. Очень громко. Так громко, чтобы тишина давила на нас еще сильнее.

— Для хвоста? — первая открыла я рот, с интересом изучая штаны, которые в данный момент находились на оборотне, пусть и стоял он ко мне передом.

— Естественно! — с энтузиазмом ответили мне. — Не с голой же задницей мне ходить и в штаны его не всунешь!

Кузнечик за окном застрекотал еще громче, пока я собиралась с мыслями. Вернее, переваривала только что сказанное. Но недолго, потому что очень скоро меня накрыло неконтролируемым хохотом, а непрошенные слезы смеха брызнули из глаз.

— Ты чего... ты чего ржешь?! — зажглись искорки праведного гнева у рыжика в глазах, но от этого меня накрыло еще сильнее.

А пока я, осев на пол, пыталась успокоиться, Лис сидел за столом, ощипывал пойманных уток и играл желваками. Кажется, я начинаю привыкать к этому месту. Специфично, конечно, но и место нестандартное.

— Послушай, — обратилась я к раздраженному мужчине, как только истерика моя сошла на нет. — Часть одежды мне всё-таки придется у тебя позаимствовать, чтобы постирать платье.

Нехотя оборотень оторвался от своего «увлекательного» занятия и устремил на меня непроницаемый взгляд.

— Если только шубу. Там, — кивнул он в сторону двери.

Присмотрелась к двери получше. Странно. Прежде и не заметила криво прибитую рядом с ней вешалку. И шубейку рыжую, висевшую на крючке. Да ла-а-адно... натуральная шуба на лисьем меху?

Поднялась с пола и короткими шажками сократила расстояние между печкой и вешалкой. Провела по мягкому меху пальцами, пощупала, как следует. Надела. Ох, какая же теплая! Не просто так Лис с голым торсом по лесу бегаёт, но такая приятная к телу...

— Девки в редакции обзавидовались бы... — прошептала я, зарываясь в мех по самый подбородок.

— Кастрюля на печке, — не разделил моих чувств мужчина. — Вода в баках в сарае. Угли еще тлеют. Закинешь дрова, огонь раздуешь, подождешь, пока вода закипит...

— Ну ё-моё...

— А вместо того, чтобы выбрасывать штаны с дыркой, — припомнил мне оборотень про недавний инцидент, — нормальная баба бы их зашила!

Со стиркой я справилась вполне успешно, хоть и стиральной машинки в этом мире не хватало. Что имеем — не храним, а потерявши — плачем. Как раз про такой случай.

Стирала я на улице в тазу, щеголяя в теплой лисьей шубе на солнце, а потому испытание отсутствием цивилизации было вдвойне тяжелым. Зато с Зайцем поздоровалась. Нутром чуяла, что где-то рядом в кустах сидит. Правда, ко мне он так и не вышел. Слишком сильный лисий запах врбал его проклятые инстинкты и не позволял ко мне приблизиться.

Да, миру-пожирателю тоже добрейшего утречка. Жри и не подавись, ублюдок. Как тебе мистическая журналистка на вкус? Уже сегодня отправлюсь на поиски сумки, а как только найду, никого ты больше на зубок не попробуешь. По крайней мере, меня. И ребят отсюда вытащу, почему бы нет, если появится такая возможность? После стольких лет заточения они

заслужили нормальную жизнь. Вот насчет Лиса противного подумаю... а другие точно не заслужили.

Лис противный...

Провела кончиками пальцев по мягкому рыжему меху шубейки и растянула губы в довольной улыбке.

Обязательно зашью тебе дырки на всех штанах, как только время свободное появится. А потом скажу, что сам попросил. Возможно... вполне возможно, что если бы ты не был столь импульсивен и агрессивен, то мы нашли бы общий язык еще в Станино. Без тушенки, пирожков и похищений. Почему ты не подумал об этом? Или в тебе куда меньше человечности, чем ты думаешь? Похоже на то.

Еще несколько часов я прождала, пока платье, висящее на кусте, высохнет. И время это я провела в выделенной мне на чердаке комнатке. Лежала, смотрела в стену и делала мысленные наброски для будущей крышесносной статьи, потому что ни ручки, ни бумаги у меня под рукой не было. Рабочего ноутбука и подавно. А если бы ноутбук и был, то заряжать-то его как? От проволоки и картошки? М-да, ситуация...

В любом случае, ближе к полудню я была готова во всеоружии. Сухое и чистое платье на мне, карта и пара жаренных утиных крылышек в корзинке. Можно выдвигаться на поиски. Осталась одна маленькая деталь...

— Ты куда уши направила? — осведомился оборотень, когда я взяла корзинку со стола и шумно выдохнула.

— Об этом я расскажу тебе по дороге, — кинула я на него многозначительный взгляд.

— По какой дороге? — удивленно выгнул бровь мужчина.

— По той, по которой ты меня сюда притащил.

— Сумка с именами, говоришь? — задумчиво уставился в небо Лис, когда я поведала ему историю об одной досадной и нелепой пропаже, вероятно, самой важной вещи в этом проклятом мире.

— Ага, — кивнула, глядя себе под ноги и периодически попинывая маленькие камушки, встречающиеся по пути. Очень надеялась, что камушки эти прежде никогда не были людьми.

— И мое имя там тоже есть?

— Четыре первых имени в списке — ваши. Вот только я не успела узнать их, потому что кое-кто... — начала я отчитывать рыжика, тыкая в его широкое плечо пальцем.

— Без разницы, — улыбнувшись, помотал Лис головой. — Даже если бы узнала, то забыла бы. Я ведь не помню имен остальных, а остальные не помнят моего. Эх, лишь бы меня звали не Евпатий...

— Ев...евпатий? — прыснула я от смеха. — Ты серьезно? Это всё, что тебя волнует? Ставлю на то, что ты — Антон.

— Почему? — сдвинул брови мужчина.

— Потому что все Антоны в моей жизни были... евпатиями.

А в частности тот, которого я застала со своей однокурсницей. Такой евпатий, что даже после расставания продолжал капать на нервы и утверждать, что один раз не считается. Я сказала ему то же самое и заехала между ног до характерного звона. Больше его сообщения меня не понимали.

— У тебя были мужчины? — резко остановился Лис и вперил в меня изумрудный взгляд.

— Мне двадцать пять лет, — тоже притормозила я и, подбоченившись, вступила в напряженную перестрелку глазами. — Это чудо, что я еще замуж не вышла, а ты про мужиков.

— Извращенка...

— Ну да. Сижу я там у себя в городе и думаю: «Как же там Лисёнок поживает, которого я между ушей в детстве наглаживала? Может, забить на всё, убежать с ним в лес, забиться в нору и нарожать лисят? В обычной ситуации это было бы невозможно, но именно этот Лисёнок обращается в крутого накаченного мужика, с которым не страшна никакая напасть!» И что ж я столько лет потратила на каких-то имбецилов, если здесь?..

Договорить я не успела. В пару широких шагов Лис сократил расстояние между нами, схватил меня за плечи и лизнул мои губы.

— Т-ты что делаешь? — прошептала я ему в лицо.

— Извиняюсь за то, что сделаю сейчас, — спокойно заявили мне.

— Что ты?..

Мгновение, и клыки оборотня впились в мою шею.

Острая боль заставила слезы брызнуть из глаз, а из горла вырвался тихий хрип. Я даже запротестовать не смогла от удивления, и оттолкнуть мужчину было нереально. Хватка крепкая. Фиг вырвешься из нее. Но лисы ведь не едят людей! Не едят! Неужели, всё-таки решил человечинкой полакомиться?!

— Всё, — вновь склонился Лис над моим лицом, но теперь на его губах поблескивала кровь. Моя кровь! — Я пометил тебя, как свою. Чтобы больше ни один мужик...

Шлеп!

Рука моя сама взметнулась в воздух и залепила рыжему смачную пощечину. Такую, что щека его тут же начала наливаться красным.

Свежий укус невыносимо жгло. Аж в глазах темнело. Приложила ладонь к шее скорее произвольно, потому что боль это несколько не облегчило.

— Ты что... бешеный? — простонала я, ретировавшись от оборотня на несколько шагов, однако безопасным такое расстояние не считала. Вдруг, снова набросится? Это ж теперь прививку делать надо, а как же ее сделать, если цивилизация фиг пойми где начинается?!

— Я уже давно должен был это сделать! — сделал Лис шаг ко мне, а я — еще один шаг назад. — Столько нервов на тебя потратил. Мало ли, к Волку или Медведю удерешь, если так в связях неразборчива.

— Отойди или я заору, — предупредила я, когда он сделал еще один шаг мне навстречу.

— Прекрати. Это для твоей же безопасности, — настаивал мужчина на своей правоте.

— Стоять! Фу! Плохой лис! — отскочила, всё еще морщась от боли. — Черта с два я тебе поверю, понял, хитрозадый ты прохвост?! Стоило расслабиться — и вот те раз!

— А вот и в глаз! — раздался звонкий голос из кустов, а следом за ним вылетело что-то маленькое и, действительно, зарядило Лису в самый глаз. В правый. Именно его оборотень зажал рукой и отшатнулся.

Заяц! Зайчик, Заяшка мой ненаглядный. Вот, кто готов даже хищнику дать отпор ради моей безопасности! Правда, из кустов, втихую, но иначе же инстинкты не позволяют. Мои инстинкты, кстати, тоже не позволяли находиться рядом с Лисом в этот момент, а потому, воспользовавшись его отвлеченным вниманием, сиганула дальше по тропинке, а потом и за деревья в чащу.

Пометить он меня, значит, решил. Одного похищения мало оказалось. Нужно еще телесные увечья нанести для пущей верности. Животное — оно животное и есть, даже если у него лицо симпатичное. Нет, не лицо. У животных — морда. Вот и у лиса — морда. Наглая рыжая морда! А у Зайчика — личико.

Летела я, прижимая корзинку с драгоценной картой к груди, а подол к ногам. Уже наученная горьким опытом, что в лесу этом много что можно потерять и порвать тоже.

Первым делом желательно набрести на колодец, если очень повезет. Колодец — в центре, а

значит, именно с него можно начать поиски сумки. Не факт, что она осталась на той дороге, по которой меня тащили. Прах сама намекнула на то, что мир так просто не вернет мне список. Получается, самый логичный вариант — самый провальный вариант. Думаем дальше.

— Ух, ежкин ты дрын... — остановилась, выбившись из сил, и прислонилась к ближайшему дереву. Обняла его. Скатилась вниз, прижалась щекой к прохладной коре и закрыла глаза.

Ни ногой я больше в эту нору не пойду! Ни правой, ни левой. К Праху перееду на постоянное место жительства. Обе — девочки, обеим будет, о чем поболтать. Ногти друг дружке покрасим, журналы почитаем, косточки всем мужикам перемоем...

Вдох-выдох, вдох-выдох. Медленно открываем глаза...

...и видим перед собой здорового косматого волчищу. Волчищу, осторожно подкрадывавшегося ко мне, прижавшего уши к затылку и обнажившего ряды острых клыков.

Мир-пожиратель, у тебя есть какая-то особая причина ненавидеть меня? Это всё из-за списка имен, который я варварски притащила с собой или же дело в чем-то другом?

— Волк? Это... ты? — с надеждой спросила я.

Да, это однозначно волк. Вот только, судя по всему, уже полностью обратившийся. Вряд ли с ним получится договориться. Незадача. Может, позвать на помощь кого-нибудь более сговорчивого? Только кого? Лиса, которого я только что прокляла, на чем свет стоит? Зайца, которого разорвать могут в два счета? Медведя, с которым я даже особо не знакома? Да, собственно, и с Волком я знакома не так, чтобы очень хорошо, но... кажется, он — мой лучший вариант. Уж со своими сородичами он явно способен справиться. А потому...

— Во-о-олк! — заорала я, что было мочи, обняв ствол дерева крепче и косясь на агрессивно настроенного зверя. Очень агрессивно настроенного. Во-он как слюной весь истёк. — Во-о-олк!!!

Зажмурилась, когда тварюга пригнулась к земле перед смертельным прыжком.

Да чего толку орать-то? Он где угодно может быть. Лес-то большой. Не факт, что мой ор слышен на все окрестности. Скорее Лис прибежит и покусает меня быстрее, чем...

— Сидеть, — раздался спокойный мужской голос над моей головой. Спокойный до дрожи в коленках, однако интонация говорившего вызывала острое желание провалиться под землю или забраться на дерево.

— Сижу, — пискнула я в ответ, не решаясь открыть глаза.

— Сидеть, я сказал.

Только сейчас решила приоткрыть один глаз. А косматый волчище передо мной уже вытянулся по стойке смирно и благоговейно поглядывал за мое плечо. Я с не меньшей благоговейностью глянула туда же.

— Заблудилась? — вознаградил меня Волк мягкой улыбкой за всё пережитое.

Как же странно мужчина, стоящий за моей спиной, выглядит для этого места. Как будто его вырезали из картины эпохи Возрождения и приклеили на эту. Уши волчьи выдавали в нем местного, серая метёлка хвоста и клыки, когда он приоткрывал рот. В остальном — Дориан Грей, вылитый.

— Не то, чтобы сильно... — неловко произнесла я. — Просто шастают тут всякие...

Прищурившись, оборотень похлопал себя по шее и кивнул на мою.

— Лисья работа?

— А, это... — Коснулась пальцами недавнего укуса и поморщилась. — Мою бдительность коварно ослабили и нанесли подлый удар.

— Этот подлый удар сейчас может привлечь к тебе хищников со всего леса, — изящно изогнул бровь Волк, протянув мне руку и подняв с земли. — Очень опрометчиво. Пойдем в логово, и я всё обработаю. А ты, — перевел он взгляд на косматого, — возвращайся в стаю. Дама — не закуска.

Глава 7. В гостях хорошо, но страшно

Пробираясь следом за Волком в... относительной безопасности, я пустилась в размышления. В размышления о том, справедливо ли отношусь к Лису и его слегка ненормальным чувствам с привкусом истового эгоизма. Возможно ли, что трудный характер не позволяет ему выразить свои чувства иначе? Другими словами или действиями. Потому он из кожи вон лезет, путаясь в собственных намеках и ненамеренно ухудшая наши отношения. Может, о некоторых вещах его стоит спросить напрямик? Но ответит ли он честно? Это уже другой вопрос...

— Ты деревенская? — отвлекли меня от мыслей и я, недолго думая, мотнула головой.

— Я из города приехала. Недавно. У меня как бы... отпуск.

Отпуск на лоне природы, как по заказу. Частично пожелания мои были исполнены, но кто ж знал, что природа эта будет не местная. Совершенно не местная. А ведь я давно хотела слетать в Грецию. Жаль, что столь светлая идея не закрепилась в моей голове железно.

— А я тоже не деревенский, — усмехнулся Волк, обернувшись ко мне и галантно отодвинув гибкую ветку перед самым моим лицом. — Однако вряд ли до сих пор числюсь среди учеников моей гимназии.

Вот так новость. Значит, ему пришлось покинуть тот же цивилизационный уровень, что и мне? В довольно юном возрасте, но, тем не менее, это делает серого хищника куда ближе ко мне, чем... деревенских мальчишек.

Мне всегда казалось, что жизнь в деревне — это легкая жизнь. Без особых заморочек, с низким уровнем стресса. Жизнь, в которой не приходится спешить, гнаться за достижениями по карьерной лестнице и пытаться найти смысл своего существования. Конечно, иногда бывает тяжело. Например, стирать руками в тазу. Но морально ты чувствуешь себя более свободным, более раскрепощенным и... счастливым? Ох, слишком глубоко копнула...

— Мы пришли, — прошептал оборотень мне на ухо, и я резко остановилась, снова выдернутая из размышлений.

Стояли мы на узкой дорожке из мелкого гравия, которая вела к одноэтажному, окруженному средней высоты соснами, каменному дому без забора и калитки. Темно-зеленая черепичная крыша, приоткрытые окна с развевающимся на ветру полупрозрачным тюлем, цветочек в горшочке виднеется на подоконнике. И не подумаешь, что хозяин этого домика — опасный серый волк. Волк, который, внезапно обратившись, вполне может вцепится тебе в глотку. Хотя Лис в этом плане тоже недалеко ушел, даже без полного обращения.

— Не скажу, что ты можешь чувствовать себя, как дома, — заботливо приобняли меня за плечи. — Потому что ложь — не мой профиль.

Встретилась с пронзительным взглядом темных глаз, который потеплел за какое-то мгновение.

И что бы значили эти слова? Больше похоже на угрозу, чем на проявление честности. Похоже, с этим типом нужно всегда держать ухо востро. Не только ревнивый Лис, но и Прах предупреждала меня о сером и ужасном.

— Не бойся меня, — словно прочел Волк мои мысли и отпустил. Я тут же передернула плечами. — Пока рядом нет стаи, я себя полностью контролирую. Волки не нападают на людей поодиночке.

— А как же тот волк, от которого ты меня спас? — прищурилась я. — Только что.

— Ложь всё еще не мой профиль, — лаконично ответили мне.

Покачивая серым хвостом, мужчина направился к дому по гравийной дорожке, и мне пришлось отправиться следом, чтобы не привлекать внимание к тому количеству адреналина, который сейчас выделяло мое тело.

Я уже немного жалела о том, что бросилась от Лиса наутек. Ну, укусил. С кем не бывает? Собачка тоже может укусить, когда играет. И если теперь я была уверена в том, что рыжий наглец не решит мною полакомиться, то насчет Волка... насчет Волка у меня были некоторые сомнения.

Разница между двумя оборотнями прослеживалась и в особенностях ведения хозяйства.

Идеальная чистота в холостяцком логове поразила меня. Ни пылинки, ни соринки, никакого хлама. Аккуратно прибитые полки с книгами в дальнем углу, там же столик и кресло. Печь выбелена так, что глазам смотреть больно, пол натерт до блеска, картины на стенах... божечки, куда ж я попала?

— Удивлена? — поймал оборотень мой напряженный взгляд. — После дыры... вернее, норы, — воспользовался он тем же каламбуром, которым с утра я пыталась подтрунить над Лисом, — это место кажется уютной гаванью, не так ли?

— Уютно там, где тебя ждут, — парировала я, готовая в любой момент воспользоваться корзинкой в качестве оружия и дать стрекоча.

— Кто сказал, что тебя здесь не ждали? — вопросительно вскинул бровь мужчина. — Возможно, именно мне выпала бы честь поставить на тебя метку. В ту самую ночь.

Шумно сглотнула, но с места не сдвинулась.

Если эта хрень на моей шее поможет мне выбраться отсюда целой и невредимой, то, Лис, я прощу львиную долю свершенных тобою грехов. Обещаю.

— Проходи, присаживайся. Чего застряла в дверях?

Может, потому, что чем глубже в логово я зайду, тем сложнее мне будет из него выбраться? Как тебе мое умозаключение?

Провела рукой по волосам на всякий случай. Проверить, не появилась ли на голове шапочка красная по волшебству? А затем осторожными короткими шажками прошла к книжным полкам и села на краешек кресла.

— Чай? Кофе? Потанцуем? — показалась голова хищника из-за печки.

— Чай, — ответила я. — А кофе у тебя откуда?

— Ну... — протянул Волк и издал нервный смешок. — Не только Лис в деревню наведывается. Я тоже оттуда блага цивилизации прихватываю периодически.

— И эти книги? — перевела взгляд на несколько ровных рядов книжных полок, подвешенных на стене.

— Да. — На столик рядом со мной поставили две чашки с дымящимся напитком. — Мы с Прахом — единственные в этом лесу, кто может прочесть их. Лис одалживал у меня парочку, но не думаю, что хоть пальцем к ним притронулся.

Вспомнив несколько книжек в углу за печкой, покрытых плесенью, поняла, что слова Волка недалеко от истины. Лис не умеет читать? Но это вполне логично, если учесть, что поселился он здесь будучи четырехлетним ребенком.

— Поверни голову, — скомандовали мне. — Немного вправо. Да, вот так.

И к укусу на моей шее приложили что-то плотное и влажное. От боли слезы брызнули из глаз и онемели кончики пальцев, но мужчина тут же взял мои руки в свои и погладил их большими пальцами.

— Немного потерпи и пройдет, — тихо и ласково произнес он, но ни его действия, ни слова меня почему-то не утешали.

Возможно ли, что за мои чувства и мировосприятие отвечает уже обращающаяся часть, а не человеческая? Может ли моя предвзятость быть обусловлена межвидовой конкуренцией, или же обращением в жертву?

— Ну давай же, — расположился Волк напротив меня за столиком, закинув ногу на ногу и уставившись на меня так, что до жути захотелось отвернуться. — Расскажи мне о себе.

Я не отвернулась. Это всего лишь мужчина. Генномодифицированный, но который вполне мог оказаться очередным Антоном. Или Евпатием. Это уж как повезет или не повезет.

— Сперва я бы послушала твою историю, — уклончиво ответила я. — Чтобы подумать, можно

ли тебе доверять.

— В этом мире доверять нельзя никому, — улыбнулся Волк уголками рта. — Хотя... и в том мире, из которого мы родом, я ни к кому не повернулся бы спиной. Знаешь, что представляет собой так называемая «человечность»?

— Нет, но можешь просветить меня, — старалась не уступать я.

— Человечность — это эгоизм в чистом виде. Физически на семьдесят процентов мы состоим из воды, а морально — из эгоизма.

— Откуда такие глубокие познания?

— У меня было достаточно времени, чтобы подумать обо всем.

Теперь он пугал меня не только на уровне инстинктов, но и своими умозаключениями.

Если с Лисом я могла расслабиться и, более того, посмеяться, то при этом типе даже мускулом дернуть было страшно. Его пронзительный взгляд сразу цеплялся за мое горло, когда я сглатывала слюну. Вот, к кому спиной лучше не поворачиваться.

— Мы приехали в деревню, чтобы с родственниками отметить мое поступление в гимназию, — начал Волк, однако, даже рассказывая свою историю, не сводил с меня хищного взгляда. — У меня не было никакого желания уезжать из города, но поставили перед фактом. А уже по приезду пихнули трем деревенским мальчуганам, желания общаться с которыми у меня не было тоже. Лис взял меня на «слабо», как только я отказался идти с ними в лес. «Городской петушок боится запачкать белые кроссовки!» — кричал он своим писклявым голоском, и самолюбие мое не выдержало. Я пошел. И вот я здесь. Кроссовки запачкать не испугался, но жизнь замарал.

Так вот с чего началась их вражда. Дело не только в межвидовой конкуренции.

— Теперь Лис затащил сюда тебя, — плавно подвел меня Волк к событиям настоящего времени. — И в этот раз намеренно. Не думаешь ли ты, что этот поступок довольно... эгоистичен? Это если мягко сказать.

— Думаю, что наши с Лисом взаимоотношения никого, кроме нас самих, не касаются, — сдержанно произнесла я, на что оборотень усмехнулся, обнажив клыки. — А о себе я могу сказать немного. Я — журналист, а мы — люди отчаянные и всегда своего добиваемся.

— Журналист? Как насчет интервью?

— Пожалуй. Почему у тебя такие большие уши?

— Хочешь повторить судьбу Красной Шапочки?

— Я знаю, чем закончилась сказка.

— Дровосеков здесь нет.

— А ты видишь красную шапку на моей голове?

В пылу словесной схватки мы приблизились друг к другу настолько, что темные глаза мужчины оказались почти на одном уровне с моими, а теплое дыхание коснулось моего лица.

— Что ж, — выдержав небольшую паузу, выдохнул Волк и откинулся на спинку стула. — Всегда приятно поговорить с умным человеком.

— Да. Как жаль, что мне уже пора.

С этими словами я встала с кресла, не забыв про корзинку с драгоценной картой. Натянуто улыбнулась, подняла голову повыше и, выпятив грудь, проследовала к двери.

— Ах да, — обернулась я напоследок к ухмыляющемуся мужчине. — Если увидишь где-нибудь белую дамскую сумку, то занеси ее к Праху. Там хранится очень важная информация, которая, возможно, поможет тебе вернуться к городской жизни.

— Тогда точно не пройду мимо, — изящно изогнул хищник бровь. — Ты... забавная, — услышала я перед тем, как вышла за дверь.

Вышла и выдохнула с облегчением. Выдохну еще раз, как только уберусь от логова подальше. Как можно дальше. Чтобы аура пассивной агрессии не раздавила меня.

Глава 8. Сердце мира

А пока я стремительно удалялась от каменного домика, сосен и дорожки из мелкого гравия, думала о том, в какую же сторону мне нужно удаляться.

Мысль о возвращении к Лису, несомненно, посетила меня, однако... я ведь могу вернуться и позже. Скажу, что заблудилась. И по его, между прочим, вине. Загляну в нахальную морду, выдержу натиск тяжелого взгляда, а затем перейду к активному вербальному общению — поругаюсь за произошедшее сегодня, окончательно подавлю рыжего зверька и со спокойной душой отправлюсь спать. Нет. Прихвачу что-нибудь покушать и отправлюсь спать. Так будет правильно.

А пока почему бы не навестить Зайца? Хотя, не факт, что он будет дома. По всему лесу шуршит, всё про всех знает. Вот и сейчас может быть где угодно.

На самом деле, единственный оборотень, с которым мне так и не довелось нормально пообщаться — это Медведь. А учитывая то, что он из числа здешних мужчин самый старший, думаю, с ним определенно есть, о чем поговорить. И Станино он должен помнить, если прожил там целых семь лет.

Но сперва карта.

Вынула свернутый в корзине лист, развернула, быстро отыскивала точку с надписью «логово» и точку совсем недалеко от нее с надписью «берлога». Мысленно провела путь по волнистой линии, изображавшей лесную тропинку.

— Главное, чтобы с порога не набросился, — озвучила я свои опасения, убирая карту обратно и на всякий случай оглядевшись по сторонам. — А дальше уж зубы заговору.

Раз уж от Лиса смогла уйти практически невредимой и даже от Волка, то от тебя, Медведь, и подавно уйду. После того, как получу необходимую мне информацию, разумеется. Без информации никуда. Она всеми мирами правит.

От Волка я узнала достаточно, пусть и диалог наш длился недолго. Теперь мне известны его сильные и слабые стороны. Сильная сторона — город, слабая — деревня, вот и все дела. Самомнение раздуто сильнее, чем у Лиса, пусть и кажется, что раздуть его сильнее — задача невыполнимая. Однако твоя заносчивость, Волк, может когда-нибудь и боком тебе встать. Если надавить на гордость и нащупать твою болевую точку. Нет, я не собираюсь делать это без острой необходимости, но если придется... лучше сиди в своей стае, понял, нет?

Ух, зла не хватает. Красной Шапочкой надумал пугать. Это тебе не сказки с глупенькими героиньками, не способными за себя постоять. А постоять за себя я смогу. Я у себя одна, потому что мужикам верить разучилась. И верить не собираюсь. Только Зайчику. Зайчику верить можно.

Как всё-таки легко передвигаться по лесу, если не через бурелом переть, как кабан раненный, а по протоптанной тропинке. Впредь постараюсь это запомнить и даже в приступе паники в чащу не улепетывать.

Теплые солнечные лучи касались моей кожи, пробиваясь через зелень древесных крон. Птицы разливались сладкими трелями, бабочки порхали над кустиками чертополоха. Казалось бы, идиллия, но нет. Пусть я и привыкла к здешнему горьковато-сладкому запаху, ком в горле вставал. Деревья, птицы, бабочки... чертополох. Всё это могло оказаться обращенными... нет. Думать об этом и то противно.

Тропинка тем временем плавно свернула и потянулась уже вдоль густого малинника. Теперь невооруженным глазом видно, кто из оборотней поселился неподалеку. Крупный такой, суровый и бородатый.

Надеюсь, он не будет сильно против моего визита. Если я ничего не путаю, Медведь сам попросил меня зайти, как только на Лиса захочу пожаловаться. Ну, я хочу! Ой, всё выскажу. Или... нет. Выносить ли сор из... норы?

Перед глазами всплыла жалобная физиономия Лиса, нависшая над моим лицом в ночь откровений. Такая, что смотреть больно и чувство вины из самых недр души поднимается. Поблескивающие глаза, подрагивающая нижняя губа.

«Ты же стала для меня всем! Всем. Твой голос, твой запах, ты вся!» — взвыл рыжик-

воспоминание в моей голове, и я тут же тряхнула этой самой головой, отгоняя наваждение. И тут меня преследует, зверек лопухий.

Малинник тем временем закончился и на опушке в конце тропинки вырос бревенчатый дом в стиле аля «русская деревенька в самой глубинке», но двухэтажный, с балкончиком на втором этаже и, подумать только, неплохим огородом за заборчиком! Огурчики, помидорчики, капуста. Такой мужик однозначно в хозяйстве пригодится! А это точно дом Медведя?

На всякий случай сверилась с картой.

Да. Передо мной — двухэтажная берлога. Чего только в зачарованном лесу ни увидишь.

Калитка поддалась, как только я ее отворила. Значит, в этом доме гостей всегда ждут. Сейчас узнаем, с распростертыми ли объятьями. Прошла мимо огорода, богатого на урожай, поднялась на крыльцо. Оправила платье, рукой по волосам провела, чтобы не топорщились, и, растянув губы в улыбке, постучала. Постучала раз, постучала два. На третий раз тоже никто не отворил.

— Хм...

Дернула за ручку, и входная дверь поддалась так же легко, как и калитка.

Да, это тебе не город, где на несколько замков запираются. Здесь все друг друга знают, да и воровать-то что? Портки рваные? Тут даже рацион у каждого свой.

— Медведь? — просунула я голову в дверной проем.

Неплохая берлога, кстати. Никогда прежде не бывала в домике егеря, но готова поспорить, что убранство в нем точно такое же. Коврик узорчатый на дощатом полу, стол с парой стульев, в углу — верстак. По инструментам, висевшим рядом с ним, поняла. На стене над столом — рога оленя. Большие, ветвистые. Ружья не хватает и был бы полный комплект.

— Медве-е-едь? — повторила я, и решила сделать несколько неуверенных шагов, прикрыв за собой дверь.

Кажется, пусто. Зайти сейчас и подождать? Или зайти как-нибудь в другой раз? А будет ли этот другой раз, если Лис на мне волчий душок учует? Меня одолевают сомнения.

— Дзы-ы-ы-ынь! — раздался пронзительный звон откуда-то сверху.

Напряглась каждой мышцей, которую можно было напрячь, перевела взгляд на потолок. Нечто неопознанное требует внимания на втором этаже. Причем требует неистово, изо всех сил надрывается. И жутко напоминает звон будильника.

Хороший журналист — любопытный, внимательный и незаметный журналист, который всегда стремится оказаться в гуще событий. А поэтому пойду-ка я гляну, что там творится. Авось не спалюсь. А если и спалюсь, то еще со школьных уроков ОБЖ помню — при нападении медведя следует лечь и притвориться мертвым. Тогда он подойдет, понюхает, поймет, что ты не представляешь для него опасности и уйдет восвояси. Проверим теорию.

Деревянная лестница на второй этаж нашлась быстро. Осторожно, стараясь не издавать лишнего шума, поднялась по ней и оказалась в небольшой комнатке с парой диванчиков и маленьким окошком. Звон стал еще громче и раздавался из коридора с правой стороны от лестницы. Прокралась и туда. Оставалось заглянуть в самую дальнюю из трех дверей, потому что «дзынь» стал уж совсем невыносимым. Ох уж эти древние механические будильники...

А вот и, собственно, хозяин берлоги во всей своей красе.

Морской звездой распластавшись на широкой кровати, Медведь сладко дрых под противный звон заливавшегося на прикроватной тумбочке будильника. Так сладко, что я аж сама не смогла подавить зевок.

Зимняя спячка? Так рано? Лето ж на дворе. Ты чего, косолапый? Сломался?

«Волк не должен слишком много времени проводить в стае, а Медведь — спать больше двенадцати часов в сутки. Я не говорю, что с каждым ты обязана наладить контакт, но... на всякий случай. Им важно не утратить последнюю человечность».

Слова Праха произвольно всплыли в моей голове, и я с недоверием покосилась на вопившее

чудо советской механики.

Эта штука уже не помогает, да? И молодая лесная мамуля, кажется, догадывается об этом. И что делать? Будильник я переорать не смогу.

А Медведь блаженно улыбался и волоски на его бороде подрагивали в такт мерному дыханию.

Раздобыв кастрюлю и колотушку на первом этаже, я устроила в комнате оборотня целый концерт кастрюльного соло. Даже по лбу один разок приложила бородача, но нет. Глухо, как в танке.

— Ми-хай-ло-о-о! Вста-ва-а-ай! — вопила я ему на ухо. За плечо дергала, будильник надрывавшийся ему чуть ли не в рот запихала. Тщетно. Бессонницей оборотень явно не страдает.

Была у меня еще одна идея, но я отложила ее в дальний ящик до последнего. Пока эта идея не останется самым крайним вариантом. И, похоже, момент ее настал. Ничего сложного. Всего-то набрать в кастрюлю воды холодной из умывальника на кухне и опрокинуть на голову спящего красавца. Вряд ли он сможет проигнорировать такой напор.

«Запомни: лечь и притвориться мертвой, — повторяла я про себя, как мантру, поднимая кастрюлю над кроватью Медведя и сосредоточенно прикусив губу. — Лечь и притвориться мертвой, лечь и притвориться...»

Руки задрожали от тяжести. Не рассчитала малёх с весом, и в итоге полная кастрюля ледяной воды не то что опрокинулась, а прилетела Медведю целиком, как есть. Металлическая такая и натертая, прямо в лоб. Вот только с весом колотушки сравниться она не могла. М-да, ситуация...

— Агр-р-р-р! — вполне ожидаемо, но страшно до ужаса взревел некогда спящий, а нынче разбуженный и в крайней степени раздраженный оборотень.

Осталось ли у меня время на то, чтобы притвориться мертвой?!

Кажется, нет. Мужчина с округлыми медвежьими ушками в мгновение ока обратился в массивную бурую тушу, взревел, слез с кровати и навис надо мной, лежавшей на полу в незамысловатой позе Шивасаны. Излюбленная поза начинающих йогов, особенно после тяжелого трудового дня. Но глаза мои были широко распахнуты, потому что трудно оторвать взгляд от огромной скалящейся пасти над самым лицом.

«Хорошо живет на свете Винни Пух... от того поет он... эту песню... вслух...» — напевала я про себя, чтобы не сойти с ума от страха и хоть как-то успокоить бешено колотившееся сердце.

Если бы нюхом можно было поедать, то Медведь уже занюхал бы меня до смерти. Большой черный нос зарывался в мои волосы, скользил по лицу, шее, плечам...

Ежик ты дрын. Стал бы Лис свидетелем этой сцены, страшно представить, что стало бы... с Лисом. Потому что эта бурая громадина не сожрет, так задавит.

Зажмурилась, когда медвежий нос ткнулся мне в глаз.

Полегче нельзя, эй? Я вообще-то в отпуске и острых ощущений не заказывала. Отдохнуть хотела на природе. Я. На природе, а не чтобы природа отдыхала на мне. Понял, нет?

— Как неловко, — неожиданно услышала я низкий мужской голос и резко распахнула глаза.

Лесной бородач вернул себе свой человеческий облик. Вернее, получеловеческий, потому что медвежьи ушки всё еще украшали его голову. Хвостик тоже должен быть, только не видно. Маленький он, хвостик медвежий. Пимпочка такая. Я в зоопарке видела!

— Хотела посидеть на моем стуле и поесть из моей миски? — расплылся оборотень в улыбке. От могучего зверя не осталось и следа. Хотя про ушки и пимпочку не забываем! — Но будить медведя — не самая лучшая идея.

— Я уже поняла, — сдавленно ответила я. — Но Прах сказала, что человечность... и всё такое.

Улыбка испарилась с лица мужчины. Взгляд его оторвался от меня и переместился куда-то в невидимую точку перед собой, а после лихорадочно забегал.

— Сколько ж времени-то? — наконец, в ужасе прошептал Медведь, вскочил с пола, схватил будильник в грубые руки и тихо выругался. Так, чтобы я не услышала. — Я ж сердце еще не рубил! Нельзя, нельзя отлынивать.

— Сердце? — переспросила я и села там же, где пару мгновений назад лежала. — Чье?

— А есть желание сходить посмотреть? — ответили мне вопросом на вопрос и поставили будильник обратно на тумбочку. Но моего ответа Медведь не дождался. — Тогда давай поторопимся, чтобы до темноты успеть. После заката там такая чертовщина творится, что у самого поджилки трясутся.

Чтобы у Медведя поджилки тряслись? Это что-то новенькое. А то, что у меня сердце до сих пор отбивает бешеный ритм — факт. Разбудила называется. Сделала доброе дело, оказалась полезна обществу. В следующий раз тысячу раз подумаю, прежде чем в среде местного общества человечность воспитывать. Я — пока еще человек и за сохранность своей человечности бороться нужно в первую очередь.

Пока еще человек...

— Давай, красавица. — Мужчина уже стоял позади меня на пороге комнаты, широко расставив ноги и едва не упираясь головой в верхнюю часть дверного наличника. — Время дорого. Для меня особенно.

— Ты так и не объяснил, куда собираешься, — напомнила я, но выбора у меня не было.

Не потому, что была обязана воспользоваться радушным приглашением и отправиться на местные лесные «развлечения» вроде рубки чьих-то сердец, а потому, что всё необычное пусть и пугало, но манило меня страшно. Я даже с участью своей непростой частично свыклась, благодаря присущему ей мистическому антуражу.

Слышали когда-нибудь легенду о блуждающих огоньках? Тех самых огоньках, что иногда загораются на болотах и светом своим заманивают путников в трясины на верную погибель. Так вот. Даже если всеми силами я старалась избежать яркого света происходящих событий, он всё равно манил меня. Могла бы спокойно сидеть в норе и не высовываться. Или переехать к Праху. Думаю, она была бы не против женской компании. Но нет. Я целенаправленно умудряюсь находить приключения то в одной части леса проклятого мира, то в другой. Это о многом говорит. Например, о моих истинных намерениях. Не бежать, поджав хвост, который у меня, к счастью, пока что не отрос. Не бежать, а, как следует, во всем разобраться. Я вовсе не бесстрашная и не сказать бы, что очень сильная морально и физически. Однако это вовсе не означает, что я абсолютно бесполезна. Обойдемся без геройств, но попытаюсь помочь оказавшимся в ловушке, в том числе и себе, хочу.

Из берлоги мы вышли вооруженными. Вернее, вооруженным вышел Медведь — с топором, закинутым на плечо. Вполне логично. Рубить ведь идем, а не резать.

— Не пугайся, — решил успокоить меня оборотень, заметив мой косой взгляд на заточенное орудие. — Убивать я никого этим не собираюсь. Слегка... подточить, чтобы не расслаблялся.

Появилось больше вопросов, чем ответов, но нужно терпеливо ожидать и просто идти следом. Кстати, не по лесной тропинке. Почти у самого малинника мы резко свернули в сторону и начали стремительно отдаляться куда-то за пределы нарисованной Прахом карты. Так стремительно, что я едва успевала передвигать ногами. Спотыкалась о корни, стряхивала с себя насекомых, уворачивалась от гибких ветвей, так и норовящих по лицу съездить или по голым ключицам.

— Ты вот что скажи мне, — обернулся ко мне Медведь с добродушной улыбкой, когда я в очередной раз сумела нагнать его. — Приспособилась хоть немного к здешним условиям?

— Приспособилась — сильно сказано, — уклончиво ответила я. — Скорее выживаю. Например, стираю руками в тазу.

Оборотень рассмеялся. Басом. Но смех его тут же разрядил напряженную атмосферу. Я улыбнулась. Медведь напоминал простого деревенского мужика, у которого в железной коробочке на полке всегда хранятся леденцы. Барбарис или дюшес, которыми он не прочь поделиться с заглядывавшей к доброму дяде деревенской шпаной.

— Лис не обижают?

Сначала я с уверенностью хотела ответить, что ничего подобного пока не происходило, однако

вспомнила об укусе на шее и уверенность моя улетучилась. Я всё еще злюсь. Да, вот такая я плохая. И не только на укус, хотя какая теперь разница?..

— Ничего, мы еще успеем поговорить об этом, — словно прочел мои мысли мужчина. — Пришли.

Пришли?

Оторвала настороженный взгляд от земли под ногами, юркнула следом за Медведем в высокие кусты и... спустя долю секунды потеряла дар речи. Ноги приросли к земле, пусть и хотелось бежать от этого странного места без оглядки. Комок тошноты подкатил к горлу, но я сдержала позыв. Кажется, источник горько-сладкого аромата найден...

Источник этот прекрасен и отвратителен одновременно.

В обнаженном подлеске росло лишь одно дерево. Но такое, что сердце замирало от одного его вида. Ствол его в ширину трудно было бы обхватить и десятку людей, а в высоту он уходил настолько, что верхушка терялась в проплывавших по небу облаках. Очень напоминало волшебный боб из сказки про великанов. Ветви густой и гигантской кроны переплетались между собой, создавая узорную сеть. Листья наливались сочной зеленью и громким шепотом вели замысловатый разговор с ветром.

Шурх-шурх...

Запах в этом подлеске был таким тягучим, что, казалось, время здесь замирало, или же шло так медленно, что пробыв здесь пару минут, вернешься не в лето, а в припорошенную снегом раннюю зиму.

Почувствовала, как слезятся глаза, и потерла уголки глаз двумя пальцами.

— Что это?.. — слов не хватало, чтобы выразить всё, что я ощущала. Пришлось сделать небольшую паузу, чтобы собраться с мыслями, но мысль, пришедшая в голову, тут же обрывалась на полуслове. — Что это... такое?

Медведь обернулся ко мне, сдвинув брови. Встретился с моим взглядом, и тут же отвел глаза в сторону.

— Сердце мира, — спокойно произнес он. — Того самого, в котором мы сейчас находимся. Чувствуешь, как сковало изнутри? До самой души пробирает, верно?

Приложила ладошку к груди. Словно могла защититься от чудовищного дерева перед собой, но по сравнению с ним казалась ничем. Пустым местом. Или же... его пищей. Пищей, которую поедают медленно, тщательно смакуя вкус, но рано или поздно поглотят целиком.

— В это место меня однажды привела Прах, — начал оборотень и направился напрямиком к толстому стволу. Однако мне совсем не хотелось приближаться. Дистанция — последнее, что оставалось, чтобы я не сошла с ума. — Она сказала, что у любого чудовища, даже самого неуловимого, существует видимая оболочка. И сила, которую излучает это дерево, настолько велика, что рядом с ним вполне можно потерять рассудок.

Вот, почему так плохо. Даже птичий гомон не был отсюда слышен. Скорее всего, птицы облетали подлесок стороной. И не только птицы. Каждое лесное существо от мала до велика будет держать от этого места как можно дальше.

— Очень похоже, что дерево перед тобой — видимая оболочка пожирателя.

— Теперь мистика обрела сущность, — тихо произнесла я, но вряд ли была услышала с такого расстояния. — Невероятно.

Медведь тем временем приблизился к растению, провел рукой по морщинистой коре. Ни один узор не остался без внимания его пальцев. А после, сделав широкий замах топором, со всего маху рубанул по стволу.

Шу-у-ух...

Шепот кроны стал еще более громким, но таким же неразборчивым. Мне казалось, что после такого удара дерево взвывает, как раненный волк, и начнет активно защищаться от неприятеля, но нет. Оно всё так же стояло, погрузив свои корни в твердую почву.

— Разве это поможет? — спросила я, когда Медведь рубанул по стволу еще раз.

— А разве надежда — не единственное, что у нас осталось? — стиснув зубы, ответил мужчина.

Очередной замах, удар.

Шу-у-ух...

— Ты приходишь сюда каждый день? — Слезы снова подступили к горлу. Запах тому виной, или же боль, что испытывал пожиратель, когда покушались на святое? — И просто рубишь?

— Возможно, Прах не сказала тебе об этом, — обернулся оборотень, и я прикусила губу, сдерживая порыв разреветься. — Мы всё еще люди, пока у нас есть то, ради чего следует продолжать бороться. Пока мы боремся и надеемся на лучшее, ни одна тварь не обратит нас окончательно.

Он протянул мне руку и я, взяв всю свою волю в кулак, сделала несколько неуверенных шагов вперед. Ветер переменял свое направление, и горько-сладкий аромат Сердца затопил мои легкие.

— Заяц мечтает избавиться от одиночества, которое навязывают ему обретенные инстинкты. — Рука Медведя всё еще была протянута ко мне. Я продолжала медленно, но верно сокращать расстояние. — Волка поддерживает тщеславие. Он жаждет большего от своей жизни. Жаждет настолько сильно, что обращаться начал позже всех нас. Я... Что касается меня, то я хочу найти способ выбраться отсюда, потому что считаю себя ответственным за жизни всех остальных. Это я повел всех в лес. На моих плечах лежит вина. — Оборотень вновь отвел взгляд. Столько горя в нем читалось, что моя вина перед Лисом отступила на десятый план. — А Лис... — Сердце мое пропустило удар. — А Лиса всё это время поддерживала ты. Даже не догадываясь. Сначала своим вниманием, а затем — ненавистью по причине его отсутствия.

Медведь опустил руку, а я оказалась перед самым стволом Сердца. Осмелилась прикоснуться к на удивление теплой коре и спустя мгновение одернула пальцы. Она пульсировала. Как человеческое сердце. Как такое возможно?

— Все мы боремся до сих пор, — подытожил оборотень, замахнувшись и рубанув по стволу так, что несколько листиков упало на мои плечи. Стряхнула их и поежилась от отвращения. — Хотя это весьма тяжело. Весьма. Весьма...

Даже если сумею выбраться отсюда самым чудесным способом, никогда я не забуду это место. И те чувства, которые испытала в подлесе, стоя напротив сердца, обличенного в гигантское дерево.

Медведь, чтобы не давать моей панике прорваться наружу, развлекал меня своими рассказами. О жизни в Станино, о жизни здесь. Он был сыном печника. Но печника с золотыми руками, который не только печки укладывал, но еще и слесарским делом занимался, крыши латал и в движках автомобильных копался. Жили они вдвоем и, несмотря на юный возраст, Медведь во всем старался помогать родителю. Возился рядом. Почти ничего не понимал, но руки запоминали и, оказавшись здесь, мальчишка освоился быстро. Семилетний мальчишка, таскающий тяжелые бревна и камни, вырезающий из дерева, устраивающий быт всех тех, за кого нес огромную ответственность. Эту ответственность он нес до сих пор. И я никак не могла убедить его в том, что он ни в чем не виноват.

Несколько слов сказал и про остальных.

Меньше всего про Волка, потому что городской паренек отправился с ними на прогулку только раз, а потом предпочел не связываться с затащившими его в ловушку деревенскими.

Заяц был смелым малым. Сливы с вишней у соседей воровал, без опаски подходил к незнакомым собакам, забредавшим в деревню из деревень соседних. Будто инстинкта сохранения для него не существовало. Однако пожиратель исправил досадную оплошность природы.

Крайне удивила меня новость о том, что Лис — сирота. Родители его уехали в город на заработки, оставив годовалого ребенка бабушке на воспитание, но так и не вернулись. Ни через год, ни через два, ни через три. Свою бабушку Лис всегда называл матерью и слова Медведя о том, что такая старая женщина не может быть его матерью, воспринимались мальчиком в штыки.

— Дед его был любителем пригубить и гонял свою бабу по всей деревне, — с усмешкой вспоминал оборотень, но я не понимала, что здесь может быть смешного. — В такие моменты я обычно звал Лиса прогуляться. Мы брали палки и били крапиву на окраине. Ее там были целые заросли, так что мне удавалось отвлечь его ненадолго. Не заслужил он такого «веселого» детства.

Легкая грусть накрыла и меня. Первый раз я приехала к тете слишком поздно для того, чтобы увидеться с ребятами до их исчезновения. Хотя... ничего я тогда не поняла бы. Даже Лиса забыла. Воспоминания о наших встречах периодически всплывали у меня в голове, но события двадцатилетней давности неумолимо растворены в событиях совсем недавнего прошлого. Жизнь в городе, школа, институт, работа... для Лисенка места не осталось. Совсем.

А подросток уже погружался в сумерки. Интересно, сколько времени прошло? Всё-таки время здесь не останавливается, а жаль. Жаль, что я не могу найти способ задержать свое обращение, кроме совета не впадать в отчаяние. Как в него не впасть? Это сейчас я расслабилась, потому что лишь имя свое забыла. Но как только меня затронут внешние изменения, разве сумею я остаться невозмутимой? Настолько невозмутимой, чтобы продолжать бороться.

— На сегодня закончили, — переместил Медведь свой топор на плечо.

Небольшие зарубки остались на древесном стволе. Совсем небольшие. Скорее всего, они затянутся к утру, потому что если Медведь действительно приходил сюда каждый день, то уже давно должен был срубить Сердце под корень. Напоминает древнегреческий мир о Сизифе, обязанном катить в гору тяжелый камень. Как только царь, жестоко наказанный богами, достигал вершины, камень скатывался вниз, и раз за разом бедолаге приходилось катить его в гору снова, обливаясь потом и слезами.

Выдохнуть с облегчением я смогла только тогда, когда мы с оборотнем вернулись в густую чащу. Да, дышится здесь легче. Намного легче, чем в подлеске. Даже голова закружилась от резкой смены атмосферы.

— Пойдем, я провожу тебя к Лису, — неожиданно предложил Медведь, и я кивнула. Если днем можно нарваться на голодных волков, то страшно представить, насколько опасно продвигаться здесь по темноте в одиночку.

— Ночная встреча с Волком мне чем-нибудь грозит? — решила осведомиться я, на что мужчина задумчиво хмыкнул.

— Не только ночная, но и дневная, — заявил он, обернувшись ко мне на ходу и наморщив лоб. — Советую вообще держаться от Волка подальше. Он немного... не такой.

— В каком смысле? — уточнила я, хотя уже догадывалась, что серый педант отличается от остальных.

— Мутный он тип. Обозленный на всех и вся. Отчаянный. И что-то подсказывает мне, что самое позднее начало обращения всё равно приведет его к самому раннему окончательному. — Оборотень вздохнул. — Короче говоря, как я уже сказал, держись от него подальше. Слишком плохо мы его знаем, чтобы доверять. И слишком хорошо, чтобы не доверять.

Глава 9. Лети, лети, лепесток...

Когда я вернулась в нору, не застала там ни души. Дверь открыта, а хозяина и след простыл. Ни на первом этаже, ни на чердаке Лиса не нашлось. В растерянности остановила свои поиски и уселась за стол.

Не сразу до меня дошло, что оборотень, должно быть, сам отправился на поиски. На поиски меня, конечно же. Убежала в лес, пошла по гостям, но Лису же ни слова не сказала о том, где я могу находиться и куда ему отправляться искать меня. А ведь он, должно быть, здорово испугался, если темень на дворе, а я до сих пор не явилась. Волки же ходят всякие и прочие...

Пришлось дожидаться возвращения хвостатого, скрепя сердце. Заодно поужинала теми утиными крылышками, которые до сих пор лежали в моей корзинке. Не пропадать же добру, да и кушать хочется. С утра ни крошки во рту не было.

Эх, рыжий. Куда ж тебя понесло?

А рыжий нарисовался на пороге минут через десять. Влажные пряди прилипли к его вискам, взгляд злобный и усталый одновременно, губы стянуты в тонкую полосочку. Ой, что сейчас будет...

— Ты... где... была? — прошипело в крайней степени раздраженное создание, и я уж хотела было ответить что-нибудь, что вернуло бы мужчину в нормальное состояние, но заметила кое-что очень интересное в его облике.

— Что у тебя на щеке? — вскинула я брови, присмотревшись повнимательнее.

Несколько продольных царапин «украшали» физиономию рыжего нахала. Еще с утра ничего подобного не было. Что-то здесь явно не так...

— Об дверь поцарапался, — уклончиво ответили мне и прикрыли разукрашенное лицо ладонью.

— Допустим, — невозмутимо ответила я. — Об чью?

Кажется, я нащупала правильное направление разговора, потому что Лис снова гневно зашипел, захлопнул входную дверь, щелкнул ключом и, стремительно сократив расстояние между дверью и кроватью, плюхнулся на оную. Одеядлом накрылся с головой. Забубнил.

— Ты ведь к Волку меня искать не ходил? — выстроила очередное предположение я.

— Отвали, — глухо послали меня из-под одеяла, и я окончательно убедилась в том, что мыслю правильно.

Вот оно как. Должно быть, шел по моему запаху, а в итоге наткнулся на логово. И дальше него не пошел. Уже и так было ясно, что я побывала в его пределах. Поди и сам Волк подкинул дровишек в костер. Он может, вполне.

— А это нормально без предупреждения на людей набрасываться? — напала я в ответ, встав из-за стола и надвигаясь к лисьей кровати грозовой тучей. — Мне, знаешь ли, Волк перевязку сделал. Без этого меня пол-леса бы загрызло. Такие факты твой пыл не умерят? Лис?

Одеяльный холмик неразборчиво замычал, заворочался, снова замер.

— Если честно, то более близкое знакомство с ним мне не очень-то по душе пришлось, — присела на краешек, вздохнула. — Может, это даже хорошо, что я у него побывала. Буду знать, что дорогу к логову лучше избегать.

— Послушай. — Скинув одеяло, оборотень присел рядом со мной и уставился на меня, не мигая. Видеть его серьезным — довольно жутковатое явление. — Волк опасен. Очень опасен. Для него никаких правил не существует. Он ближе к дикому животному, чем все мы вместе взятые, поэтому, какую бы помощь он тебе ни предложил, держись от него подальше, ясно тебе? Тебе ясно?

Нижняя губа Лиса подрагивала, как у маленького ребенка, который вот-вот закатит истерику в супермаркете из-за не купленной шоколадки. Он действительно так сильно переживает из-за меня? И дело вовсе не в ревности, а в моей безопасности?

— Хорошо, — кивнула я. — Просто буду держаться подальше.

Оборотень улыбнулся. Какая резкая перемена. Но улыбка Лису идет куда больше, чем постная физиономия.

История о его непростом детстве, рассказанная Медведем, всплыла в моей памяти, и мне вдруг стало немного стыдно. Стыдно за то, что постоянно убегаю. Убегаю и до сих пор не постаралась разобраться в чувствах того, кто сидит передо мной.

Всё потому, что ты сложный, Лис. Ты вечно говоришь одно, а делаешь другое. Убеждаешь меня в одном, но думаешь совсем обратное. А когда ты пытаешься говорить мне правду, я задумываюсь, не лжешь ли ты опять. Хитер, как лис — это однозначно про тебя.

— Вот и славно, — похлопали меня по голове совсем уж отеческим жестом и снова завернулись в одеяло. — Поговорим утром. А сейчас... — зевок прервал его на полуслове. — А сейчас пора бы и спать. Я жут... жут... жутко устал.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ноч... ночи.

Поднявшись на чердак в свою милую комнатку, стянула с себя платье и обувь, улеглась в мягкую кровать, однако сон всё не шел ко мне. Шли ко мне самые разные мысли. Сначала о Лисе, потом о Волке, а затем фокус внимания переместился на то ужасное дерево в подлеске, прозванное Сердцем мира.

Это оно обратит меня неведомо в кого или во что? Есть ли у него глаза, как скрытые камеры, которые меня заметили? Стоит ли мне переживать из-за этого, и не ускорит ли наше «знакомство» мое обращение? Вопросов уйма, но вряд ли я когда-нибудь смогу найти на них ответы. А если найду, то не в ближайшее время. Но ожидание так убивает. Убивает почти в прямом смысле этого слова, ведь утратив человечность, я утрачу и свою разумную жизнь.

Бесконечное чистое небо над моей головой казалось настолько близким, что я утопала в его нежной лазури, стоило только запрокинуть голову. Ни облачка. Но опустив взгляд, я утопала уже не в лазури, а в девственной белизне десятка, сотни, тысяч ромашек. Аромат их успокаивал мою уставшую от испытаний душу, дарил возможность отрешиться от всех проблем хотя бы на время и просто побродить по уходившему вдаль ромашковому полю. Белые лепестки ласково скользили по моим обнаженным ногам, и я задрала подол до самых колен. Задрала его и побежала, звонко смеясь, приминая цветы босыми ногами и радуясь тому, что существую. Тому, что я здесь и сейчас. Счастливая, как никогда прежде.

Остановившись, с улыбкой я собрала себе целый букет маленьких цветочков. Они так легко отрывались от корешка что, казалось, сами ложатся мне в руку. Должно быть, ромашки эти какие-то волшебные, и аромат их зачаровывает каждую клеточку твоего тела.

— Эй, Лис! — крикнула я оборотню, разлегшемуся неподалеку в цветах и подложившему руки под голову.

Он лениво приоткрыл один глаз, улыбнулся мне и вновь принялся купаться в солнечных лучах. Его рыжая шерсть создавала яркий контраст с белым морем, которому не было ни конца, ни края. Может, потому я оборотня и заметила?

Побежала дальше, одной рукой подобрав подол, а другой прижимая к сердцу очаровательный букет.

А вот и ушки заячьи промелькнули. Боковым зрением заметила и повернула голову на бегу. Да, так и есть. Развив невероятную для человека скорость, Заяц нагнал меня, подмигнул и, не успела я опомниться, обогнал, почти пролетая над белоснежными лепестками.

Но Лис с Зайцем были не единственными, кого я встретила в столь странном, но прекрасном месте. Волк с Медведем так же попали в поле моего зрения. Сидя на корточках, они оба собирали цветы, о чем-то тихо беседуя между собой и смеясь. Должно быть, они наконец-то ладили друг с другом. Это всё ромашки — я знаю! Всё потому, что они волшебные.

Обежала мужчин, кружась, смеясь и пританцовывая. Они ответили мне улыбками, а я побежала дальше.

Интересно, закончится ли это ромашковое поле когда-нибудь? Возможно ли, что оно не закончится никогда? Было бы так здорово. Ни голод, ни жажда не донимали меня. Мне было

так хорошо, так спокойно, что щебетавшие в воздухе птицы вторили моему счастью.

А потом я резко остановилась. Сделала пару неуверенных шагов назад и замерла от едва сдерживаемого ужаса.

Сердце мира выросло передо мной прямо из-под земли. Только что вокруг меня белело бесконечное поле, но через несколько мгновений я оказалась совершенно в другом месте. В том самом подлеске, одно присутствие в котором нагнетало страх, боль и отчаяние. Ромашки остались лишь в букете, который я трепетно прижала к груди.

Но в этот раз могучее дерево уже не было таким спокойным, как прежде. Не шелестели мягко листья его кроны. Гибкие ветви, как змеи, извивались в воздухе, сбрасывая листву, нагоняя ветер и пронзительно скрипя.

— Не трожь... — прошептала я, сделав еще один шаг назад и сжав стебельки ромашек так, что побелели костяшки пальцев.

А извивающиеся ветви, описав широкие кривые дуги вокруг пульсирующего ствола, направились... прямо ко мне! Их невероятная скорость не дала мне возможности ни убежать, ни спрятаться. Одна из самых проворных и быстрых обвилась вокруг моей лодыжки, заставив потерять равновесие. Букетик выпал из моих рук. Нежные лепестки коснулись земли, а меня саму потащили к чудовищному растению. Пальцы отчаянно цеплялись за землю, траву, вырывая ее, но сражение против пожирателя мне не суждено было выиграть.

Миниатюрная женская фигурка промелькнула у самого ствола. Белые волосы, серое платье.

— Прах! — закричала я, из последних сил пытаюсь выбраться из ловушки. — Прах!

— Давай мне руку! — возникла девушка прямо напротив меня, и я ухватилась за нее, как утопающий за соломинку.

Но всё было тщетно. Рука ее рассыпалась, а в ладони моей остался лишь пепел.

Огромная клыкастая пасть у основания корней распахнулась и Сердце поглотило меня, охрипшую от крика, но борющуюся до конца. Непроглядная тьма застелила мои глаза, а внутри стало так пусто, будто меня никогда не существовало прежде.

Резко выдохнула, распахнула глаза и оторвала голову от подушки. Во рту пересохло, в горле першило, а тонкие влажные дорожки слез текли по щекам. Осмотрелась, с ужасом глядя в полумрак комнаты.

Сон? Всего лишь сон? Я же знала, что после увиденного меня обязательно начнут мучить кошмары. Ничего необычного. Совсем ничего. Просто лягу снова и усну. Лягу и усну...

Однако, замерев, продолжала смотреть в потолок широко распахнутыми глазами и старалась успокоить бешено колотившееся сердце. С такой силой оно колотилось о ребра, что еще чуть-чуть и выскочит из груди.

Проснувшись на утро, я чувствовала себя на удивление уставшей. Будто марафон пробежала. Спящая. Ужасно ломило кости. Голова раскалывалась, а еще почему-то ужасно чесалась. Блох он тут развел, что ли, пакостник рыжий? Ну нет, никаких блох в моей комнате!

Резко разлепила глаза, оторвала голову от подушки и потрянула волосами. Запустила пятерню в темно-русые пряди.

— Ч-что? — вслух задала я вопрос, приблизив к глазам пожелтевшие кончики пальцев. — Это еще что за хрень?

Какой-то желтый порошок виднелся не только на пальцах. На подушке, одеяле. Немного даже на пол просыпалось. Как будто ночью мою голову окунули в мешок с кукурузной мукой, да там и оставили до самого утра.

Принюхалась. Запах чем-то напоминает яблочный. Смесь яблока и лекарства, что-то в этом роде. Чай из ромашки пахнет так же. Чай... из ромашки.

В мгновение осознания вскочила с кровати, склонила голову и принялась стряхивать пыльцу, припорошившую мои волосы. Сонное состояние как ветром сдуло.

По итогу, минут через пять, пол под моими ногами был усыпан желтым ароматным порошком.

Нет, сомнений быть не могло. Стойкий и терпкий запах ромашки ощущался теперь так же отчетливо, как и в моем кошмаре. Вернее, в том сне, который предшествовал кошмарному. Но одно дело — весело бежать по ромашковому полю и наслаждаться счастливым моментом, а совсем другое — соскребать с волос противную пыльцу и стараться не думать о том, по какой причине моя голова на утро оказалась в таком состоянии.

Причина настойчиво лезла в мои мысли, надеясь достучаться до здравого смысла, но я отмахивалась от нее, как от назойливого комара. Нет, нет, понятия не имею, откуда взялась эта пыльца и, честно говоря, знать не хочу. Обращение? Что за бред? Рано еще, рано!

Словно во сне, медленно подошла к зеркалу. В отражении на меня смотрела побледневшая и едва стоящая на ногах я. Кажется, мне удалось стряхнуть с себя большую часть пыльцы и волосы теперь выглядели более-менее сносно, но корни всё еще оставляли желать лучшего. С мылом хозяйственным придется тереть и совсем не важно, если кончики начнут сечься.

Опомнилась только тогда, когда сгрызла под корень почти все ногти на правой руке.

Нужно уходить отсюда. Немедленно уходить. Будет очень кстати, если Лис снова отправился на охоту с утра пораньше и не увидит меня... такой. Странности в этом лесу можно встретить на каждом шагу, но такие волосы явно вызовут неудобные вопросы. А я не хочу, не хочу, чтобы у него возникла хотя бы одна мысль о моем обращении. Лис ведь... расстроится, да? А улыбку на его лице видеть всяко приятнее, чем серьезность и озабоченность.

Решено. К Праху немедленно. Пусть она успокоит меня и скажет, что ничего страшного не произошло. Лунатила ночью и действительно забредала на ромашковое поле, где прогулялась по нему... головой. Довольно здравое объяснение, пусть и на голове я ходить не умею.

Да о чем я вообще думаю?!

Обулась, еще раз тряхнула головой, чтобы увидеть летящие по воздуху частички золотистой пыльцы, и открыла чердачную дверцу.

Сегодня не повезло вдвойне. Лис хозяйничал внизу и, судя по всему, уходить никуда не собирался. Плохо дело. Дверцу я захлопнула и принялась наворачивать круги по комнате, углубившись в раздумья.

Окно. Оставалось только окно, но каким образом я могу спрыгнуть с такой высоты и ничего не сломать? Вопрос на миллион. Да и что подумает Лис, если я покину нору, не предупредив его, к тому же не через главный вход? Так я его еще сильнее напугать могу, а он мальчишка ранимый. Того и гляди, к Волку опять соберется и парочкой царапин на морде не отделается.

— Заяц! — на всякий случай окликнула я знакомого, наполовину высунувшись из окошка. — Заяц!

Тишина в ответ. На этот раз Зайца поблизости не оказалось, и выпутываться из сложившейся ситуации мне предстоит самостоятельно. Но как? Как?

Только с использованием специальных женских штучек, к которым любой мужчина относится с величайшим снисхождением. Даже если в лесу прожил всю жизнь. Сработает ли? Сейчас и узнаем.

Приоткрыла дверцу.

— Лис... — позвала и замерла. В висках жутко пульсировало, но попыталась не обращать на это внимание. Операция требовала максимальной концентрации.

— Да? — обернулся ко мне оборотень, сидя за столом.

На столе — две тарелки с жаренной дичью. Нет, кажется, сегодня от завтра я откажусь. Ни куска в горло не пролезет.

— Ты не мог бы отвернуться?

— Зачем? — задали мне вполне логичный вопрос.

— Да что-то сегодня совсем неважно после сна выгляжу... Хочу себя в порядок привести в баньке. Капец, какое лицо опухшее. У-у-у, — для пушей уверенности жалобно взвыла я, и... план все-таки сработал.

— Женщины... — раздраженно протянул Лис и цокнул языком. — Иди давай. Не подглядываю.

Быстренько спустилась по деревянной лесенке, убедилась, что морду оборотень отвернул и вышла. Захлопнула за собой входную дверь и медленно скатилась по ней вниз, вцепившись пальцами в волосы.

Пронесло. Не заметил. Теперь можно и к Праху. Там же голову промыть, как следует, и поговорить о произошедших изменениях, вот только... карту я оставила в норе. Оставалось уповать на то, что путь вспомню по памяти.

По пути туда, не знаю куда, я вовсе не думала прийти к цели. Мысли мои витали где-то далеко, не здесь. Периодически брала в руки припорошенную пылью прядь, теребила ее двумя пальцами и отпускала. Затем то же самое делала с другой прядью, и со следующей. Я просто шла. Сначала по главной тропинке, после — свернула на тропинку поуже.

Мог ли кошмар, приснившийся мне ночью, быть вещим? Снится ли подобное всем, кто начинает свое обращение? А что снилось Лису? Другие лисы? А волку — волчья стая? Возможно, без сна-предыстории я долго гадала бы, откуда взяться пыльце с сильным запахом ромашки на моих волосах. Но ведь я до сих пор гадаю, и у меня нет никакого желания смотреть жестокой правде в лицо.

Ноги сами вели меня. Я не знала куда, но упорно петляла по узкой тропке, будучи уже далеко от тропинки главной. Вроде бы, не дремучая чаща, но на карте эти места отмечены не были.

Остановилась. Остановилась, прислушалась и поняла, что всё это время двигалась в направлении тихого шепота. Неразборчивого, но раздававшегося и в пространстве, и в моей голове одновременно. Отдававшегося эхом в сознании и зовущего меня продолжать путь.

И я продолжила. Шепот усиливался по мере приближения к источнику, но шаг я не прибавляла. Слишком страшно, слишком ненормально... тревожно. Ноги заплетались, спотыкались о выступавшие коряги. Длинный белый подол цеплялся за ветви, но я аккуратно освобождала его из плена и следовала дальше за шепотом, который, хоть и становился громче, но оставался таким же неразборчивым.

Не один голос звал меня. Целая толпа, состоявшая из сотни, тысяч. Различный тембр, тональность. Мужчины, женщины, дети, старики.

Кому принадлежал шепот, я поняла сразу, как только вышла на большое ромашковое поле. Белое море раскинулось передо мной. Прекрасное, благоухающее и... шепчущее.

А в самом центре этого поля, в позе лотоса и закрыв глаза, сидел Заяц. Длинное левое ушко подрагивало, лицо — умиротворенное и с легкой улыбкой на губах.

— Заяц... — тихо позвала я, и оборотень приоткрыл один глаз. — Заяц... — повторила, а в уголках глаз уже начали скапливаться слезы.

Парень вопросительно склонил голову набок, ушки смешно наклонились в ту же сторону, но мне вовсе не было смешно. Мне было жутко до дрожавших рук, холодно до мелких мурашек по коже и отвратительно до тошноты.

Я не могла не прийти сюда. Просто не могла. И вот я здесь, несчастная и проклятая. Где же твоя смелость? Что от нее осталось? Ничего?

Ноги все-таки не выдержали тяжести осознанного, и я упала на коленки. Слезы градом посыпались из глаз, но останавливать их не пыталась. Не получится.

Почему я? Почему так быстро? Почему в ромашку? В долбанную ромашку, мать его, почему?! Даже если бы я начала обращаться в зверя, мне было бы не так больно принять этот факт, но в цветок! На стебельке, с лепестками, никчемный!

Заяц продолжал сидеть на своем месте, однако, несколько изменившись в лице. Уголки его губ опустились, брови печально сдвинулись. Догадался о причине моего появления здесь и происходившей истерике?

— Ромашка, — произнес оборотень и я, всхлипнув, задержала не нем взгляд. — Иди сюда, Ромашка.

С запозданием я поняла, что с сегодняшнего утра у меня появилось собственное прозвище. Но лучше бы я оставалась безымянная. Ей-богу, лучше бы безымянная...

Было очень непросто, но на ватные ноги я поднялась. Весь окружавший меня мир заволкло пеленой, потому что слезы продолжали катиться по щекам. По слезинке, одна за другой. Сделала шаг, сделала второй. Как и в подлесе, делала над собой невероятное усилие просто для того, чтобы ходить. А погружаться в пучину мертвого белого моря мне не хотелось еще сильнее, чем приближаться к Сердцу.

Но здесь был Заяц, который одним своим присутствием создавал особую атмосферу безопасности и какого-то... душевного спокойствия. Пусть владелец длинных ушей и был готов припустить при всяком приближении хищника, но не сдававшийся и продолжавший бороться даже при такой непростой жизни.

Когда я сократила расстояние между нами и устало плюхнулась рядом с оборотнем, поджав под себя ноги и стараясь сильно не приминать белые лепестки, Заяц неожиданно положил голову мне на колени. Обнял мои ноги руками и глубоко вздохнул.

А шепот не прекращался. Почему-то мне казалось, что сейчас ромашки шепчутся обо мне, но разобрать что-либо все равно не могла.

— Заяц, — осмелилась я нарушить наше молчание. — Я ведь обращаюсь, да?

— Если у тебя нет смысла жить, — теплое дыхание обожгло мою кожу. Он почти касался моих коленей губами, — не всё ли равно?

Смысла жить? А в чем же смысл моей жизни?

Прилетевший от самого Сердца ветерок принялся играть с прядями моих волос. Горьковато-сладкий запах смешался с ароматом тысяч ромашек. Запах моего проклятья окружал меня.

Глава 10. Ночь с привкусом волшебства

Указания Праха я слушала вполуха, потому что разум мой до сих пор находился в очень странном состоянии. Состоянии крайней растерянности, отрешенности и фрустрации. И не столько от осознания того, что проклятье мира-пожирателя пришло по мою душу. Скорее из-за слов, сказанных мне Зайцем.

Смысл жизни. Был ли он у меня? Выросла, окончила институт, устроилась на работу. Китайца подержанного купила. Работала всего лишь мелким журналистом и вела всего одну колонку в непопулярном журнале. Если задуматься, то если бы я так горячо желала подняться по карьерной лестнице, то уже давно уволилась бы или настойчиво потребовала бы повышения с угрозой увольнения. Но нет, я просиживала в небольшом офисе редакции «Терра инкогнита» за рабочим столом день изо дня, особо не запариваясь на этот счет. Стоило только задуматься о будущем, и оно представало передо мной размытым пятном, в котором невозможно было ухватиться ни за одно очертание, ни за один силуэт. Я существовала, а не жила и, пожалуй, в жизни моей, действительно, не было смысла.

Как же я буду бороться? Как скоро я обращусь окончательно при таком раскладе?

— Ромашка, ты слушаешь меня? — присела Прах передо мной на корточки, тщательно вглядываясь в мое лицо и стараясь разглядеть хотя бы толику понимания в нем. Тщетно. — Это очень важно. Ты должна внимательно меня слушать, поняла?

Кивнула, устремив взгляд в невидимую точку перед собой.

— Как можно меньше времени проводи на солнце, — четко произнесла девушка, выпрямившись. — И ешь. Ешь побольше, сколько влезет. Мясо, овощи, траву — что угодно, но ты должна есть.

— Ага, — снова тупо кивнула я.

— Пыльца будет образовываться каждую ночь, поэтому с утра первым делом иди мыть голову. Чем ее меньше, тем лучше. Оттягивай обращение. Поняла?

— Ага. — Как болванчик, ей-богу. Или собачка, которая обычно стоит на приборной панели и головой кивает в такт неровностям дороги.

— Я расскажу ей всё еще раз, — подал голос Заяц, сидевший на печке и наблюдавший за лекцией с высоты. — Чуть позже. Когда в себя придет.

— Хорошо, — вздохнув, уселась Прах за стол и подперла щеку маленьким кулачком. — Сейчас это занятие бесполезное.

— Ага, — подхватила я и вновь кивнула.

А Лису я что скажу? Что начала обращаться? Как он отреагирует на такие новости? Он меньше всего задумывался о проклятии, когда тащил меня сюда, закинув на плечо. Сам ведь признавался. И ладно, если бы я начала обращаться в... лисичку там какую-нибудь. Даже в волчицу ничего. Стерпелось бы и слюбилось, никаких проблем. Но в цветок! Вдруг, у него аллергия на пыльцу? О чем я опять думаю?!

— Может, Лиса позвать? — предложил Заяц, качнув ушами. — Расскажем обо всем и ему, если она умолчала.

— Нет! — наконец, опомнилась я и замахала руками. Прах удивленно вскинула брови. — Не надо его звать. Не надо. Пожалуйста.

— Боишься, что сделаешь ему больно? — догадалась беловласка. — Он сам должен всё понимать, если привел тебя сюда по своей воле. Нет тех, кто избежал бы участи быть обращенным. Или обращающимся.

— Сам догадается, когда я начну выглядеть совсем не так, как... не так, как я.

А как я буду выглядеть? У тех, кто в зверей обращается, хвост отрастает, уши, когти и всякие прочие, подходящие им, атрибуты. Ну а я? Сначала пыльца, потом лепестки, позеленею, как Шрэк, и всё? Цветик-белоцветик? Лети, лети, лепесток, через запад на восток?

— Будь по-твоему, — согласилась со мной хранительница. — Но Лис совсем не такой глупый,

каким может показаться. Думаю, догадается он обо всем куда раньше, чем...

— Не важно, — мотнула головой. — Не важно. Мне бы только голову с утра прикрыть, пока воду грею и до бани иду. Не увидит пыльцу — и вопросов не возникнет.

— Предоставь это мне, — расплылся Заяц в улыбке. — К вечеру жди презент.

С этими словами парень ловко спрыгнул с печки, махнул нам рукой и был таков. Мы проводили его удивленными взглядами, а после, когда мы с Прахом наконец-то остались наедине, я могла задать ей один из тех вопросов, которые надумало мое больное сознание.

— Почему ты помогаешь мне?

— Почему? — кокетливо хлопая ресницами, переспросила она.

— Почему ты помогаешь мне, если меня сюда привел Лис? — подвела я ее к нужной мысли. — Лис, который тебе нравится.

Я рассчитывала на то, что девушка тут же начнет мило отпираться и скажет, что ничего подобного она не чувствует и с чего я вообще взяла такие душетрепещущие сведения, но она молча опустила глаза.

— Поэтому он к тебе не заглядывает? — продолжала я. Прах сморщила носик. — Ты ему призналась, а он отверг. И теперь ему стыдно. Просто я была когда-то в такой же ситуации. И даже не один раз, поэтому и решила... уточнить.

— Да, наверное, так, — грустно улыбнулась беловласка, не поднимая глаз. — Я воспитывала их всех, как собственных детей, но... к одному из них оказалась более снисходительна. И даже больше.

Мысли о лесных интригах хотя бы на некоторое время заняли собой тот внушительный пласт сознания, который отобрало проклятье. Но ни одно, ни другое, разумеется, не было мыслями светлыми. А одно противное чувство, до боли противное, закралось в душу. Ревность?

Вот еще что! Думать надо о том, как найти долбаную сумку, узнать имена и свалить из этого места. И никакие лесные интрижки не помешают мне свернуть с этого пути.

Лис, наглая ты рыжая лисья морда без стыда и без совести, а тебя, оказывается... любят.

Весь оставшийся день я бродила по лесу в поисках пресловутой сумки. Под каждый куст заглядывала, в каждое бревно и дупло. Меня вовсе не волновало, что передвигаюсь я без карты, но поиски всё равно были тщетными. Скорее всего, и на той самой тропе, по которой притащил меня Лис, я изучила всё вдоль и поперек. Ни одного намека. Да хоть бы помада где-нибудь брошена была и — находка, знак. Но ни сумки, ни помады, ни листков с именами. Ничего.

Кажется, Прах оказалась права. Мир запрятал мою сумку так далеко и глубоко, что ее ни в жизнь не отыскать. Ни в эту, ни в следующую. Однако надежду терять не стоит. Надежда — это всё, что пока что удерживало меня от полного обращения, если верить словам Медведя. А если верить словам Зайца, то обращаться я буду стремительно и с этим уже ничего не поделаться.

В нору я вернулась уставшая, измотанная до невозможности и морально, и физически. На нападки Лиса отреагировала безэмоционально. Просто прошла на чердак, забралась с ногами на кровать и уткнулась в коленки.

Конец ли это? Совсем не так я представляла свою дальнейшую жизнь. Да я ее вообще никак не представляла, а теперь появилась хоть какая-то определенность. Цветочек на тонком стебельке и на ромашковом поле. Кому бы поведала о таком — в дурдом засадили бы моментом.

Не знаю, сколько времени я провела в таком положении, но когда моих ушей достиг глухой стук, за окном уже начало смеркаться. Еще один стук.

Подняла голову и поняла, что в чердачное окошко один за другим летят камушки.

Что за непрошенный гость на ночь глядя? Или как раз-таки прощенный... Точно! Заяц ведь обещал заскочить и принести мне средство от всех проблем. Ну, может, не от всех... но от проблем с пыльцой точно.

Быстро слезла с кровати, забралась на стол, отпихнув вазу с увядающими цветами в сторону, и распахнула створки.

Да, так и есть. Стоит внизу, улыбается, ушками потряхивает. Милота да и только.

— Лови, Ромашка! — весело крикнул оборотень и подбросил в воздух... что-то. Что-то, что я умудрилась словить, не выпав при этом из окна.

Шляпка. Соломенная шляпка, аккуратно сплетенная и даже с белой ленточкой под цвет моего платья. Покрутила новый предмет лесного гардероба в руках, провела пальцами по тщательно переплетенному узору соломинок. Надела.

— Я сам сплел! — подсказал парень, и губы его расплылись в широкой улыбке. Такой детской и очаровательной, что я умилилась еще раз. Всю жизнь готова была на него умиляться, честное слово.

— Спасибо! — рассмеялась я в ответ.

А оборотень сложил ручки за спиной и застенчиво ножкой покрутил. Ох, мой мимиметр уже зашкаливает!

Но только я хотела сказать ему что-то еще, Заяц юркнул в кусты.

Удрал. Лиса почуял, что ли? Но Лис и так в норе, на первом этаже сидит и дуется на меня. Наверное. А, может, и на охоту ушел. Ай, не важно. Главное, что у меня теперь есть, чем пыльцу с утра скрыть. Рано или поздно, конечно, всё равно узнает, а пока стоит поберечь ранимое сердечко. Кто сказал, что оборотень не может быть ранимым? Очень даже может.

— Ромашка? — раздался отстраненный голос за моей спиной.

Резко обернулась, чтобы наткнуться на растерянный взгляд Лиса, чья мордочка выглядывала из щелочки приоткрытой чердачной двери, и весь мой триумф смыло... куда-то.

Что это еще за рояль в кустах? Внизу тебе не сиделось, прохвост? Ах, да как же так? Вся операция ради тебя была, а ты...

— Ты начала обращаться? — интонация всё такая же и название ей — предистеричная. — Да?

Я молчала. Только шляпку соломенную с головы сняла и прижала к груди. Словно щитом прикрылась, чтобы оборотень не поколебал струны моей души. Но, кажется, там уже что-то поколебалось. Одного взгляда на его лицо было достаточно.

— Сегодня утром, — ответила я.

Нет, ну а смысл теперь врать? Любопытный лисий нос везде сунется и разведает, что да как. Надо будет попросить Медведя замок на дверцу поставить. Навесной такой, амбарный, чтобы уж наверняка.

— А я должен был узнать об этом последний? — продолжал наседать Лис, и я опять не знала, что сказать. Но всё-таки сказала.

— Да.

— Понятно.

Дверца захлопнулась.

Уже несколько минут как захлопнулась, а я всё еще сидела на столе перед открытым окном, вдыхая горьковато-сладкий аромат этого мира и понимая, что отношения с мужчинами у меня ни в одном из миров не складываются, вероятно, по причине меня. Всегда думаю, что умнее. Что мыслю на десять шагов вперед, верчу всем и вся, и на всём и везде. Ага, фигушки там.

Нет, в измене всё равно был виноват Антон.

Ну а я пойду вырывать свой личный сорт оборотня, пока не поздно.

Подарок Зайца оставила лежать на кровати, а сама поспешила спуститься вниз. Вот что в местных мужчинах меня несказанно радовало, так это то, что с горя в бар не пойдут напиваться. Хотя бы по причине его отсутствия.

— Послушай, — Лис возник прямо передо мной, да так неожиданно, что я аж ойкнула. Только с лестницы успела спуститься, задом к комнате. Подкрался, рыжий. — Я уже давно хотел сводить тебя в кое-какое место.

О, а насчет отсутствия баров я зря подумала. Может, и притаился где-нибудь «В гостях у сказки» или что-нибудь в этом роде.

— В какое место? — с опаской осведомилась я, но на всякий случай уточнила: — Я убежденный трезвенник.

— Тебе понравится. — Печаль, что заволакивала его глаза прежде, исчезла без следа. Напротив — озорной огонек зажегся в изумрудах, и я очень удивилась подобной перемене. — Думаю, теперь самое время. Когда... когда проклятье и тебя затронуло.

Ну, хоть кто-то из нас не теряет силы духа. Не знаю, через какое время на мне можно будет гадать, безжалостно отрывая лепестки, однако надежды, что теплилась в сердце Лиса, вполне могло хватить на нас обоих.

— И ты на меня больше не обижаешься? — спросила я, заглянув в блестящие глаза, и мужчина тут же покачал головой.

— Нет. Ты ведь не захотела меня расстраивать, верно?

Прах снова оказалась права. Этот оборотень не так прост, как кажется. И не так... недалёк, пусть поведение его большую часть времени напоминало поведение ребенка семилетнего возраста. Всё-таки Лис умеет быть разным и правильно выбирать момент, когда следует скорчить серьезную мину, а когда обидчиво поджать губу. Это мне в нем и нравилось.

Нет, нет, ничего мне в нем не нравится! Ни капли!

— Пойдем? Уже начинает темнеть, — протянул он мне руку, и я удивленно уставилась на нее. Брать, не брать? — Доберемся как раз вовремя.

Взяла. Я просто взяла его за руку. За крепкую теплую руку, которая сразу же сжала мою.

На столе одиноко стояла зажженная керосиновая лампа, которую Лис перед уходом потушил, и мы оба вышли из норы в объятья прохладного вечернего ветерка.

— Не холодно? — повернулся ко мне рыжий, и я мотнула головой.

Даже смутилась немного из-за внезапно свалившейся на мою голову заботы. Ладно Волк — у него что-то свое на уме в отношении меня. Заяц, вероятно, настолько одинок, что ему только в радость помогать мне. Медведь — самый старший и ответственный, потому забота его тоже вполне оправдана. Ну а Лис? Нет бы прямым текстом сказать, как ко мне относится. Только удивляет периодически и нервы мотает. В равных пропорциях.

Тем временем мы уже шли по тропинке. Сверчки в кустах стрекочут, кроны шуршат. Да, ночью в лесу никогда не бывает тихо. Так же, как и в деревне. Только в городе постоянно гудят автомобили, не останавливая свой нескончаемый поток ни на секунду. А здесь романтика.

Нет, никакой романтики, просто лес! Лес лесной!

— Ромашка... — как-то по-особенному нежно протянул мой спутник и задрал голову. Аж мурашки от его интонации побежали. — Очень тебе подходит.

— С чего ты взял? — Были бы у меня ушки звериные на голове, я бы их поджала.

— Кажется, что этот цветок очень простой и мало что из себя представляет. Но один его запах успокаивает, а отвар лечит. Не такой уж он бесполезный.

Это... типа комплимент, что ли? Фирменный комплимент от Лиса? Хотя... не так банально, как красивые глаза, в которых тонешь с головой, или дивная улыбка, которую хочется видеть каждое утро.

— Спасибо и на том, — усмехнулась я, а руку мою сжали крепче.

Интересно, куда мы идем? Сколько еще тайн скрывает этот лес? И мир? Наверное, если бы он не был пожирателем, здесь уже давно обосновались бы какие-нибудь существа и превратили

его в нечто такое, откуда я родом. Может, поэтому мир и сопротивляется? Мир, который защищает сам себя от цивилизации. Тогда его вполне можно понять, правда вот огромному дереву не докажешь, что ты безопасен. Отсюда можно только сбежать. Попытаться.

А пока я не могу этого сделать, остается только ждать. Ждать, надеяться и наслаждаться тем хорошим, что здесь еще осталось.

Лис улыбнулся мне, а я улыбнулась ему в ответ.

— Еще немного и будем на месте, — заверил он. — Смотри не кинься в мои объятия сразу, хотя... можешь не сдерживаться. Я разрешаю.

— Хм, вот еще... — буркнула, но сказанное заинтересовало меня еще сильнее.

Куда же мы идем? От Сердца мы далеко, да и не сказала бы, что вид пульсирующего дерева так прекрасен. Скорее ужасен. Честно говоря... я вообще не помнила, чтобы проходила по этой тропинке. Неужели, в окрестностях остались места, в которых я сумку не искала?

— А теперь... — оборотень остановился напротив высоких кустов, отпустил мою руку и ухмыльнулся, — ...надеюсь, ты поймешь, что в этом мире есть и светлая сторона.

С этими словами он раздвинул тонкие ветви.

— Какая... какая... красота, — только и смогла прошептать я, глядя на то, что, действительно, можно было назвать чудом из чудес.

Сотни разноцветных светящихся бабочек кружили над небольшой полянкой. Мало того, что ночью бабочки, по своему обыкновению, спят, так еще и сияние их крыльев было настолько ярким, будто их окунули во флуоресцентную краску.

— Ну что, нравится? — продолжал ухмыляться Лис, придерживая ветви рукой и глядя на меня с хитрым прищуром.

— Очень... очень нравится, — кивнула я, как замороженная, наблюдая за танцем необычных насекомых. — Если бы я только фотографию могла сделать. Хотя бы одну. Цены бы ей не было...

— Учись наслаждаться настоящим моментом, — укорил мужчину.

Его рука вновь коснулась моей.

Так-так-так... Романтическая атмосфера подъехала. Не нравится мне это. Бабочки, конечно, замечательные и местечко тоже ничего такое, но пора бы уже и честь знать. Спросит меня Татьяна Кузьминишна: «Чем же ты там в отпуске своем занималась? Что интересного расскажешь?» А я ей: «Да вот, ничего особенного. С оборотнями в деревне обжималась при свете луны. Тебе какой кофе? Латте или капучино?»

А Лис времени зря не терял. Уже губами ко мне тянулся, морда наглая. Девушки таких любят. Чтобы без спроса, чтобы вопреки здравому смыслу, на одних только эмоциях, где-нибудь в кустах. Однако со мной такой номер точно не пройдет. Знаю я вас, проходили уже.

— Не-а, — положила я палец на губы оборотня и мотнула головой.

А тот немного подвис. Замер, скосил глаза на мой палец, даже не моргая, тяжело задышал. Словно в этот момент все думательные процессы в его мозге активизировались, и мужчина углубился в себя.

Нет, одними светящимися бабочками меня не проймешь, прохвост. Этот отпуск должен будет рано или поздно подойти к концу. Я обязательно выберусь из ловушки, в которую ты меня затащил, уеду в город и поминай, как звали. Не скажу, что считаю себя чересчур корыстной, но мужчина, на котором я остановлю свой выбор, должен иметь за душой хоть что-то. Квартиру, хорошую работу — как минимум. Ну, и козлом не быть — само собой разумеющееся. Ты хоть и не козел, а лис, но все-таки...

— Да, — наконец, вышел оборотень из астрала, отодвинул мою руку в сторону и впился в губы так, что мысля оборвалась на полуслове.

Ты ведь животное! Откуда так умеешь?! Это уже не лизнуть. Это уже ого-го как! Э-э-э...

Руки его обхватили мое лицо и сжали так сильно, что щеки сплющились, а рот открывался сам собой. И зверек сумел этим воспользоваться, не отрываясь больше ни на секунду. Острыми клыками он задевал мои губы, но почему-то неприятными укусы не казались. А бабочки теперь порхали не только на полянке перед нами, но и в моем животе. Причем сколько их там было, судя по ощущениям, о-о-о... целый инсектарий!

Разве те чувства, которые ты вкладываешь в эти поцелуи, имеют хоть какое-то сходство с ненавистью? Да у меня ноги подкашиваются от твоей «ненависти» и твоего желания «сломать меня». Как говорится, сломай меня полностью.

Губы Лиса сместились ниже, скользнули по моему подбородку, затем по шее. Медленно-медленно, но жадно и требовательно они покрывали мою кожу поцелуями, а я шумно пропускала воздух сквозь стиснутые зубы и вздрагивала, когда клыки задевали особенно чувствительные места.

Ну нет же, нет. Квартира, хорошая работа, не быть козлом... Козел, работа, квартира... Работа, квартира, козел... а-а-а...

Оборотень провел кончиком языка от моего подбородка до самых ключиц, а у меня уже отключиц... отключицалась... отключилась способность трезво соображать. Я из последних сил старалась сохранить самообладание, но мозг отказывался сопротивляться. Сознанию, похоже, тоже нужен отпуск. И нормальный, а не вот это вот всё...

— Ту-ту-ту, — выдала я, когда мужчина уж слишком увлекся процессом, и его рука медленно, но верно поползла под подол платья.

Только тогда оборотень оторвался от меня, лицо его с полыхающими щеками нависло над моим, а от взгляда изумрудных глаз с поволокой у меня тут же в зобу дыханье сперло.

Офигеть... Это уже не тот Лис, который тряс передо мной своими рваными портками и орал. Это... очень странный Лис. Не вызывающий к себе ни чувство раздражения, ни жалости, ни вины. Лис, который хотел меня съесть, но...

— Чё-то в голову ударило, — весело попытался оправдаться он, тряхнул головой и похлопал себя по щекам. — Ух. Вот это ночка, да? Холодно стало. Пойдем?

Вот, уже лучше. Зверек возвращается в свое нормальное состояние...

— Ромашка? — обернулся он ко мне через несколько шагов.

А я продолжала стоять на месте, хлопая глазками, приоткрыв рот и пытаюсь вернуть себя в свое нормальное состояние. Но кожа помнила, а бабочки в животе еще не переварились.

Глава 11. Седьмой

Поиски сумки возобновились на следующий день, но успехов опять не принесли. Она, действительно, как сквозь землю провалилась. А ведь беленькая такая, блестящая, за версту должно быть видно в зеленых зарослях. Увы.

Снова я вернулась в нору ни с чем. Зато меня несказанно порадовал Лис словами о том, что сегодня суббота, а значит — банный день. Вернее, вечер, но тут уж без разницы. Лишь бы помыться, как следует, и снова почувствовать себя живой. По-настоящему живой, а не на мушке у мира-пожирателя. С полной головой душистой пыльцы трудно думать о чем-то другом, кроме проклятья, и тем более о каких-то земных благах.

Эх, банька! Никогда не думала, что буду столь сильно радоваться таким, казалось бы, обыденным вещам, как старая деревенская баня. Жаркая, аж дышать тяжело, но вкусно пахнущая деревом и мылом. И этот запах был куда приятнее того самого... горьковато-сладкого и пожирательского, который пронизывал уже каждую клеточку моего тела. Ай, красота!

Обтираясь жесткой мочалкой и напевая себе под нос одну из последних песен в моем плей-листе на смартфоне, который канул в Лету вместе с сумкой, я расслабилась настолько, что не ожидала подвоха ни с какой стороны. Ни с переды, ни с тылов. Однако зря.

Краем глаза заметила движение по ту сторону запотевшего окна, оборвала заводную песню на полуслове и резко повернула голову.

Лис, что ли, шалит, негодник такой? Тогда, когда приду, всыплю по первое число. Будет знать. Или?.. Нет, рыжий бы уже давно ретировался, знай, что я его засекала. Обещал же на пять метров не приближаться к бане, пока я наслаждаюсь долгожданными водными процедурами. А силуэт... а силуэт, кажется, до сих пор там.

Сдвинув брови и прищурившись, подошла к маленькому окошку. Подняла руку, провела по стеклу, и тут же с криком отпрянула назад.

Два больших глаза, фиолетовых таких, уставились на меня с той стороны. А я на них. Длинные белые ресницы плавно поднимались и опускались, но разглядеть что-то большее я не могла. Сколько ни концентрировала зрение, сколько ни щурилась... будто два глаза с ресницами и пустота! Но не могут же глаза сами по себе летать, верно?..

Знаете, а вот хрен его знает! В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Люди в животных и цветы превращаются, бабочки светятся, у деревьев система кровообращения сформирована... так почему летающие по воздуху глаза не имеют права на существование? Но интересный вопрос назревает: что им нужно от меня?! После такого зрелища рекламу линз по телевизору будешь в панике переключать.

На какую-то долю секунды мне показалось, что вокруг глаз наконец-то сформировалось лицо. Бледное, как полотно, узкое, с высоким лбом. И тут же исчезло. Всё исчезло. И глаза, и лицо.

Помылась я в баньке, однако. Может, от жары галлюны пошли? Но я ведь четко видела. Глаза журналиста врать не будут. Зоркая я, как орел. Хоть на мышей в ночи пикируй. Что-то здесь не так. Что-то здесь опять не так.

Бежать наутек я не стала. Не для того ждала субботы с сердечным трепетом. Домылась, всполоснулась, волосы обернула белой простышкой и вышла из бани, как Афродита из пены морской. Свежая, чистая, готовая покорять новые вершины, но...

— Эй? — задала я вопрос в пустоту, кутаясь в лисью шубу по самую шею и опасливо озираясь по сторонам. — Есть здесь кто-нибудь?

Ну конечно. Так мне и ответили. Благо еще, что не сожрут, и на том спасибо. А я потопала к норе, не теряя бдительности. Если что, Лис недалеко. Можно будет поорать что-то вроде: «На помощь!» или «СОС!». Хотя СОС он вряд ли поймет, а вот на просьбу о помощи однозначно реагирует.

— Что, не понравилось? — опустил ушки оборотень, как только я переступила порог. Скорее всего, видок у меня такой был, что сразу на вопросы наталкивал.

— Не особо нравится, когда подглядывают, — с вызовом ответила я и приготовилась к ответной реакции. Люблю же я в последнее время на провокацию разводить. Это у меня

профессиональный навык, ничего личного.

— Подглядывают? Кто? — вскочил мужчина из-за стола, но заметив мою ехидную улыбку, нахмурился. — Я сидел здесь. Как мы и договаривались.

— Тогда без понятия, — пожала плечами.

— Заяц?

— Да Заяц-то можно, — протянула я, на что Лис активно заиграл желваками. — Не, ну а что? Заяц-то мальчишка еще совсем. Ничего страшного, если на голую тётю посмотрит.

— Мы с ним, вообще-то одного возраста, — ловко взял меня мужчина на крючок. — Значит, мне тоже на тётю голую можно посмотреть?

Натянуто улыбнулась. Следить впредь нужно за своими словами, чтобы такой тупиковой ситуации больше не возникло. Эх ты, журналюга.

— Дело в том, что... — начала я, а Лис в ожидании начал подмахивать пальцем, мол давай, дерзай, объясняйся, почему Зайчику можно, а мне нет. — Ну... я Зайца воспринимаю, как ребенка. А тебя... а тебя, как мужчину. Поэтому так. Вот.

На некоторое время рыжий завис. Шестеренки в его голове крутились, активно анализируя произнесенное мной. А потом просиял и даже хвостом завилял, как собачка. Ласковое слово и... лису приятно. Так, вроде бы, в пословице говорится? А, нет. Кошке.

— Надо проверить, кто ж там поглядывал-то, — спохватился оборотень, сорвался с места и входная дверь за ним захлопнулась.

Минута, две, три... Я уж думала, что опять к волку пошел, но нет. Вернулся. Озадаченный, серьезный и что-то подсказывало мне, что поиски извращенца успехом не увенчались. В этом лесу вообще возможно кого-либо или что-либо отыскать?

— Запаха нет, — произнес, наконец, Лис, выдержав небольшую паузу. — Только твой.

Теперь, признаюсь, мне стало еще чуточку страшнее, чем раньше. Совсем малость. Капельку. Потому что фиалкового цвета глаза и длинные белые ресницы до сих пор стойко удерживались в моем сознании.

Разумеется, с утра я первым же делом отправилась к Праху. После того, как отмыла голову от материализовавшейся на коже пылицы и позавтракала. Ну и Лиса не забыла предупредить о том, куда моей душеньке угодно сегодня наведаться. Ясен пень, что к Праху он со мной не увяжется, и под предлогом своего визита к хранильнице я могла выбирать себе любую сторону света и чесать туда, пока ноги от усталости не подкосятся. Однако в этот день мне действительно нужно было узнать у беловласки, кто, простите, такой интересный караулил меня возле окна в баню накануне?

— Скажи... — начала я, взяв в руки чашечку с еловым напитком и уставившись в печальные серые глаза напротив. — Может ли в этом лесу находиться... седьмой?

— Седьмой? — вскинула брови красавица.

— Да. Седьмой обращающийся. Помимо меня, тебя и ребят.

Прах задумалась. Но ненадолго. Ее ответ, конечно же, окончательно привел меня в замешательство:

— Маловероятно. Иначе я бы знала о нем. Я часто патрулирую лес в поисках тех, у кого остались хоть какие-то частички разума. С тех пор, как люди из того мира перегородили забором подлесок с порталом, ни новых, ни заблудившихся старых я не видела. И спасибо им на этом. Но... разве, ты еще кого-то видела?

— Показалось, наверное. — Сделала глоток и глубоко вздохнула. — Точно показалось. В бане давно не парилась, вот и накрыло. Как мираж в пустыне.

«Как мираж в пустыне...», — всё еще думала я, сидя уже посреди ромашкового поля и рассуждая о том, через какое время в мире-пожирателе начинает конкретно ехать крыша. Может, этот противный воздух всему виной? Не зря у меня с первых же минут пребывания здесь сознание отключилось. Раньше подобного у меня не наблюдалось. Была здорова, как

бык. А тут вдруг раз! Как барышня кисейная в обморок грохнулась. Неспроста.

Принюхалась.

Да, даже аромат ромашек не способен перекрыть эту горьковато-сладкую вонь, исходящую от Сердца. Когда же я привыкну к столь противному запаху и привыкну ли вообще? Желательно вернуться отсюда прежде, чем это случится.

— Ветер, не дуй на меня, — обняла я ноги руками и уткнулась носом в коленки. — Ты меня бесишь.

— Видишь? — раздался рядом чей-то полусшепот, и я тут же подняла голову.

И обомлела. Потому что два фиалковых глаза находились прямо напротив моего лица. Только висели не в воздухе, а украшали длинное бледное лицо. То, самое, которое в банном оконце засветилось. Только теперь я могла разглядеть его лучше. Мужчина или женщина? Оно было настолько андрогинным, что трудно было разобрать, какому полу принадлежат тонкие черты. Длинные прозрачные волосы были едва заметны и колыхались в такт потокам легкого ветерка.

Нет, все-таки мужчина. Ярко выраженный кадык, худощавое тело, на котором мешком повисла белая рубаха. Белая рубаха почти до колен.

— Видишь? — повторил он мне в лицо, но тепла дыхания я не почувствовала. Как будто человека, склонившегося надо мной... не существовало вовсе. — Меня?

Кивнув и приоткрыв рот, не в силах вымолвить ни слова, я протянула руку к незнакомцу, но рука моя прошла сквозь него. Одернула ее. Протянула снова, но пальцы не касались бледного лица. Перед ними не возникало никакой преграды. П-п-призрак?

— Кто ты? — выдавила я из себя, лихорадочно скользя глазами по лицу незнакомца.

Но он молчал. А затем исчез. Растворился передо мной. Так же быстро, как и появился. Что это за чертовщина была, эй?

— Эй? — крикнула, озираясь по сторонам, однако незнакомца... в прямом смысле — след простыл. Если он еще мог оставлять следы за собой, в чем я сильно сомневалась.

И пусть мы не вели с ним светские разговоры, я была уверена, что он вполне себе разумное существо. Даже говорящее. Значит, еще один обращающийся, но который не показывается Праху на глаза? Почему? Что с ним не так?

Взглянула на свою руку, которая всего минуту назад прошла сквозь чье-то лицо и с таким же успехом вышла обратно.

Да всё с ним не так! Он же абсолютно прозрачный. Однако при этом ему довольно удобно подглядывать в банях за голыми девками. Например, за мной. О подобном обращении мечтала бы львиная доля извращенцев, но погоди-ка... Ты не животное, не растение, не камень...

— Кто ты? — вслух задала я вопрос, но ответа на него мне никто не дал. — Если ты найдешь мою сумку, — решила я попытать счастья еще раз, — то, пожалуйста, скажи мне, где она, договорились? Тогда я всех спасу. Обещаю.

Стою посреди ромашкового поля, прижав руки к груди, беседуя сама с собой и самой же себе давая обещания. «Вот чокнутая», — подумал бы кто-то. «Вот та самая коммуникабельность, о которой я писала в своем резюме», — думала тогда я.

— С кем это ты разговариваешь?

Вот уж чей голос я однозначно не рассчитывала услышать в настоящий момент, так это голос серого зубастого хищника. Это ромашковое поле. Что же ты здесь забыл?

— Не твое дело, — смело ответила я и вызывающе посмотрела на Волка, неспешно направляющегося ко мне пружинистой походкой.

Он безжалостно приминал белые цветы подошвами тяжелых шнурованных ботинок, и я сжала руки в кулаки. Пусть мы с Волком не виделись с тех пор, как я покинула его логово, но мои чувства к оборотню несколько не изменились, в лучшую сторону и подавно. Слова Медведя их даже укрепили, а плотоядная ухмылка и лукавый взгляд настойчиво сообщали о том, чтобы я покинула поле как можно скорее. Глупостью и трусостью я это не считала. Это инстинкт

самосохранения. Развитый слабее, чем у Зайца, но присутствующий у каждого разумного существа.

— Так и не заглянула ко мне, — ухмылка мужчины стала еще шире, а я непроизвольно сделала шаг назад. Сейчас на помощь Зайца рассчитывать не приходилось. — Все-таки боишься меня, верно? Или кто-то подлил масло в огонь? — Он задумался ненадолго, скосив взгляд в сторону, но затем опять перевел его на меня. — Лис?

— Мама просила меня не разговаривать с незнакомцами, — сделала выпад я, а оборотень в ответ тихо рассмеялся. Закусил губу острым клыком, а я лихорадочно принялась соображать, куда кинуться или броситься, чтобы достигнуть норы в кратчайшие сроки.

Перед сном я заучивала карту, чтобы больше не брать с собой ненужный балласт в корзинке и не выглядеть Красной Шапочкой, несущей дражайшей бабуле пирожки и кринку масла. Или что она там несла своей родственнице, в одиночестве проживающей в лесу? Глупая и нелогичная сказка.

— Разве, тебе есть, о чем поговорить с рыжей деревенщиной? — изящно выгнул бровь мужчина и слегка склонил голову на бок. Будто присматривается, в какую из ляжек удобнее вцепиться зубами. — Он ведь ничего не знает. Как вы проводите совместные вечера?

— Кажется, мы уже говорили об этом, — процедила сквозь зубы, взглядом удерживая Волка под постоянным прицелом. — Это наше личное дело, как мы их проводим. Может, и не за разговорами.

— Вот оно как... — протянул оборотень и причмокнул. — Можешь развлекаться со зверушкой, сколько душа просит, но если мы все-таки выберемся из этого места, то что же дальше? Так и будешь держать его при себе в качестве обузы? Работать за двоих, чтобы содержать нахлебника, который не умеет ни читать, ни считать? Его даже грузчиком работать не возьмут. Слишком наглый и не социализированный индивид. Не личность. Индивид. Дикарь из леса.

— А ты?!

Я уже начинала терять терпение. Понимаю, что у вас свои тёрки, межвидовая конкуренция и всё такое, но эти наезды на Лиса переходили уже всяческие границы мира животных. Какое тебе вообще дело до будущего? Уж кто здесь дикарь, так это ты!

— А я могу быть кем угодно, — ухмыльнулся Волк, качнув серым хвостом и поведя ушами. — Я прекрасно осведомлен о нашем мире, чтобы найти себе место под солнцем, выбравшись отсюда. Да и отец мой не последний человек в городе. Считай, и школьный аттестат, и диплом вышки — в кармане.

— Ну и подавись дипломами своими, — сказала, как плюнула я, на что в глазах хищника зажегся недобрый огонек. — Связи тоже не всё решают. Если Лис настолько хуже тебя, то почему ты так от зависти позеленел? Хоть всю библиотеку мировой классики перечитай — адекватным человеком это тебя не сделает.

— Посмотрим, насколько прав я окажусь, — прорычали мне в ответ и клацнули зубами.

Мгновение — и мужчина, стоящий передо мной и гордо задравший подбородок, прямо на моих глазах обратился в крупного черного волчищу. Еще некоторое время мы смотрели друг на друга. Сколько бы ни старалась успокоить быстро колотившееся сердце, ничего у меня не выходило. Я и собак-то дворовых боялась до уср... короче говоря, боялась очень. А тут существо, наполовину разумное, наполовину способное в любой момент глотку перегрызть.

Но оборотень покинул ромашковое поле. Засеменил к кустам на четырех лапах, перепрыгнул через высокую зеленую преграду и был таков.

Какой странный разговор. Настолько же странный, как и прежний. Уловить бы, насколько ближе ко мне становится угроза и научиться избегать опасных встреч. Просто сказать «Держись от него подальше», но что делать, если он сам не собирается держать со мной дистанцию? Удирать и звать на помощь? Но мне нужно заниматься поисками сумки, а значит, встречи наши неизбежны.

Наверное, без помощи Лиса или Медведя мне больше не обойтись. Отразить следующую атаку с сопровождающим будет куда проще, чем в одиночку. И угораздило меня в ромашку начать обращаться, а не в вепра какого-нибудь. Так и насадила бы на клык. Ох, как насадила бы!..

А пока тщеславное чудовище не вернулось и не закончило начатое, я поспешила и сама убраться подальше. Надеялась только, что волчий душок на себе не принесу, иначе мой ревнивый сожитель может снова случайно поцарапаться об чью-нибудь дверь, но уже посильнее. Потому что я чувствовала, что в этот раз Волк куда более агрессивный, чем в нашу предыдущую встречу. Всё потому, что подстраиваться и под него тоже я больше не собираюсь. Заяц с Медведем — другое дело. С ними приятно находиться рядом, и никакой угрозы они не излучают. Да и Лиса не пытаются затравить.

Кстати, над словами Волка в его адрес я еще подумаю. Подумаю и обязательно научу рыжего нахала всему, что может пригодиться ему по возвращению в цивилизацию. Зачем? Этому я пока не знала, но точно не из жалости или не из-за того, чтобы досадить серому.

Глава 12. Ночная свита

В нору я вернулась, с порога провозгласив о том, что с завтрашнего дня мы приступаем к кропотливому обучению чтению. Челюсть Лиса упала до самого пола, но что поделать. Слова Волка вынудили меня принять все меры для социализации рыжего сожителя. Не ровен час, вернемся в цивилизацию к людям вполне обыкновенным и не зачарованным. А их совсем не будет волновать тот факт, что Лис пропал в другом мире еще будучи мальчишкой и именно поэтому у него нет даже аттестата о среднем школьном образовании. Вряд ли его родители такие же влиятельные, как у Волка, и есть ли они вообще? Потому мамулей придется стать мне.

Нехотя поужинала и поднялась наверх. Составлять план занятий на завтра. В первую очередь проверим, какие навыки у него имеются на данный момент. Нелестное послание к банке тушенки он накарябать сумел, но, возможно, это все слова, которые оборотень знает.

Потом можно будет снова отправиться на поиски сумки. И на этот раз обязательно позвать Лиса с собой. Против не будет, если по маршруту придется обогнуть дом Праха. Может, узнаю что-нибудь новенькое об этом прохвосте. О его бабушке, проживающей в Станино, в том числе.

А вдруг... вдруг, ему некуда возвращаться?

Отвлеклась от мыслей о занятиях, легла на подушку и подложила под нее руки.

Прошло целых двадцать два года. Стоит ли уповать на то, что у моих лесных приятелей до сих все дома? В прямом смысле. Не позабыла ли про них родня? И каким образом они отыщут своих, если их не окажется в деревне? Не пришлось бы им устраивать свои жизни в одиночку...

Сон долго не приходил ко мне по причине терзающих неприятных мыслей. Выживать в зачарованном и проклятом лесу — сложно, без сомнения. Но выживать среди людей тем, кто не контактировал с ними многие годы — куда сложнее. Особенно, если у тебя нет дома. И семьи.

Лис, с твоей бабушкой ведь всё хорошо, верно? Вернешься, будешь дрова колоть ей на зиму, курятник чинить, к соседке за банкой парного молока ходить, если коровы своей нет. А я уеду в город и заживу так же, как жила прежде. Может, даже к концу отпуска вернусь. И как будто бы ничего не происходило. Как будто бы ничего не было. Как будто я просто съездила в деревню к тете, чтобы отдохнуть и набраться сил перед написанием новых дурацких статей. Я просто оставляю тебя одного, и каждый из нас пойдет дальше своей дорогой, вот и всё. Вот и всё...

Разбудил меня лютый сквозняк среди ночи. Такой, словно я окошко перед сном нараспашку открыла. Сначала забралась под одеяло с головой, но когда свежего воздуха стало не хватать, вынырнула, распахнула глаза. И чуть не вскрикнула от ужаса.

На моей кровати кто-то сидел...

Присмотрелась. Не просто кто-то, а мой недавний знакомый. Вернее, недавний незнакомый — так будет правильнее, ведь я даже прозвища его не знала. Да и кто он такой, собственно. Сидит на краешке кровати в своей длинной белой рубахе. Гладкие прозрачные волосы, до самых лопаток, колышутся от легкого ветерка. Печальный взгляд, почти такой же, как у Праха, направлен на меня. Ох уж эти фиалковые глаза и белые ресницы... Сказочный принц из древних сказок — вот, кого мне напоминало это существо. Такого, который, лежа в стеклянном гробу, ожидает поцелуя прекрасной принцессы. Только сказка наоборот получается. Это принц, обычно, дев целует. Но не в этом случае.

А откуда в комнате ветер, если окно закрыто? Хотя и чердак, но прежде столь сильного сквозняка не наблюдалось.

— Я нашел твою вещь, — отстраненно произнес незнакомец, не отрывая от меня взгляда и едва шевеля бледными губами.

— Что? — Сон как рукой сняло. — Какую вещь? С-с-сумку? — с надеждой спросила я, заикаясь от удивления.

Мужчина коротко кивнул.

— Беленькую такую? — решила уточнить я, повысив голос. — Небольшую, беленькую? Дамскую, с ремешками?

Еще один кивок.

— Где?! Где?!

Я вскочила, чуть не споткнувшись об одеяло, выбираясь из кровати. И меня совсем не волновал тот факт, что красуюсь перед призрачным незнакомцем в одном белье. Он на меня голую в бане посмотрелся, чего стесняться? Куда важнее тот факт, что сумка! Сумка нашлась! О, господи...

Натягивая платье, ожидала ответ, а руки тряслись. Голова запуталась в ткани, и мне пришлось несколько раз стягивать предмет летнего гардероба с головы, чтобы, наконец-то, одеться.

— На Сердце мира, — прошептал непрощенный гость, и я тут же замерла, прижав руки к груди. — На ветвях. Она там. Высоко.

— Насколько... насколько высоко? — с хрипотцой в голосе осведомилась я.

Однако понимала, что даже если на самой верхушке, под облаками, то поползу. Поползу, как Джек в страну великанов из сказки про волшебный боб. Потому что там — мое спасение. И спасение всех остальных. Какая разница, насколько далеко, высоко и глубоко предстоит забраться, если на кону свобода? Свобода не только моя.

— Очень высоко, — продолжал сверлить меня взглядом мужчина. — Но я помогу тебе.

— Ты тоже хочешь выбраться отсюда?

Незнакомец кивнул в третий раз. А я и не сомневалась в том, что в нем еще сохранилась хоть какая-то человечность. Как и во всех нас. Значит, теперь мы будем бороться всемером и у нас точно всё получится.

— Спасибо, — не осталась я в долгу. — Нужно только кое-кого позвать.

Ночной гость был совсем не против компании, и, спустившись вниз, я принялась расталкивать Лиса.

— Вставай, вставай, — приговаривала я, дергая рыжика за плечо, но оборотень только отмахнулся от меня и отвернулся к стенке.

— Еще пять минуток, ага? А... — прохрипел он, и вновь погрузился в мир сновидений и грез.

— Ладно, — развернулась я к входной двери и взглянула на своего полупрозрачного спутника. — Пойдем, достанем сумку. Тогда мы все сможем спать спокойно. Не здесь.

— Ау-у-у...

Мои слова оказались подхвачены слаженным волчьим воем, раздавшимся за окном, и я шумно сглотнула. Вряд ли этот странный тип сможет защитить меня от стаи волков, а потому... потому следует двигаться максимально осторожно, чтобы не попасться. В любом случае, один из них вполне разумный и, если что, даст мне пройти. Я надеялась на это. Я вообще много на что надеялась. На то мы и разумны, чтобы надеяться, верить и ждать.

Мы вышли из норы и вновь прозвучавший волчий вой достиг самой глубины моей души. Руки покрылись мурашками, ладони стали липкими от пота, но я не собиралась ждать. Сумка нужна была мне сейчас. Я и так слишком много времени потратила на ее поиски и в любом случае не уснула бы этой ночью, зная, что она где-то там и что где-то там ее можно забрать уже сейчас. А также узнать все имена и выбраться отсюда. Кто знает, что со мной станет, если я не потороплюсь? Может, мир попытается устранить меня в кратчайшие сроки, раз уж я осведомлена о его тайнике. Нет, волки меня не остановят. Ни один, ни целая стая. Журналистская стезя делает людей бесстрашными, а нависшее надо мной проклятье и вовсе заставляет бросаться на амбразуру и не ждать у моря погоды, как поступил бы любой адекватный человек.

Я запомнила месторасположение жуткого подлеска, а потому ступила на лесную тропинку без страха потеряться. Она точно приведет меня в нужное место. Нужно только не забыть, в какой момент повернуть, и малинник, разросшийся возле берлоги, напомнит мне об этом.

Незнакомец парил рядом со мной, едва касаясь земли босыми ногами и пролетая через преграды в виде деревьев и кустов. Прежде, чем выбраться отсюда, я обязательно узнаю, что он такое. У меня уже было несколько предположений, но сейчас было не время играть в угадайку. Сейчас было время достать мою сумку из плена Сердца мира. А из сумки — наше спасение. Списки имен пропавших без вести людей в станинском лесу.

Волчий вой раздался вновь, совсем близко, но я старалась не обращать внимание на зловещий аккомпанемент ночи. С ними Волк. Он точно там, ведь Прах утверждала, что это его стая разгуливает в окрестностях. Несмотря на наши с оборотнем разногласия, он не даст сожрать меня. Я — его путь к свободе, путь к желанной жизни в городе. Он не причинит мне вреда. Не должен.

Ноги заплетались, спотыкались от выступающего корня к корню. Это всё от нервов. Если б только я могла лететь, то полетела бы. Так же, как и мой призрачный спутник.

— Ау-у-у!..

Всё будет хорошо. Самое сложное — забраться на Сердце, вскарабкаться по его пульсирующим ветвям, чтобы меня не стошнило от отвращения, а затем спуститься с него. Всё остальное — ерунда. Лишь бы собственное сердце не колотилось так быстро, и адреналин не выделялся с такой бешеной скоростью и в таких количествах. Чтобы лесные твари его не учуяли и не сбежались поглазеть на добычу, саму несущуюся к ним в лапы.

Хрусть.

Услышав странные звуки перед собой, я резко остановилась. Тяжело дыша, уставилась на крупного матерого волка, медленно выходящего из-за ветвей с мелкими зелеными листочками. Черный волк с остекленевшими серыми глазищами. Сомнений быть не могло. Это же Волк, который способен защитить меня от своих обращенных собратьев и на секунду у меня отлегло от сердца.

Но только на секунду, потому что, прижав голову к земле, а уши к голове, зверь продемонстрировал мне свой хищный оскал. В глазах вместо понимания сквозил леденящий душу холод, а я опасливо попятилась. Во рту пересохло от одного осознания того, что передо мной существо вовсе не разумное, а утратившее свой рассудок напрочь. Ромашка ли я для него теперь городская, или просто добыча, в которую он не преминет запустить клыки?

— Волк? — попыталась воззвать его к разуму и сделала один шаг назад. Он — один вперед, всеми четырьмя лапами. — Это же я. Почему у тебя такие большие уши? Почему такие большие... глаза?

Но сказка закончилась, как только животное задрало голову и пронзительно взвыло. Все мои надежды о его вменяемости разбились на мелкие осколки, и я, что только было духу, бросилась в сторону.

Нет, побег от волчьей стаи в мои планы не входил, хоть я и задумывалась о нем. Только сейчас из омута памяти всплыли слова о том, что будучи в стае, Волк теряет всякую человечность. Нужно было внимательнее слушать советы Праха! Нужно было! Но кто ж знал, что меня снова понесет ночью хрен знает куда в одиночестве?!

Не совсем в одиночестве, но мой молчаливый проводник парил рядом со мной так же безэмоционально, как и прежде. Моя паника нисколько ему не передавалась. Ни стая, ни мое благополучие, казалось, не волновали его, но моего страха с лихвой хватало на нас двоих.

Всё новые звуки добавлялись к погоне. То слева, то справа зловеще шуршала листва. Я слышала и топот тяжелых лап, и приглушенное рычание. Оглушительный вой совсем близко разбил о мои барабанные перепонки, и я прибавила скорости.

Звери были быстрее. Разумеется, волк быстрее человека. У него четыре лапы, а у меня две! Ноги в смысле. А скорости своих двоих мне не хватало, чтобы избавиться от погони, еще и в самой чаще. И да, я опять свернула с тропинки, но это была вынужденная мера. Иначе их вожак уже растерзал бы меня на части. Только платице белое бы осталось, и то разорванное на лоскутки.

Я чувствовала теплое дыхание из раскрытых пастей. На собственных ногах его чувствовала, но до сих пор умудрялась ускользывать прямо из-под клыков. Они то нагоняли меня, то снова отставали. Нагоняли, отставали, а подол платья развевался от сильного ветра. От сильного ветра, которого не должно было быть! Листочки на деревьях даже не дергаются, а моих

преследователей едва не сбивали с ног потоки воздушных масс.

А незнакомца и след простыл. Где же он? Отстал по дороге? Невозможно, он ведь сквозь все препятствия проходит в то время, когда я уворачиваюсь от низко свисающих веток, так и норовящих воткнуться в глаз.

— Ветер! — поздно осознала я и засмеялась. Опять-таки нервное, потому что только конченный дурак будет ржать, когда за ним гонится голодная обезумевшая стая волков, но я хрипло смеялась, не сбавляя скорости. — Вете-е-ер!

Не зверь, не растение, не камень. Оказывается, этот мир настолько полон причуд, что способен обращать своих гостей даже в стихии природы.

Мой проводник оказался не таким бесполезным, как я полагала на первый взгляд. Только благодаря потокам ветра, сбивающему преследователей с ног, я всё еще была жива. Как же хорошо, что Лис остался в норе! Как же хорошо, что он так крепко уснул, божечки!

Я и не заметила, как достигла подлеска, не сбившись с пути. Сердце мира выросло передо мной, но благоговейный ужас уступил место твердой решимости как можно скорее взобраться на живые ветви. Забраться и избежать участи быть сожранной, ведь стая всё еще неслась за мной по пятам.

А помог мне сложный узор коры с глубокими бороздами. Я буквально взлетела на ствол, ухватившись пальцами за древесные выступы. Подтянулась, нашла опору для ног и поползла. Теплая пульсирующая кора заставляла меня жмуриться от отвращения, но сейчас она же могла спасти мне жизнь.

Клыкастые пасти защелками под самыми моими ногами, но я уже преодолела достаточное расстояние для того, чтобы ни одна из них не сомкнулась на моей щиколотке. Еще немного... еще чуть-чуть. Не останавливалась ни на секунду даже для того, чтобы перевести дыхание. Слишком дорогими были эти секунды.

...и, наконец, ухватилась за первую ветвь. Ухватилась, подтянулась, отдавая последние силы на то, чтобы вскарабкаться...

Да! Получилось!

Забравшись, устало облокотилась на ствол, свесив ноги вниз, и только сейчас позволила себе прикрыть глаза и расслабиться. Воздух со свистом вырывался из моих легких, но я улыбалась. Улыбалась и радовалась своей маленькой победе над очередной лесной напастью.

Стая всё еще скалилась внизу, а мой неуловимый напарник, всё такой же печальный и полупрозрачный, материализовался рядом со мной.

— Ветер? — обратилась я к нему, а он повернул ко мне бледное лицо.

Всё равно мне нужно было время, чтобы передохнуть. Такая запыхавшаяся, вспотевшая и дрожащая, как осиновый листочек, я наверх лезть не решусь. Это время можно было вполне занять разговором с тем, кто спас мне жизнь. И, судя по всему, не только мою, если сумка со списками, действительно, окажется на ветвях Сердца.

Мужчина неуверенно кивнул.

— Почему никто не знает о том, что ты не обратился полностью? — принялась допытываться я, а стая, должно быть, в полном своем составе разлеглась подле ствола и принялась таращить на меня горящие в темноте глаза. — Почему ты не ходил к Праху? Может, она помогла бы тебе... чем-нибудь, как и остальным.

— Прах попросила меня не приходить к ней больше, — спокойно ответил Ветер. — С тех пор, как ты объявилась.

— Секундочку... — протянула я, забежав глазами по красивому лицу проводника. — Но Прах сказала, что в этом лесу живет только шесть обращающихся. И когда я ей о тебе... маловероятно... хм.

С чего бы она стала врать мне? С чего бы она стала врать всем? И почему с тех пор, как я объявилась? Что же такого произошло с моим приходом, что одного разумного тут же спихнули со счетов?

Вот так всегда. Желала получить ответы на интересующие вопросы, но в итоге мозг оброс новыми вопросами, и их теперь куда больше, чем было. Возможно ли, что Прах ведет какую-то свою игру? Только ради чего? И какие правила у этой игры? Ежкин ты дрын, как же всё сложно...

Сумка. Сумка — вот и ответ на все мои вопросы. К чему мне распутывать паутину интриг, если я просто поставлю всех ребят в шеренгу, зачитаю им имена, затем прочту свое, которое должно находиться в конце последнего листа списков рядом с подписью, и до свидания. Да, имени Праха там не будет, очень жаль, но что поделать. Если коллеги-хранители найдут способ вызволить ее из ловушки, я буду рада. Заочно рада, потому что никогда не узнаю о судьбе девушки с белоснежными волосами.

— А ты не знаешь, почему Прах попросила тебя не приходить?

— Нет.

Ладно. Попытка — не пытка. Сама спрошу, как только получу списки. Всё равно приду попрощаться. Она ведь одна здесь останется, как только мы вернемся, поэтому придется попрощаться, как следует. Чтобы этого тепла хватило на всё время ожидания подмоги из мира Альт...Альти... Альтиэ... Короче говоря, из ее мира, как бы он ни назывался.

— Что ж, я готова, — оповестила я спутника о продолжении операции по вызволению сумки из плена.

— Мне не хватит сил, чтобы подхватить тебя, если сорвешься, — «обнадежил» Ветер, встав на ноги или вернее взлетев над ветвью, и подняв глаза.

Я тоже подняла их и не увидела верхушки. Потому что верхушка Сердца уходила под самые облака. Высоко же придется ползти. И без страховки. Переплетающиеся ветви располагались относительно друг друга вполне удачно и, казалось, можно с легкостью карабкаться с одной на другую, но опасность оступиться всё равно была. Тут уж не только руку с ногой сломать можно, а в лепешку разбиться. Если сразу не помру, то стая внизу с Волком во главе поджидает меня как раз на такой случай.

Но я должна. Хотя бы не ради себя, а ради Лиса и остальных. Вряд ли какая-нибудь птичка принесет мне сумку в клювике, а значит, рассчитывать сейчас можно только на свои силы.

— Ты не сможешь скинуть ее мне потоками ветра, да? — поняла я. Иначе сумка уже давно была бы у меня в руках.

— Она обкрутилась вокруг веток. Я не могу, — последовал ожидаемый ответ.

— Ладно.

Глубоко вдохнула, выдохнула, ухватила пальцами за кору и, пообещав себе не смотреть вниз во время всего путешествия, полезла на следующий относительно безопасный участок. Такой, на котором можно будет перевести дух.

Последнее испытание перед свободой. Неужели, оно может оказаться мне не под силу? Заключенные в тюрьме ложкой по сантиметру откапывают себе путь на свободу, на одном только энтузиазме. А я буду откапывать его по одному шажку.

И еще... имя Лиса. Я наконец-то узнаю, как его зовут!

Мне стало настолько тепло от этой мысли, что губы сами по себе расплылись в блаженной улыбке, а сердце изменило ритм.

Никогда не думала, что такая банальная вещь, как имя, окажется настолько важной, что ради нее можно рискнуть жизнью. В этом месте я вообще узнала, что прежде не ценила очень многое. Стиральную машинку, например. Одежду, висящую в шкафу просто так, потому что разонравилась. Душ и шампунь, в конце концов. И я уж не говорю об интернете, в который фиг знает сколько не заходила. Свежий воздух... по-настоящему свежий. Наверное, попав за пределы этого мира, не смогу надыхаться. Просто буду стоять и дышать в свое удовольствие, пока в обморок не упаду от перенасыщения кислородом.

— Я же говорила, что меня не сожрешь...

А древо отвечало мне тихим шелестом листвы. Шурх-шурх...

Я знала, что забраться наверх по гигантскому дереву — задача не из легких, но чтобы настолько...

Ползла всего около получаса, но руки уже были стертые до кровавых мозолей. Останавливалась на каждой ветви, чтобы хоть немного прийти в себя и отдышаться, но путь всё равно казался бесконечным. Когда поднимала голову, понимала, что мой древолазный подвиг может затянуться до самого рассвета, а то и дольше. Но сумка... Нет, хватит отдыхать и пора вновь впитаться пальцами в узорную пульсирующую кору.

Я уже успела проклясть всех на свете. Лиса, Волка, Медведя, Прах и даже Зайца, а потом снова мысленно со всеми помириться. И проклясть опять. Пальцы горели, ныли ноги, голова раскалывалась оттого, что ее постоянно приходилось заирать, о шее и говорить нечего. А еще я не сдержала обещание, данное самой себе, и всё-таки посмотрела вниз. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда земля показалась мне настолько далекой. Да от меня мокрого места не останется, если сорвусь!

Но эти мысли я тоже пережила. Пережила и лезла еще выше.

Когда Ветер сообщил мне о том, что осталось немного, я всё еще не видела вершины. Решила уточнить этот вопрос, но мне ответили, что до вершины я вряд ли добралась бы в этом году. Сумка намного ближе.

— Еще чуть выше, — подсказывал полупрозрачный спутник, когда я остановилась на очередную передышку. — Совсем не много осталось и увидишь.

А сейчас я увидела не сумку. Сейчас, когда ночь постепенно уступала место новому дню, я могла любоваться открывающимся видом, аналоги которому вряд ли можно встретить на Земле.

Лес, в котором находилась я и вся моя орава, казался маленьким клочком по сравнению с тем, что располагалось за его пределами. Горы, реки, озера, равнины, как на ладони. Сколько тайн хранит Дремучий мир, и сколько их еще можно было бы разгадать, если бы не обращение всего и вся в его маленькие части?

— Ты был там? — указала я пальцем на раскинувшийся перед нами с Ветром живописный вид.

— Я много где бывал, — ответил мужчина, сохраняя каменное выражение лица. — Но запах везде одинаковый. Никуда от него не скрыться.

Еще одна родственная душа нашлась, ненавидящая здешнее горько-сладкое амбре. Да, похоже, в этом мире нет ни одной точки с живительным кислородом и это по-настоящему ужасно.

— А расскажи, кем ты был до того, как сюда попал, — открыла я тему для личного разговора. В конце концов, почему бы мне не узнать о своем сопровождающем побольше, раз уж мы бок о бок целую ночь сражаемся с силами зла, если это можно так назвать. Как напарники. Люди в черном. — Ты помнишь? — на всякий случай спросила я, и Ветер коротко кивнул.

— Моделью.

— Моделью? — искренне удивилась я и еще раз изучила мужчину внимательным взглядом.

Ну, похож. Высокий. Выше меня головы на полторы. Красивый, стройный. Как с обложки журнала сошел. Вот только в дыре такой что забыл?

— Мы со съемочной группой приехали в деревню на фотосессию, — ответил Ветер на вопрос, который я не задала вслух. — Новая линия парфюма «Лесной секрет». Я приболел перед съемками, но всё равно решил поехать. У нас не так много моделей-андрогинов, и гонорар обещал быть соответствующим.

— Значит, тебе просто не повезло, — грустно подытожила я.

— Верно.

— А я журналистка.

— Ненавижу журналистов, — впервые при мне усмехнулся Ветер. — Но если меня спасет один из них, то навсегда изменю свое мнение.

— Замётано, — хохотнула я и, собрав последние силы в кулак, поднялась.

Отдых закончен. Пора забираться еще выше. Свобода совсем близко. Еще каких-то несколько метров, а там руку протянуть.

Уже через несколько минут я увидела ту самую вещь, ради которой затевалось столь опасное мероприятие. Ради которой я неслась от стаи волков, сверкая пятками. Ради которой у меня едва сгибались пальцы и едва поворачивалась шея. Сумка. Моя белая сумка. Ремешок обмотан вокруг нескольких ветвей так, что ветром, действительно, было бы не сорвать. Но я-то смогу ее отвязать. Я-то смогу дотянуться.

Будто открыв второе дыхание, ускорила и полезла к месту ее дислокации. Пару раз нога соскользнула по неосторожности, а тело бросило в жар. Такой, что спина взмокла, и капельки пота покатались по вискам.

Но вот она! Вот!

Добралась, распутала длинный ремешок одной рукой, опустилась на ближайшую ветвь, выдерживающую мой вес и, задержав дыхание, открыла сумку.

Кап. Кап. Кап.

Это слезы мои полились на внутреннюю обшивку. Тело стало ватным, а из горла вырвался отчаянный вой. Почти волчий. Прикрыв рот ладонью, быстро заморгала, прогоняя непрошенные слезы, и принялась открывать все отделения, даже самые маленькие и боковые.

— Сейчас, сейчас, еще немного, чуть-чуть, вот же она, вот... — бубнила я под нос, разрывая обшивку руками и шаря по пустой сумке до самого дна. Ломала молнии, выворачивала кармашки, отрывала заклепки, а глаза лихорадочно искали их — списки! Где?! Где списки?! Где они?!

— Аха-ха! — звонко засмеялась я, раздирая сумку в клочья. — Аха-ха-ха!

Слезы уже градом сыпались из глаз, а мой нервный смех резал окружающую предрассветную тишину.

— Нет, нет, нет... нет, нет, нет! — как мантру повторяла я, когда поняла, что ни в одном кармашке, ни за обшивкой, нигде ничего нет! Пусто! Абсолютно пусто! Пуст-то-та...

Руки сами скинули истерзанную сумку вниз и схватились за голову. Голову, которая уже чесалась от образовавшейся за ночь пыли.

Ветер молчал, наблюдая за мной, а я не знала что сказать. Не знала, что сказать ему и даже себе. Голова пошла кругом. Такая каша из спутанных мыслей, что вовек не расхлебать.

А как только первые лучи восходящего солнца коснулись моей кожи, я поднесла дрожащую руку к глазам. Руку оттенка светлой оливы.

Это стало последней каплей. Всклипнув и застонав, я поднялась, качнулась, задержав взгляд на округлившисьших фиалковых глазах, и, потеряв равновесие, а заодно и сознание, рухнула вниз следом за сумкой.

Глава 13. Одинок и сломлен

— Ромашка?..

Тело невыносимо ныло. Каждая его клеточка отдавала болью, да такой, что слезы на глаза наворачивались. Как будто я состою из одного сплошного синяка. Может, так и есть?

— Ромашка...

Мне казалось, будто меня высушили изнутри. Выжали, как лимон, и бросили на стылой земле. Недавние воспоминания с трудом пробивали дорогу к сознанию, но все-таки... все-таки...

— Ромашка!..

Я упала. Я же упала с такой высоты, с которой любой нормальный человек разбивается насмерть. Ползла ввысь добрую половину ночи, расцарапывая пальцы в кровь, но... жива? Жива?

Приоткрыв глаза, увидела над собой склонившееся личико Зайца. Побледневшее, с расширившимися от страха серыми глазами и приоткрытым ртом.

— Зачем? — одними губами произнес оборотень и железной хваткой вцепился в мои плечи.

Новая волна боли прокатилась по всему телу, и я скривила лицо. Меня никогда не переезжал каток, но, думаю, ощущения были бы похожими, если бы это произошло.

— Зачем ты сделала это?! — уже вскричал Заяц, неистово тряся меня и приводя в чувства. Хотя, скорее, вновь отключая меня от реальности. Ох уж эта боль... — Мы еще можем выбраться! У нас всё получится! Все мы до сих пор верим, верь и ты! Если не в себя, то в нас!

— За...айчик... — попыталась я воззвать к голосу разума оборотня, но выдавила из себя только едва различимые хрипы.

— Обращение — еще не повод накладывать на себя руки! — гнул парень своё, продолжая издеваться над моим искалеченным телом. — Если бы пришла ко мне за поддержкой — выслушал бы! Всё, до единого слова! Дура, дура, дура! Это же грех! Это же великий грех!

Стоп.

Происходящее постепенно начинало формировываться в логическую цепочку в моей голове. Я потеряла сознание, поднявшись на Сердце за сумкой и обнаружив ее абсолютно пустой. Предположим, что каким-то образом я все-таки выжила, упав с такой высоты. Через некоторое время меня обнаружил Заяц и... подумал, что я спрыгнула с Сердца намеренно, чтобы покончить с собой? Единственное разумное объяснение. И это еще кто из нас дура?

— Это... это не то, что ты... — попыталась оправдаться я, но оборотня было не остановить. Он буквально с катушек слетел, поливая меня нравоучениями, как из ведра и вытряхивая последний дух.

Я думала, что пытка никогда не закончится, но Заяц, наконец-то, умолк. Подхватил меня на руки и опрометью кинулся в чашу. В руках его я висела тряпичной куклой, потому что любая попытка пошевелить хоть одной частью тела приводила к всполоху искр в глазах и вспышке новой боли.

— Дура, дура, дура... — продолжал приговаривать ушастый, развив поистине невероятную скорость.

Ни лисам, ни волкам, ни медведям такая скорость и не снилась. Деревья и кусты слились в сплошное зеленое марево. Никогда не страдала морской или воздушной болезнью, но меня ощутимо так укачало. Пришлось зажмуриться, чтобы не стошнило, и, преодолевая боль, обвить руки вокруг шеи оборотня, чтобы ненароком не соскользнуть.

— Поступить так опрометчиво... — бубнил он под нос. — Глупая, глупая девчонка.

Девчонка? Да ты сам мне в младшие братья годишься. Внешне. По возрасту, вроде, старше. Или нет.

Куча цифр заплясали хороводом в моей голове, и я тряхнула ею, дабы снова сосредоточиться на ситуации, а не на математических хитросплетениях.

Где Ветер? Где Лис? Где Прах? Где... списки? Если жизнь продолжается, и от первоначального шока я более-менее отошла, то куда же делись чертовы списки?! Кто закинул мою пустую сумку на Сердце? Почему Ветру было запрещено приближаться к терему Праха? И что... что произошло со мной после восхода солнца? Мне показалось, или моя кожа?..

Взглянула на свои руки, обвивающие шею Зайца, и вновь ужаснулась.

Да, так и есть. Зеленоватый оттенок мне не померещился. Обращение прогрессирует и кто знает, когда наступит следующий этап? Завтра? Через неделю? Сколько же мне осталось и сумею ли я исполнить обещанное ребятам, вернув им долгожданную свободу?

Как же много новых вопросов и никаких ответов. А ведь ночь была такая долгая и насыщенная... Насыщенная негативом, который поубавил мне человечности.

Сосредоточенное и рассерженное лицо Зайца и пугало меня, и забавляло одновременно. Как же тебе в голову могли прийти такие глупости, или же ты совсем одичал от одиночества? Вполне может быть. Вот только я не буду одинока, среди тысячи собратьев на ромашковом поле.

А пока я размышляла о своей непростой судьбе, мы уже подбежали к обителю Зайца — норке. Действительно, избушка, представшая перед моими глазами, показалась мне самым маленьким жилищем в окрестностях. Длинноухий оборотень не обременял свою жизнь лишними хлопотами — это было видно сразу, в отличие от того же Медведя.

Поставив меня на землю и закинув мою руку себе на плечо, парень отворил входную дверь и провел меня внутрь.

Чем-то Заяц с Лисом были похожи. Например, идеей интерьера в холостяцком стиле. Ничего лишнего. Хотя по количеству мусора в доме ушастый явно проигрывал рыжему. Наверное, нечем ему было мусорить. В деревню через портал он, судя по всему, не скакал, потому складировать и хламировать в углах было нечего. Ошметки травы на полу, подсохшие грязные следы от ботинок — вот и весь беспорядок в норке.

О, часы с кукушкой. Как бы самой кукушкой не поехать на фоне всего происходящего.

Пройдя мимо обшарпанной печки, парень уложил меня на пружинистую кровать с резными изголовьем и изножьем.

— Пить? — предложил он, переключив тон на более миролюбивый. — Есть? Спать? Лекарства есть только у Праха и Волка, хотя тебе больше успокоительные подойдут. И сильные. Антидепрезанды... санты какие-нибудь, — тараторил серовласый, нависнув надо мной и внимательно разглядывая мое лицо. — Скажи, уже отлегло или еще нет? Если нет, то я могу сказать еще много в защиту жизни, даже если она такая, как здесь...

— Зайчик, — осторожно взяла я оборотня за руку, и он уставился на мою руку, как будто та в мгновение ока превратилась в гигантское щупальце осьминога. — Присядь и послушай меня внимательно. Пожалуйста.

Не хотела устраивать долгие церемонии, а потому, когда оборотень присел на краешек кровати, просто рассказала ему всё о приключениях сумки и списка с именами. Начиная с самых истоков — мыслей о собственном расследовании лесных пропаж и кабинета участкового полицейского, и заканчивая ночной авантюрой с последующим падением с Сердца мира.

Паренёк слушал внимательно. Иногда приоткрывал рот, чтобы что-то сказать, но быстро мотал головой и морщил носик, продолжая вникать в рассказ.

— Я отключилась, а дальше ты уже знаешь, — завершила я и издала тихий стон, когда неудачно повернула шею.

Поведала я ему обо всем не просто так. Мне было необходимо это. Чисто по-человечески хотелось пожаловаться и посетовать на судьбу, если собеседник сам не прочь послушать о моих злоключениях от начала и до конца. К тому же, чего греха таить, оборотень, сидящий сейчас рядом со мной, был моим любимчиком. Милый, отзывчивый, не излучающий никакой угрозы. Казалось, я ему всю свою душу могу доверить по кусочкам, и он сбережет каждую частичку.

— Вот оно как... — отвел Заяц растерянный взгляд и поджал губу. Рука так и норовила дотронуться до серебра волос и потрепать по взъерошенной макушке. — Но я очень

переживал, — осипшим голосом поделился он со мной своими чувствами, и в его глазах снова застыло мое отражение.

— На твоём месте я тоже испугалась бы, — обнадежила я мальчишку (а именно таким он и казался мне, несмотря на возраст) и ласково улыбнулась. — Что же ты забыл возле Сердца?

— Услышал с утра от Прах, что ночью Волк вел себя еще страннее, чем обычно, — честно поведал мне оборотень. — Решил проверить, не бродишь ли ты опять в одиночку.

— Это ты удачно проверил, — усмехнулась я, а дрогнувшие мускулы на лице дали повод к новой болевой вспышке. Поморщилась. — А что не так с Волком?

— Его обращение прогрессировало. Он больше не узнает Прах, когда ходит со стаей. Прах думает, что ему недолго осталось.

— Всё настолько серьезно?

— Да, — кивнул Заяц, печально сдвинув брови. — И лучше тебе все-таки не разгуливать здесь одной.

Интересно. Получается, поведение, которое этой ночью продемонстрировал мне Волк — в новинку для него и остальных? Не просто так я рассчитывала на его поддержку. Но даже такой заносчивый и самодовольный человек не заслуживает участи быть обращенным в зверя. И если я в кратчайшие сроки не придумаю способ выбраться из этого мира, то всё может закончиться довольно плачевно. Как для меня, так и для остальных жителей леса.

К сожалению, единственной моей зацепкой оказывались слова Ветра. Слова о том, что ему запретили переступать порог терема после моего появления. Какая же этому может быть причина? Возможно, та, что оборотень-стихия способен проникнуть в каждый уголок дома Праха и найти там такое, что хранительнице захотелось бы спрятать и не показывать никому. И есть у меня мысли, что это нечто имеет прямое или косвенное отношение к моей персоне.

— Мне нужно найти Ветра, — пришло ко мне четкое осознание того, что необходимо предпринять далее. — Получить больше информации. Теперь я знаю, в какую сторону ветер... ай, ладно.

Резко встала с кровати, почти сразу же пожалев об этом. Поднялась на ноги и довольно резвым, для пострадавшей от падения с высоты жертве, шагом направилась к двери.

— Нет! — Заяц в мгновение ока появился за моей спиной, обхватив меня руками за талию и прижавшись щекой к моему плечу. — Нет, — чуть тише добавил он, а талию мою сдавили сильнее. — Не надо. Не ходи. Останься.

— Но я не могу остаться, — как можно мягче попыталась запротестовать я, положив ладони на его руки, однако парень не сделал ни движения в сторону моего освобождения. — Нужно ведь продолжать бороться. Ты сам это сказал, — напомнила я. — Вот я и буду. Так что...

— Хотя бы на день, — шипло прошептали мне на ухо, касаясь кожи губами. — На один день. Избавь меня от одиночества. Прощу тебя.

От отчаянной и искренней мольбы Зайца мое сердце сжалось. Сжались и кулаки. Как же мне хотелось наплевать на всё, обернуться и заключить его в объятия, чтобы милый мальчик, не знающий настоящей любви, больше никогда не произнес ничего подобного. Таким тоном, словно жить оборотню осталось считанные минуты.

Но я не могла. Это не мальчик. Не подросток, нуждающийся в материнской ласке. Это взрослый мужчина, как бы он ни выглядел. И я точно не смогу дать ему то, что он хочет. Почему? Возможно, потому, что до сих пор не готова была довериться и нырнуть в омут отношений. Или же потому, что место в моем сердце уже занял кто-то другой.

«Поэтому... — в моем сознании вновь всплыло лицо Лиса в полумраке комнаты, — ...не проси, чтобы я ушел. Я не уйду. Никогда не уйду. Легче найти способ вырваться отсюда, чем отпустить тебя».

— Пожалуйста... — горячая слеза Зайца скатилась по моей шее, скользнула за вырез декольте, и я почувствовала, как в уголках уже моих глаз скапливаются предательские слезы. — Не уходи. Хотя бы один день. Мне... — всхлипнув, он уткнулся носом в мою шею, а я прикусила губу, — так страшно оставаться одному.

— Как же... — я попыталась сохранить прежний нейтральный тон, но удавалось это с огромным трудом. — Как же ты всё это время жил один?

— После того, как ты побывала здесь, я не могу просто так отпустить тебя. Одиночество — проклятье, которое намного ужаснее обращения. В разы. Я борюсь ради того, чтобы не остаться одному. Но пока борюсь, остаюсь один. Это так... несправедливо. Иногда мне безумно хочется отключить, наконец-то, разум и перестать мучиться. Не знаю, почему я всё еще не сделал этого.

— Потому что ты сильный? — намекнула я, а парень судорожно вздохнул и прижал меня к себе еще крепче. Мне показалось, что пол уходит из-под ног.

— Я трус, — небрежно бросил Заяц. — Трус, по крайней мере сейчас. Но я всегда ждал того, кого захочу защитить, несмотря на инстинкты. И я хочу защищать тебя. Очень хочу. Лишь бы ты никуда не ушла.

Как же я понимала его, но по-своему. Уйти может каждый. Потому что вещи такие не обещаются. Жених и невеста клянутся друг другу в вечной любви, но разводятся после пары лет брака. Влюбившийся с первого взгляда убеждает всех своих друзей, что вот она — та самая, единственная и неповторимая, но спустя некоторое время не может вспомнить даже черты ее лица. А всё потому, что мы живем в настоящем и проверить чувства на прочность невозможно.

А в каком же времени жил Лис, почти всю свою жизнь верно ожидая моего приезда, как цепной пес? Или всякое правило имеет свои исключения?

— Защищай, — выпалила я. — Но только в тех случаях, когда мне угрожает реальная опасность. И чтобы без жертвенности. Договорились?

— Договорились, — быстро прошептал Заяц, зарылся носом в мои волосы, припорошенные образовавшейся за ночь пылью, и почти сразу чихнул.

— Один день, — сдерживая смех, согласилась я на предложение. — А то кое-кто в наказание за очередной побег может меня сожрать и не подавиться.

Обернулась, встретившись с благодарной улыбкой Зайца и полными признательности серыми глазами. На душе так потеплело, что горы захотелось свернуть, а не просто с проклятьем бороться. Еще раз на Сердце вскарабкаться, на самую вершину. Даже съесть пюре из тыквы, которую всегда терпеть не могла.

Но мне в последнее время совсем не везло. Стоило только придумать какой-то план и тот сразу же летит ко всем... оборотням. Например, к одному из тех, кто деликатно постучался в дверь норки и, не получив ответа, отворил ее нараспашку.

Да я ведь уже и так решила всё в твою пользу, зачем же ты явился?!

— Ну, привет, зайчик-побегайчик, — упер Лис руки в боки и нарочито вальяжно переступил порог лубяной избушки. Честно говоря, я понятия не имела, из чего эта избушка сделана, но слова «лубяная заячья избушка» еще с детства прочно в мозгу засели.

Оборотень, стоящий позади меня, ощутимо напрягся. Инстинкты, снова, чтоб их. Бояться, убегать, прятаться.

— Не понял, — озадачился рыжий, изучая представшую перед его глазами картиночку.

Заяц до сих пор не выпустил меня из рук, а я, находясь меж двух огней, не имела никакого понятия, в какую сторону шугануться. То ли защищать Зайца, то ли прекратить нервировать Лиса. Пятьдесят на пятьдесят? Звонок другу? Помощь зала? Хотя бы дополнительную попытку при совершении неправильного выбора! Ежкин ты дрын...

Сердце ушастого колотилось так быстро, что мне стало страшно, как бы оно не разорвалось от напряжения. С другой стороны ситуация была не лучше: Лис обнажил клыки. Времени на подумать выдалось крайне мало, и я решила выбраться из ситуации с помощью первого же, что пришло в голову.

— Стоять! — крикнула я, отпрыгнув от Зайца в сторону. Вытянула правую руку вперед, соорудив из пальцев подобие пистолета, левой схватила платье за декольте и натянула его до самого носа. А когда растерянные взгляды обоих переместились на меня, произнесла с хитрым прищуром и нескрываемым коварством: — Это ограбление...

— Чё? — в непонятках уставился на меня Лис и, воспользовавшись временным замешательством оборотней, я освободилась от ослабевших объятий одного, схватила за руку другого и выскочила за дверь норки.

Только отойдя от жилища Зайца на относительно безопасное для него расстояние, чтобы того кондрашка нехватила, остановилась, развернулась к Лису и подняла на него глаза.

— Подожди, — предупредила я, приложив палец к его губам. — Ничего не говори. Дай мне с мыслями собраться, а потом комментируй.

Удивительно, но мужчина послушался меня. Нахмурился, сам перехватил мою руку и замер в ожидании.

Слова полились из меня самым настоящим водопадом. Я тараторила и тараторила, не замолкая ни на секунду. О своем ночном побеге с Ветром, о волчьей стае, что следовала за мной по пятам до самого Сердца мира. О восхождении, продлившемся аж до восхода солнца и о том, что сумка, за которой я с таким остервенением ползла, оказалась пуста. О последующем падении, встрече с Зайцем и, наконец, о нашем с ним договоре.

Лис не перебивал меня, но самые разнообразные эмоции мелькали на его лице в процессе выслушивания моей исповеди. От страха до гнева. Пушистый хвост ходил ходуном то влево, то вправо.

Когда я закончила, еще некоторое время оборотень молчал. Взял меня за плечи, глубоко вздохнул и прижал к себе. Я ожидала чего угодно, но точно не подобной реакции, а потому просто робко обняла его в ответ.

Почему я снова чувствовала вину? Почему я постоянно чувствую вину перед Лисом, если только по его прихоти оказалась втянутой во всё это?

— Прости, — прошептал рыжий, и одно лишь слово окончательно выбило меня из колеи.

— Что? — переспросила я, предположив, что ослушалась, но он повторил:

— Прости.

— За что?

— За всё. За то, забрал тебя сюда. За то, что не проснулся. За то, что сижу, сложа руки, и жду, пока всё разрешится само собой, пока ты борешься. Скажи мне, — он повысил голос. Твердость и уверенность, прозвучавшая в нем, испугала меня, — что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

— Чтобы помочь? — тупо повторила я и задумалась.

Сказать по правде, если мои подозрения оправданы, то помощь Лиса придется мне как нельзя кстати для отвлечения Праха. Прежде, чем утратить надежду окончательно и бесповоротно, я должна была ухватиться за последнюю зацепку. За ту самую зацепку, которую оставил мне исчезнувший Ветер. Выяснить, скрывает ли хранительница в своем тереме что-то такое, что ни я, ни ребята не должны увидеть. А если и скрывает, то что именно?

— На самом деле... — протянула я, осторожно заглядывая мужчине в глаза, — ...есть кое-что. Но это касается Праха.

— Мерзко, — мотнул оборотень головой и скривился, — но если надо, то сделаю. А что делать?

— Предложи ей устроить... общий ужин.

— Ужин?

— Да. Пусть она позовет Волка и Медведя завтра вечером к себе в терем. Я уговорю Зайца. Если мои подозрения оправдаются, мне нужно, чтобы вы все собрались одновременно и в одном месте. Желательно там. Сможешь?

— Я же пообещал помочь, — отвел Лис взгляд, всем своим видом показывая, как сильно ему пришлось не по душе моя идея, но я ободряюще улыбнулась ему. — Значит, со мной ты не пойдешь? И сегодня тебя не ждать?

— Я тоже дала обещание. Заяц и так настрадался за эти годы. Пусть хоть на один день

почувствует себя человеком.

— Только будь осторожна, смелая девочка, — грустно усмехнулся рыжий и потрепал меня по голове, взметая в воздух частички золотистой пыльцы. — Не обратись, пока не реализуешь свои коварные планы. — Его палец скользнул по моей позеленевшей щеке и только сейчас я вспомнила, что времени осталось совсем мало.

Я чувствовала, что дальше будет только хуже и что мое превращение не затянется на долгие года, как в случае в ребятами. До сих пор не нашла смысл жизни и утрачиваю надежду выбраться отсюда чуть ли не каждый день. Что-то подсказывало мне, что если мой импровизированный обыск в доме Праха ни к чему не приведет, я тут же упаду на пол в виде маленького цветочка с белыми лепестками. Или же меня переместит на ромашковое поле к моим собратьям. Истины я не узнаю, а думать об этом — самовольно подталкивать себя к обращению. Нет, забудь о ромашках. Забудь о них хотя бы на то время, пока надежда теплится.

— Что ж, я понял, — вздохнул оборотень. — На ужине мне тоже прикажешь старуху отвлекать?

— Ты — единственный, у кого эта затея удастся. Похоже, Прах к тебе равнодушна.

— Знаю.

Ревность, взявшаяся из ниоткуда, кольнула под самую правую лопатку.

— А Заяц, с которым ты хочешь провести целые сутки, равнодушен к тебе, так что один один, — метко подметил Лис и цокнул языком.

— Разве, твоя метка не спасет меня от посягательств со стороны? — вспомнила я про недавний «подарок» оборотня. — Как она, кстати, работает?

— Она работает так, что если на твою жизнь посягнут, я имею полное право проломить посягнувшему хребет.

— Опасно.

— А ты как думала? Как на жизнь в прямом ее смысле, так и на личную, поэтому имей ввиду. Ромашка. Нет, не хочу тебя так называть, — прошипел обладатель лисьего хвоста и приподнял мое лицо пальцами за подбородок, приблизив к своему лицу. — Хочу называть тебя по имени.

— И я тебя, — неожиданно для самой себя выпалила я.

— Неужели? А если окажусь Евпатием?

— Буду называть тебя Евпатушкой.

— Знаешь, а мне нравится, — прыснув от смеха, заявил мужчина и, облизнув мои губы, отстранился. — Тогда я к старухе. Если что, ты сама попросила об этом.

— Но ты же не будешь совсем увлекаться, — обидчиво выпятила я губу, наблюдая за тем, как оборотень медленно пятится к кустам.

— Да кто ж меня знает...

— Лис!

— Аха-ха! — рассмеялся тот и, внезапно кардинально поменявшись в лице, серьезно произнес: — Я ждал тебя столько лет не ради того, чтобы изменить своим чувствам. Чувствам искренней... ненависти к твоему предательству! Всё, пока!

Махнув рукой, оборотень был таков, а светящиеся бабочки в моем животе ожили, как по волшебству. Ожили и запорхали, стучаясь о стенки.

Глава 14. Что такое смелость и с чем ее едят

Заяц довольно быстро отошел от шока, когда снова увидел меня на пороге своего дома. Думал, заберет меня Лис коварный, но нет. Своему слову я осталась верна, и с этого началось наше совместное времяпровождение с длинноухим. Развлекательную программу он не подготовил, а потому пришлось импровизировать.

Для начала, я решила исполнить один из заветов Праха и накормить Зайца мясом. Его затошнило от одних только слов об этом, но делать нечего. Хочешь оставаться человеком — должен быть всеядным, а не одну траву лопать. К счастью, проблем с поиском мяса у нас не возникло. Скорость оборотня позволяла ему охотиться ровно с таким же успехом, как и хищникам. Утка оказалась поймана в два счета, пожарена так же скоро. Самым трудным оказалось запихать непривычную пищу в мальчишку, которому трудно было скрыть отвращение. Пусть я и слышала о том, что крольчихи в случае нехватки белка пожирают собственное потомство, Заяц нехватку в белке восполнять не хотел. Мягкими уговорами мне удалось заставить оборотня съесть несколько кусочков, которые почти сразу же попросились наружу.

От этого вида мне подумалось, что все-таки Зайцу в шкуре обращающегося приходится чуть ли не тяжелее всех остальных. Мало того, что сердце из груди выпрыгивает при приближении хищников, так еще и удовольствия от вкушения ароматной дичи не испытывает.

На столь печальной процедуре его мучения на сегодня закончились. Весь оставшийся день мы занимались откровенной, но веселой ерундой. Поиграли в отсыревшие карты, которые откуда-то нашлись в норке, делали свистульки из травинки, сходили на заячью полянку, где парень показал мне очаровательных зайчат, умещающихся на ладошке.

И что самое необычное — он понимал, о чем пищат его сородичи и вел с ними целые диалоги, пока я нетерпеливо ерзала рядом и спрашивала: «Ну, что он сказал? А она что сказала? А вон тот?» Разумеется, Волк тоже разбирал, что гавкают и навывают в его стае, но Лис никогда не показывал мне своих братьев по виду, а потому такой феномен, как диалог с животным, вызывал у меня искреннее удивление и недоумение.

— Кто-нибудь из них обращался при тебе? — возник у меня вопрос, и оборотень коротко кивнул.

— Да. Трое из них. Когда-то я делил норку с такими же, как я, но в итоге остался один.

— Зайчихи тоже были?

И лисихи... лисички, наверное, делили нору с Лисом. Получается, ожидая меня, рыжий отступал от своей природы. На сердце потеплело, и я не удержала довольной улыбки. Заяц же подумал, что улыбка эта адресована ему и ухмыльнулся.

— Были, но меня они не интересовали. Я спариванием не озабочен.

Почувствовала, как кровь прилила к щекам от одного слова «спаривание», хотя с биологической точки зрения — слово самое обыкновенное. Ох уж эта массовая развращающая культура...

— Вместо этого я ждал тебя, — внезапно выдал мальчишка, и я чуть воздухом не поперхнулась от неожиданности.

— Почему меня?

— Как бы тебе объяснить? — задумчиво подергал носом Заяц, совсем как его сородичи. — Ты для всех нас была как сказочная фея. Нам было известно, что Лис постоянно бегаёт в деревню и ждет твоего возвращения, но мы воспринимали этот факт одинаково. Либо ты не вернешься, либо тебя не существует, и он просто выдумал тебя, как повод не терять надежду выбраться отсюда. Больше всех была недовольна Прах, которая постоянно просила Лиса поставить ей метку, но...

— Прах просила его об этом? — перебила я заболтавшегося оборотня.

— Ага. Хоть она и воспитала нас, как своих детей, к Лису у нее всегда было особенное отношение. И он относился к ней хорошо до первой такой просьбы. Потом их отношения начали ухудшаться и дошли до того, что эти двое вообще перестали пересекаться. Но теперь я понимаю, почему.

— Почему? — с придыханием спросила я.

— Потому что он всё время любил тебя. И не хотел верить в то, что ты не вернешься. Очень жаль, что я в это не верил, — добавил парень, грустно сдвинув брови и поглаживая зайчонка, лежавшего на его ладони. — Ты и правда сказочная фея. Такая смелая, красивая и добрая, что я не хочу расставаться с тобой.

Как же искренне и по-детски наивно прозвучали его слова. Едва не прослезилась. Смелая? Скорее глупая и импульсивная. Красивая? О вкусах не спорят, но секретарше Андрея Аркадьевича даже в подметки не гожусь. Добрая? Это тоже с какой стороны посмотреть. Скорее справедливая, но одно с другим не всегда удачно сочетается.

— Значит... Прах была очень рада, когда встретила вас? — аккуратно перевела я разговор на другую тему.

— Очень. Другие обращались быстро, но только не мы. И она была такая счастливая, когда готовила нам или учила нас. Да, она учила нас читать, но научился только Волк. А нам быстро надоело. Рассказывала о своем мире. А, еще она читала нам сказки. Много сказок. Я помню почти все.

— И... она не хотела бы отпускать вас обратно?

— Конечно же, нет. Она же останется здесь совсем одна, если мы вернемся. Кого бы устроила такая участь? Никого.

Действительно. Поводов для того, чтобы завладеть списками, у кроткой хранительницы было более, чем достаточно. А делов-то. Выпотрошить мою сумку, спрятать списки, а сумку бросить в лесу, чтобы мир занялся ею самостоятельно. Вездесущий Ветер быстро уличил бы воровку, а потому доступ к терему ему перекрыли. Все пути сходились на несчастном Прахе.

А о Ветре до сих пор не было ни слуху, ни духу. Растворился, испарился... обратился? Мне не хотелось даже думать о печальной участи своего помощника, потому что именно его я собиралась отправить в родной мир в первую очередь.

Только вечером я решилась заговорить с Зайцем об ужине в тереме Праха. Неудивительно, что у оборотня глаза на лоб полезли от такой новости, но я сумела убедить его в том, что это необходимо. А также дала ему еще одно обещание. Я буду держать его за руку всё то время, пока он не привыкнет к проведению трапезы с хищниками под одной крышей. Однако мне не стоило забывать и о своей задаче, которая имела куда большее значение, чем межвидовые отношения ребят.

Тем не менее, когда пришло время ложиться спать, все мои мысли сосредоточились на Лисе и Прахе. Интересно, что у них там? Всё ли обошлось... без происшествий и казусов? Меня даже в холодный пот бросило, когда представила, что у девушки, несмотря на все уверения Лиса, получилось заполнить сердце моего прохвоста.

Нет, его отвращение казалось самым что ни на есть непритворным, а потому хватит терзать себя понапрасну. Еще б ты из-за мужика снова расклеилась...

Постеливший себе на полу рядом с кроватью Заяц взял меня за руку перед тем, как погрузиться в сон, и я крепко сжала его ладонь.

Не переживай. Совсем скоро ты перестанешь страдать от одиночества. Уж я позабочусь об этом. Или же сгину, как остальные обращающиеся. Если не сделаю всё возможное для того, чтобы избавить вас от проклятья, то вполне заслуживаю такой участи.

Проснулась я посреди ночи от странного шума за дверью. Прислушалась. Скрежет, скрип, завывания и рычание окончательно отогнали сон прочь, и я свесилась с кровати, чтобы глянуть, не разбудили ли эти звуки хозяина норки.

Заяц лежал на спине, широко распахнув глаза и таращась в потолок. Неудивительно. Инстинкты, должно быть, проснулись вместе с ним и теперь заставляли сердце колотиться, как ненормальное.

— Это Волк, — просветил меня ушастый, переведя остекленевший взгляд на мое лицо. — Чую его. Похоже, снова с катушек сошел.

— И что собираешься делать? — задала я резонный вопрос.

— Ждать. Тебе страшно?

— Мне страшно, что тебя с минуты на минуту кондрашка хватить может.

На Зайца невыносимо было смотреть. Побледневший, с искусанными до крови губами и осунувшимся лицом. Пальцы нервно барабанили по дощатому полу, норовя продолбить в нем дырку насквозь.

— За меня не волнуйся, — поспешно заявил парень таким голосом, что у меня сердце защемило. — Просто спи спокойно.

Скептически изогнув бровь, я свесилась с кровати еще ниже и приложила руку к обнаженной груди оборотня. Он вздрогнул от неожиданного выпада с моей стороны, замер, а я убедилась в том, что побегайчик сейчас находится в шаге от разрыва сердца. И как только его организм выдерживает такую скорость сердцебиения? Обращение сказывается?

— Пожалуйста, не волнуйся, — повторил Заяц, взяв меня за руку и плавно убрал ее со своего тела.

— Ну нет, — потеряла я терпение, читая в его глазах вещи абсолютно противоположные сказанным словам. — Либо мы с этим разберемся, либо с этим разберусь я.

Шум за дверью и не думал прекращаться. Кажется, Волк собирался задержаться возле норки подольше. Виной ли тому мое присутствие? В последнее время я совершенно не верила в случайности. Всё в этом лесу взаимосвязано и соединено между собой невидимыми нитями. Хоть и утратил человеческий рассудок, но обида гложет. Что ж, недоразумение «родом не из деревни», до меня можешь докапываться, и я проявлю стальное терпение к твоим выкрутасам. Войду в твое положение, так сказать. Но если мой любимый Зайка в собственном убежище коньки отбросит, уж этого я тебе не прошу.

Встала с кровати, в полумраке направилась к печке и обнаружила там то, что искала — стальную кочергу, покрытую копотью.

— А теперь по мохнатому задку, — взяла я в руки предмет для наказания нерадивых оборотней, но Заяц стремительно пересек разделявшее нас расстояние и выхватил печной аксессуар.

— С ума сошла? — громким шепотом спросил парень. — Я, конечно, похвалил тебя за смелость и всё такое, но не к обращенному же Волку с этим!..

— Ковальски, варианты, — припомнила я знаменитую фразу из не менее знаменитого мультфильма, и кочерга снова переключилась в мои руки. Сама я заняла оборонительную позицию. — У тебя есть другие способы избавиться от озверевшей монстрятины?

— Не замечать ее, чтобы сама ушла, — оружие не массового поражения вновь оказалось в руках оппонента.

— Гениально, — буркнула я, но в этот раз кочергу подняли в вытянутой руке настолько высоко, что даже допрыгнуть было не реально.

— Если так сильно беспокоишься о моем состоянии, то есть способы его изменить.

— Какие же? — вызывающе уставилась я на ушастого.

— Отвлечься, — скромно ответил тот и вернул кочергу на свое законное место.

— Хорошо, — довольно быстро согласилась я. Честно говоря, мне самой не претила идея отгонять хищное животное кочергой от порога посреди ночи. — Как? Чем?

— Интересным разговором.

Мы оба подошли к кровати, уселись на нее, облокотившись на стену, и принялись активно размышлять о том, что же окажется интереснее шебуршащего за дверью Волка, готового сожрать нас обоих и глазом не моргнуть. Сердце Зайца до сих пор отбивало бешенный ритм, а руки дрожали.

— Вот что, — наконец, открыла я рот. — Расскажи мне о том, почему ты раньше постоянно на рожон лез. Когда еще в деревне жил. Мне Медведь всю подноготную на каждого из вас выдал, так что не отвертись.

— А, это... — замялся парень, принявшись тереть пальцы перед собой. — Ну... Наверное, хотел показаться крутым. Я ведь самый младший из деревенских. Мне и выделиться нечем было. Решил, что бесстрашие меня в глазах поднимет.

— Всё-таки тебе было страшно?

— Все боятся, — мотнул парень головой. — Но каждый своего.

— И чего боялся ты? До того, как тебе привили жесткий инстинкт самосохранения искусственным путем?

— Наверное... — задумчиво протянул собеседник, — ...быть непринятым. Остаться одному. И до сих пор боюсь этого сильнее всего. Была б моя воля, стал бы руководителем какого-нибудь крупного предприятия. Чтобы, как только на работу приходил, отбоя не было от просьб и жалоб. Чтобы в кабинет постоянно стучали, а телефон разрывался. Чтобы вокруг крутилось столько людей, что от них стало тошнить. Я периодически ворчал бы на них за то, что постоянно кому-то нужен. Так, для приличия. А сам был бы счастлив... до неприличия.

— Необычная мечта, — похвалила я, мягко усмехнувшись.

— А чего боишься ты? — адресовали мне тот же вопрос.

К счастью, ответ на этот вопрос у меня уже был заготовлен и довольно давно. Ответила без запиночки.

— Обмануться боюсь, — честно призналась я, обняв колени руками. Шум за дверью показался тише на фоне собственных мыслей. — Боюсь снова довериться человеку, который обведет меня вокруг пальца. Боюсь довериться тому, кто будет морочить мне голову, пока я слепо верю в каждое его слово. Это ужасно. Особенно, когда узнаешь об этом и понимаешь, какой дурой была.

— Печальный опыт?

— Антон, — процедила я сквозь зубы, но скоро спохватилась. — Да, был такой.

— Но в искренности Лиса можешь не сомневаться, — выдал Заяц, и я даже удивленно покосилась на него. Лицо его теперь сохраняло спокойствие. — Уж я-то знаю, что каким бы наглецом они ни был, исправно бегал в деревню на твои поиски. Он тебя не обманет.

Картина маслом «Прах в объятьях Лиса» вновь всплыла в моей голове, но я тут же постаралась размазать ее и избавиться от внезапного наваждения. С какой стати я вообще задумываюсь о таких вещах? Наши дороги точно разойдутся и никогда не сойдутся вновь. Мы — дети разных миров, насколько бы искренни ни были чувства прохвоста. Или же сейчас я вру самой себе? Запуталась. Я совсем запуталась, и мои опасения смешались с желаниями в неразборчивую кучу-малу. Он же почти ничего из себя не представляет. Дикарь с животными повадками, который в повседневной жизни только проблемы будет создавать. Еще тысячу раз пожалею, если решусь ответить взаимностью.

А какое будущее нас ожидает? Волк ведь прав. Как такому Маугли выжить среди железобетонных лесов? Собьет еще машина за переход в неполюженном месте и вся вина за неверное решение ляжет только на мои плечи...

...но сейчас на мое плечо легла голова Зайца.

Уснул. Уснул и мерно засопел. Сердцебиение выровнялось, несмотря на продолжающийся скрежет за дверью.

Я тоже расслабилась, положив свою голову на его и прикрыв глаза.

И всё-таки. Что же мне делать с Лисом и его ненормальными чувствами, объяснения которым я до сих пор не могла найти, сколько бы ни искала? Либо проклятье решит всё за меня, либо...

Когда утро постучалось в окна лучами теплого солнечного света, и я открыла глаза, Заяц уже бодрствовал. Его ласковая улыбка встретила меня еще быстрее, чем солнышко — напротив лица. Мы лежали на одной подушке. Вероятно, во время сна изменили положение.

Вместо того чтобы отпрянуть и заявить о наглom нарушении личного пространства, я улыбнулась парню в ответ и еще некоторое время мы так и лежали, глядя друг на друга и не решаясь произнести ни единого слова. Я могла вдоволь налюбоваться его по-детски милыми

чертами, заставляя время замереть на месте силой мысли.

Жаль, что только в мечтах, потому что часы с кукушкой оповестили меня о том, что погостила я в норке уже достаточно. Пора бы и честь знать.

Лицо Зайца исказилось так, словно оборотня больно приложили чем-то по голове.

Знаю, сутки кажутся ничем по сравнению с тем временем, что ты провел в одиночестве, но, пожалуйста, потерпи еще немножко. Совсем чуть-чуть и мы выберемся отсюда. Вряд ли такой обаятельный парень, как ты, останется в одиночестве до конца дней своих. Посреди улицы тебя поставит, отсчитать пять секунд, и первая кандидатка уже нарисуеться на горизонте. Жаль, что ты этого не понимаешь. Да и откуда? Тебя окружают одни зайчихи. И Прах, влюбленная в Лиса.

— Уйдешь? — шипло спросил Заяц, и я кивнула через силу, чем вызвала тихий стон огорчения, мурашками пробежавшийся по моей коже. — Может, еще один день? — огонек надежды на мгновение зажегся в его глазах, но потух, как только я поджала губы.

— Нам нужно спастись, — напомнила я, чувствуя, что сила земного притяжения в это утро действует особенно сильно и не позволяет даже голову оторвать от подушки. — Ты же понимаешь это?

— Да... Кн иг о ед . нет

Ну что делает со мной этот мальчишка? Щенок, выброшенный под проливной дождь в картонной коробке, и то меньше жалости вызывает, чем это длинноухое чудо с большими увлажнившимися глазками.

Однако внезапно распахнувшийся дверь Лис сработал эффективнее закона притяжения и заставил меня пружиной подпрыгнуть с кровати.

— Закрой дверь с той стороны, недоразумение ходячее! — закричала я, наблюдая за гримасой страха, исказившей прелестное личико Зайчишки. — Сейчас же!

— Бе-е-е, — показал рыжий оборотень язык, но, тем не менее, послушался и хлопнул дверью.

А во избежание его очередного визита, мне следовало самой подняться сейчас же и возвращаться в нору. Выслушать рассказ Лиса о текущем статусе нашей операции и в случае успеха начинать морально готовиться к сегодняшнему вечеру. Даже минувшая ночь была менее нервозна, чем то, что мне предстояло. Пан или пропал.

— Мы еще увидимся сегодня, — обернулась я к Зайцу, когда через пару моих шагов к двери пальцы мальчишки вцепились в белый подол. Пальцы его задрожали, безжалостно сминая ткань платья, но после глубокого вздоха нехотя опустили. И платье, и меня, и сутки, которые так быстро прошли.

Не оборачиваясь, я вышла к Лису и, прикусив губу, закрыла за собой дверь. Была почти уверена, что ушастый до сих пор полусидит на кровати, вытянув руку и замерев, а потому не хотела, чтобы такое печальное зрелище отпечаталось в моей памяти. Ласкающая улыбка куда приятнее. Ради нее я готова быть смелой. Смелой за нас двоих.

— У тебя такое лицо, словно голую тетю ты ему все-таки успела показать, — почесывая подбородок, заявил Лис, и я тут же стрельнула в него гневным взглядом. Затем мотнула головой, прогоняя лишние мысли, и бодрым шагом пошла вперед по тропинке. — Эй! Не с той ноги встала?

— Просто хочу, чтобы всё это поскорее закончилось. И для всех, — тихо произнесла я. — Лучше расскажи, как всё прошло с Прахом.

— Хм... довольно неплохо. Мне понравилось.

Я прошла еще несколько шагов, прежде чем резко притормозить и уставиться на Лиса, как на прокаженного. Но увидев широкую зубастую ухмылку и смеющиеся глаза, сжала кулаки и выдвинула челюсть настолько далеко, насколько позволяла анатомия.

— Ревнуешь? — рыжие ушки весело встали торчком. — Ревнуешь, да? Ревнуешь — значит любишь. Да, так и есть. Всё правильно.

— Бьешь — значит любишь, — процедила я сквозь зубы, и сунула кулак мужчине под нос. — И

так знаешь, что вся на нервах. Ты же чувствуешь. Животные это чувствуют, — добавила я, прищурившись.

— Ах, вот как... — театрально закатил оборотень глаза и облизнул верхнюю губу. — Животное? А хочешь узнать, что делает хищное животное с человеком, забредающим в лес?

— Лисы не едят людей, — отразила я атаку, продолжая тыкать Лиса кулаком.

— А я не обычный лис. Я заколдованный... — резко отодвинув мою руку в сторону, прошептали мне на ухо. Влажный язык скользнул по ракушке.

Голова закружилась, но мне и не понадобилось удерживать равновесие на ватных ногах. Оторвав меня от земли и подхватив за талию, оборотень прижал меня к ближайшему дереву и навис надо мной, рыча и шумно дыша.

Кажется, он решил доказать мне правдивость своих слов, потому что я ощутила, как клыки прикусили мое плечо. Не больно. Скорее щекотно и дразняще. Прикусывая мою кожу буквально по сантиметру, таким темпом зверёныш добрался до шеи, лизнул поджившую метку и с громким стоном выдохнул воздух из легких.

— Твоя ревность делает меня счастливейшим из животных, — хрипло усмехнулся Лис, заглянув в мои глаза и не увидев там ничего, кроме собственного отражения. Однако и этого ему было вполне достаточно. — Можешь считать, что я наелся этим чувством и только поэтому не откушу от тебя кусочек. Да и к тому же я не травоядный.

— Ч-что?.. — обескураженно проямлила я.

Прохвост в ответ звонко рассмеялся, опустил меня на землю так же стремительно, как поднял, и, медленно пятясь, начал отдаляться, насвистывая незамысловатую мелодию под нос.

Не травоядный?.. Это я что... трава?! Кажется, разговор о его визите к Праху медленно откладывается.

Глава 15. Надежда, объятая пламенем

Мы еще немного побесились, чтобы выплеснуть накопившиеся нервы, но к разговору о Прахе и вечернем ужине всё равно вернулись.

Хранительница с ходу согласилась устроить необычное мероприятие, хоть и удивлена была немало. Даже скорее визитом Лиса в свое скромное жилище, нежели тем, что оборотень предложил. Как всегда, милая и обходительная, девушка завалила мужчину самыми разнообразными вопросами о его повседневной жизни, на которые Лис терпеливо отвечал. Терпеливо, но нервно постукивая ногой под столом.

— Она вовсе не кажется такой ужасной, зачем же лицо так кривишь? — осведомилась я, перебив повествование рыжего. — Или тебя смущает усиленное внимание к твоей персоне?

— Меня раздражает то, что я уже давно всё решил, а она до сих пор никак не уgomонится. Как будто думает, что я могу изменить свое решение, но я же знаю, что не изменю. Чего же тогда она добивается?

— Моего обращения? — неожиданно для себя предположила я.

Было бы довольно логично, если бы соперница устранилась сама собой. Тогда назревает конфликтный вопрос: почему же Прах помогает мне справиться с обращением? Оттягивая его, она вредит самой себе и собственным желанием. Пока я здесь, Лис не пойдет ей на попятную. Или же у нее на меня особые планы?

После того, как я нашла свою сумку выпотрошенной, а Ветер поведал мне историю их взаимоотношений с хранительницей, доверяя к белокурой девушке у меня поубавилось. В разы. Хотя бы потому, что она скрывала от меня некоторые вещи. Или же лгала в лицо, как в случае со стихийным оборотнем. По ее словам, седьмого не существовало, но этот же седьмой помог мне сделать то, что не сумели другие. Однажды Волк сказал мне, что доверять в этом мире не стоит никому, но я поняла, что доверие — тоже вещь избирательная. И если все лучи правды пересекаются на лжи Праха, то что-то в этом есть. И я обязана в этом разобраться, если хочу попасть домой. И если хочу отправить по домам всех ребят.

— И с Волком, и с Медведем я уже договорился, — выудил меня Лис из раздумий.

— И как всё прошло с Волком?

— Ну... я был крайне удивлен бардаку в логове нашего городского чистюли. Похоже, он первый из нас решил поехать крышей. Но ему давно пора. Нисколько не удивлен.

Бардак в логове? В том самом, в котором блюлась идеальная чистота, а книги были аккуратно разложены по ровно прибитым к стене полочкам? Себе изменяют даже истовые педанты, если потусторонние силы вынуждают.

— Думаю, еще несколько дней он протянет, — озвучил свои опасения оборотень. — Но на этом всё. Ставили-то мы на Зайца.

— Ставили? На Зайца? — Мой голос дрогнул. — В каком это смысле?

— Нам казалось, что он обратится первый, — спокойно ответил Лис, нисколько не меняя интонации. — Слишком специфический у него образ жизни для человека и довольно подходящий для животного. Тем более, пересекаемся мы не часто. По моим подсчетам... уже несколько лет как должен был одичать.

— Сам ты одичал! — кинулась я на защиту мальчишки. — Заяц еще почеловечнее всех вас вместе взятых будет.

— Тебе так кажется, потому что он не излучает угрозы. Но обратишься целиком — и слопают. Заяц же травоядный, а ты...

Вымученно закатила глаза. Ну, нет. Второй круг за хохочущим Лисом я не собираюсь по лесу наматывать. Вечерок и так предстоит долгий и насыщенный. Лучше подготовиться к визиту в терем, а характер прохвоста уже ничего не исправит.

Как только мы переступили порог норы, оборотень огорошил меня в очередной раз за день:

— А сейчас мы будем учиться читать.

— Что-что делать? — непонимающе захлопала глазами, а рука Лиса указала мне на стопку из двух изрядно пожеванных плесенью книг, которые не так давно я собиралась выкинуть из жилища вместе с остальным хламом.

— Ты же говорила, что будешь готовить меня к жизни в цивилизованном обществе, — не скрывая едкой ухмылки, произнес хвостатый. — Когда, как не сейчас? Воду тебе сейчас погрею, всполоснешься, приведешь себя в порядок после своих авантур, а потом жду первого увлекательного урока.

«Если не последнего», — в сердцах подумала я.

Но время до вечера всё равно нужно было чем-то занять. Не сидеть же на чердаке, как прищитая, и еще сильнее себя накручивать. Читать так читать. Понятия не имела, насколько хороший педагог из меня выйдет, но по крайней мере Лис готов меня слушать, а это уже половина успеха. Даже больше.

В порядок я себя приводила долго. Водные процедуры в тазу с мытьем головы и вымыванием противной пыли с волос, стирка грязного платья на улице...

К сожалению, Ветер так и не объявился даже после того, как я осталась одна. Сколько бы ни кликала его, сколько бы ни ждала, фиалковые глаза в поле видимости не появились. Возможно ли, что мужчина с длинными прозрачными волосами обратился окончательно, когда помог мне спуститься с Сердца? Да, я была почти уверена в том, что не разбилась именно благодаря ему. Синяков и ссадин набила знатно, однако, жива. По имени я его в любом случае позову, как только узнаю, каким оно было при жизни, но вероятность того, что теперь мужчина поймет меня и услышит близилась к нулю.

Оставшееся время до рокового визита к Праху мы с Лисом провели за занятиями. Это создание мало того, что по слогам читало, так еще и не могло разобрать, о чем именно прочитало.

— Кни-га ска-зок, — вода пальцем по надписи на потертой обложке пробубнил оборотень, и губы его расплылись в блаженной улыбке, когда он перевел изумрудный взгляд на меня. Мол, смотри, как умею. А ты говоришь — дурак.

— А теперь слитно.

— Кни-га... — палец снова вернулся к первому слову.

— Слитно.

— Кни...га...

К счастью, я была готова к тому, что всё плохо. И даже к худшему. Хотя бы буквы он знал, и то хорошо. Оставалось научить его опознавать слова и наработать скорость, но это дело явно не одного дня и не двух тоже.

Если же в тереме Праха обнаружатся потерянные списки, то вряд ли наши занятия продолжатся. Или... Или я опять не знала, что делать со своим будущим и с будущим прирученного мною оборотня. Мы в ответе за тех, кого приручили. Значит ли это, что я останусь в ответе за Лиса даже после того, как его обращение сойдет на нет?

— Дол-го дол-го си-дел волк у про-ру-би, це-лу-ю ночь не схо-дил с мес-та, хвост его и при-мо-ро-зи-ло... — водил Лис пальцем по строчкам, нагнувшись над книгой так, что едва не тыкался носом в позеленевшие страницы.

— Солнце заходит, — прервала я его потуги, переведя взгляд на окошко, за которым дневное светило медленно скатывалось за зеленые кроны деревьев.

— Нет, подожди-подожди, — замахал оборотень рукой, не отрываясь от книги. — Хочу знать, чем всё закончилось.

— Всё равно почти ничего не понимаешь, — изогнула я бровь.

— Я понял, что над волком жестоко издеваются и мне это нравится, — посветлело напряженное лицо безжалостного Лиса. — Про-бо-вал бы-ло под-нять-ся, но не тут-то бы-ло...

— Разве, Прах не читала вам сказки в детстве? — вспомнились мне слова Зайца, и мужчина вновь отвлекся от чтения. Взгляд его потяжелел.

— Читала, но я почти ничего не помню. Не там были мои мысли. Эх, не та-а-ам.

Твои мысли были со мной, верно? Сказал бы раньше, что тебе так сказки нравятся, в которых над волками надругиваются, я бы почитала. В пять лет уже умела. Но история не имеет сослагательного наклонения. Ты был для меня просто лисёнком. Маленьким, беззащитным животным, ворующим курочку у тёти Лиды и по вечерам кладущего мордочку на мои коленки.

— Ладно. — Оборотень захлопнул книгу, так и не дочитав сказку до конца, и поднялся из-за стола. — Пора, так пора. Дочитаю потом.

Если сможешь дочитать. Один или вместе со мной. Скорее первое, нежели второе, если операция по поиску списков с греском провалится. Впервые я надеялась, что человек окажется хуже, чем я ожидала. Иначе никаких зацепок у меня не останется. Совсем никаких. А утрата надежды в этом мире чревата последующей утратой человечности.

Живот скрутило, когда мы вышли из норы, и я вдохнула горьковато-сладкий аромат теплого вечера полной грудью. От поднимающейся во мне тревоги.

Еще сильнее меня накрыло, когда мы вышли на полянку со стоящим на ней резным теремком Праха. В окнах ее дома горел свет, и всё со стороны выглядело настолько мирно и спокойно, что я засомневалась в словах Ветра. Или же в собственных предположениях.

Прах тоже настрадалась и не меньше остальных. Ребята многого не потеряли, оказавшись в Дремучем мире в столь нежном возрасте. Детский организм быстро адаптируется к изменениям. Что же касается хранильницы, ее история за пределами ловушки была побогаче. В подробности я не вдавалась, но не сомневалась в том, что утратила она многое. Местное проклятье не шадит никого.

Пришли мы первые. Гостеприимная хозяйка уже накрывала на стол, но, встретившись взглядом с Лисом, едва не выронила тарелки из рук.

Еще никогда не видела ее такой... красивой. Грусть в светло-серых глазах уступила место искренней радости, щеки порозовели, а губы растянулись в нежной улыбке. Белоснежные локоны лежали на плечах, а платице девушка сменила. Из пепельно-серого она переделалась в белое, под цвет волос. Теперь кожа ее казалась совсем фарфоровой и хрупкой. Будто рукой коснешься, и она тут же покроется мелкими трещинками.

— Ой, я еще ничего не подготовила...

На меня хранильница даже быстрого взгляда не кинула. Все ее внимание было сосредоточено на моем рыжем спутнике, уголки губ которого опустились вниз, как только терем Праха попал в зону его видимости.

— Ничего. Мы просто рано пришли, — небрежно ответил ей Лис, выделив слово «мы» настолько, что девушке все-таки пришлось скосить взгляд в мою сторону.

Не растерявшись, однако, она кивнула, указала на стол приглашающим жестом и скрылась в маленькой кухоньке.

— Мне нужно будет пошарить в ее комнате, — шепнула я оборотню, как только мы оба уселись на выбранные места напротив окна. — Как только все соберутся, подам знак, хорошо?

— Хорошо, — нехотя согласился с моим незамысловатым планом Лис, подпер щеку рукой и уставился на засыпающую природу в объятьях густых сумерек. — Только будь осторожна. Кто знает, что эта ведьма...

— Лай-ла-ла, лай-ла-ла... — напевала хранильница, вертясь на кухне.

— ...из себя представляет, — громким шепотом закончил мужчина, склонившись над моим ухом, но не отрывая взгляда от окна.

— Тук-тук! — пробасили за входной дверью, и почти сразу же в терем ворвался порыв легкого ветерка.

Порыв легкого ветерка...

— Прах, открыва-а-ай! — два тяжелых шнурованных сапога ступили на идеально чистый дощатый пол. Даже тарелки на столе затряслись от топота нового гостя. — Медведь пришел! О, вы уже здесь. Опять я проспал всё на свете.

— Ничего страшного, мы пришли только что — поспешила заверить я, а бородач, оставляя на полу комья земли, прошагал через всю комнату и уселся к нам за стол. Стул под внушительным весом Медведя жалобно скрипнул.

— Сколько лет, сколько зим, Лис, — хлопнули моего спутника огромной ладонью по спине. Да так, что рыжий чуть не уткнулся носом в салат. С трудом я удержала смех.

— Недавно виделись же, — отмахнулся от здоровой ручки Лис, как от назойливого комара.

— Но это же не мешает мне поинтересоваться, как дела у моего старого друга. Я уверен, — склонился Медведь над другим моим ухом, — что он жутко хочет мне обо всем рассказать. Просто стесняется.

— Так и есть, — с улыбкой ответила я.

Атмосфера с появлением Медведя сильно преобразилась в лучшую сторону. Даже я немного расслабилась, а Лис и подавно. Очень скоро они оба пустились в заливчатскую полемику на тему лучших мест для рыбалки, а как только температура жаркого спора увеличилась, на пороге объявился Волк.

Волосы его, прежде аккуратно уложенные, топорщились в разные стороны. Лицо заметно осунулось, губы стянулись в тонкую полоску, а на одежде местами виднелись следы грязи. Пара жухлых листьев, лежащая на плечах, довершала картину. Страшное зрелище.

Оборотень безмолвно прошел к столу, сел поодаль от нас и опустил глаза в пол.

— Привет, — нарушила я всеобщее молчание.

Взгляд, брошенный на меня исподлобья, вызвал приступ озноба. Прежний мягкий взгляд золотого паренька остался далеко в воспоминаниях. На меня смотрели глаза хищного зверя. Уставшего, больного, но готового наброситься в любой момент, если почувствует угрозу, исходящую от кого-либо из нас.

Погрустневшая физиономия Медведя оказалась еще красноречивее моих мыслей. Вот, кто хотел сберечь жизнь каждому из тех, что проживал здесь под его опекой.

Прошло еще минут десять. Прах уже заканчивала накрывать на стол, а Зайца всё не было. За окном потемнело, солнце уже давно уступило место луне, однако ушастый явно не спешил делить трапезу с хищниками. Но он же пообещал, что придет. Не мог не прийти. Если он не присоединится к нам, весь мой план полетит к чертям. Пожалуйста, найди в себе хотя бы капельку смелости. Я уверена, что хотя бы капелька ее у тебя осталась.

— Выйду, — встала я из-за стола, обогнула громоздкого Медведя и направилась к двери. — Посмотрю, может, пришел уже и зайти не решается.

— Вот еще, возиться с ним будешь... — раздраженно изрек Лис, но пропустив его слова мимо ушей, вышла на улицу.

И оказалась права. Трусливый мальчишка сидел на земле по ту сторону калитки, и кто знает, сколько бы еще он просидел там, не в силах бороться с навязанным инстинктом.

Выйдя к Зайцу за калитку, я присела рядом с ним. Даже не вздрогнул. Наверное, издали почуял. Запах ромашки в последнее время должен был перебивать человеческий.

— Так и будешь тут сидеть? — поинтересовалась я, подняв глаза вверх. Звездное небо над нашими головами казалось прекрасным, как никогда. Столько ярких звездочек, что вовек не сосчитать.

— Мне страшно, — хрипло отозвался оборотень и спрятал лицо, уткнувшись носом в коленки.

— Мне тоже страшно.

— Почему?

— Потому что за вас всех боюсь, вот почему. А в особенности за тебя. Боюсь, что сегодня ничего не получится, и мы останемся здесь насовсем. Только это не инстинкты. Это разумный страх. И он куда серьезнее того, что испытываешь ты.

— Но это ничего не меняет! — плаксивым голосом заявил парень.

А глянув на его лицо, я увидела, что оборотень едва сдерживается, чтобы не разреветься. В больших глазах застыли слезы, нижняя губа дрожала, а взбесившийся ритм сердца был слышен даже так, без всяких стетоскопов.

— Это меняет всё, — спокойно ответила я ему.

Не сдержался. Разрыдался, прижавшись к моей груди. Все ободряющие слова вылетели у меня из головы, а рука легла на серебристую макушку. Ну что же, что же с тобой делать, ежик ты дрын?..

— Меня так трясет... так трясет, что я не могу этого скрыть... — делился со мной мальчишка, сминая подол платья влажными от пота руками. — Я так хочу... так хочу зайти и сесть со всеми... так хочу, но мне кажется... кажется, что я упаду, как только порог переступлю. Мне так страшно, так страшно...

Жалость моя достигла того апогея, когда я была готова отправить его обратно в норку и будь, что будет. Лишь бы с ума не сходил, лишь бы не плакал, но я пересилила эту жалость. Заяц нужен был мне здесь. Если я найду списки, я должна буду сообщить ему имя. Сразу, во избежание инцидентов, которые при всей моей природной неудаче могли произойти. Должна, обязана, так надо.

— Говорил, что будешь защищать меня, — решила задеть я его за живое. — Так и знала, что не справишься.

Он поднял на меня заплаканные покрасневшие глаза, всхлипнул и застыл, казалось, взвешивая все «за» и «против». Я заранее чувствовала, какой выбор он сделает. Не могла я обмануться в своем любимчике. Однако мысленно просила у парня прощение за то, что перед таким непростым выбором его поставила.

— Всё будет хорошо. — Не удержалась и чмокнула Зайца в широкий лоб. — Я буду рядом. А на случай, если начнут паясничать... знаешь, у Праха же тоже есть кочерга. Мало им не покажется.

Легкая улыбка осветила милое личико мальчишки. Я медленно отстранилась, встала из земли, отряхнула платье и протянула оборотню руку. На мгновение он задержал на моей руке взгляд, но затем уверенно взялся за нее и поднялся.

— Всё у нас получится, — заверила я. — Верь в себя. И в других тоже.

— Верю, — коротко кивнул Заяц, и уже через минуту мы стояли на пороге терема, распахнув дверь.

Взгляды всех собравшихся в помещении обратились к нам, и ушастый сжал мою руку крепче. Так, что чуть не онемела. Ничего. Потерплю. Лишь бы Зайка меньше нервничал, а придется ему этим вечером не сладко. Попробуй побороть инстинкт самосохранения, когда лохматый полуобращенный Волчище тарашит на тебя голодные глаза. Тут и я струхнула бы на месте Зайца.

Пройдя к столу, так и не отпуская руку трусливого оборотня, я уселась рядом с Прахом. Медведь подо двинулся к Лису, а Заяц робко уселся между ним и мной.

Ну, насчет Михайло точно можно было не переживать. Во-он, как заботливо новоприбывшего осматривает. Отеческим взглядом. Лучше и не скажешь.

Но с этого момента операция по поиску списков переходит на новый этап, а именно — отвлечение Праха. Следовало немного подождать, чтобы не вызвать лишних опасений со стороны хранительницы, а затем пробраться в ее комнату, скрытую от основной части терема рядами подвешенных бус.

— Кушайте, не стесняйтесь. Здесь для всех рацион найдется, — благодушно пригласила хозяйка к началу поздней трапезы.

Разумеется, два раза повторять было не нужно.

Но почему-то ни вчера, ни сегодня голода я не испытывала, хотя не ела почти ничего. Похоже, обращение уже затронуло мой способ поглощения питательных веществ, и теперь я, как истинный йог, питалась праной. В простонародье — солнечным светом. Кожа позеленела, а значит, и хлорофилл в ней появился. Фотосинтез, чтоб его.

Молча ели недолго, а тему для разговора завел Медведь. Причем тему такую, что могла растянуться на весь вечер. Детство.

— Раз уж собрались, то давайте-ка тряхнем стариной. Помните, как Заяц сливы с огорода Борисовых воровал и на заборе повис на трусах?

У меня еще оставалось время морально подготовиться к проникновению, а как только все оборотни подключились к обсуждению веселых деньков вне клетки Дремучего мира, я легонько пнула Лиса носком туфли по ноге. Мужчина понял всё без дальнейших намеков с моей стороны. Встал из-за стола, тенью подошел к Праху, шепнул ей что-то на ушко, и они оба вышли из терема.

Заяц уже не держался мертвой хваткой за мою руку, а потому я и сама без проблем выскользнула из-за стола. Выскользнула и сразу же скрылась за занавеской из бус, оказавшись в полумраке комнатки Праха.

Еще одна керосиновая лампа и пачка спичек лежали на прикроватной тумбочке, и я поспешила воспользоваться удачной находкой. Зажечь лампу удалось не сразу, поскольку я вообще не понимала, каким образом работает такое древнее устройство освещения. А как только зажгла, тумбочку же первым делом и проверила. Результат поиска — две книги. Пролистав обе — ничего.

Письменный стол был завален разнообразными свитками и книгами. Пузырек с чернилами, перья для письма, талисманы, амулеты, камни, свечи... чего там только не было. Но я искала листы бумаги. Самые обыкновенные, привычные глазу простого земного обывателя, формата А4.

Стараясь сильно не вредить содержимому стола, обшарила всё, до куда могла дотянуться. Безрезультатно. Списков нет. Уж не накрутила ли я себя зря в отношении Праха? Но если она невиновна, то мы пропали. У меня нет никаких других предположений!

Заглянула под кровать, под стол, под прикроватный коврик. Оставался только комод для одежды. Пospешила к нему. Понятия не имела, сколько времени Лис сумеет украсть у хранильницы, но поторопиться следовало в любом случае. Каждая минутка дорога в этом безумном мире.

Первый ящик — пустой. Второй — аккуратно сложенные платья, под каждое из которых я заглянула. Ничего из того, что мне было нужно. Третий... третий.

Сердце пропустило удар. Под стопкой постельного белья лежали белые листочки с отпечатанными на принтере именами пропавших без вести. А также всё содержимое моей сумки: помада, кошелек, ключи от дома, блокнот для записей, ручка... всё-всё. Но кроме списков меня ничего не интересовало. Схватила их, поднесла лампу поближе. Ох, как же заколотилось мое сердце. Не медленнее, чем у Зайца в окружении хищников. Первые четыре имени, первые четыре имени...

Станислав Берлогин

Павел Волков

Антон Лисанов

Артём Зайчук

Я в мгновение ока разобралась, кто есть кто, но не сумела удержаться от нервного смеха даже в такой щекотливой ситуации.

Антон! Всё-таки Антон! Вот зараза-то рыжая... А я знала! Знала! Как же так, как же так? Ладно, сейчас не время, не время. Осталось последнее имя.

Принялась лихорадочно бегать по спискам глазами, высматривая подходящую «воздушную» фамилию для Ветра, однако в самой середине наткнулась только на одно имя, которое вполне соответствовало его обладателю.

Александр Ветряков

Есть! Есть! Нашла, всёшла!

Последний листок следовало сложить в несколько раз или смять, чтобы зажать в кулаке, потому что в самом его конце — мое имя. Кто знает, что произойдет, если я прочту его сейчас? А потому нужно было перестраховаться и...

Внезапно листы вырвали из моих рук. Керосиновая лампа от неожиданности упала на пол и, не разбившись, покатила по нему, а передо мной праведным гневом горели ледяные глаза Праха. От прежней кроткой и добродушной девушки не осталось и следа. Лицо ее исказила гримаса ненависти, да такой, что я охнула и отступила на шаг назад, упершись спиной в письменный стол.

— Ты! Тупая недалекая уродка! — выплюнули мне в лицо, сминая листы в руках.

А вот сейчас обидно было. Может, я и не красавица, но не уродка точно. Как же ее накрыло, господи. Вот, как выглядит по-настоящему отчаявшийся человек.

От шока я отошла только тогда, когда Прах кинулась прочь из полумрака комнаты. Куда? Куда она? Что собирается сделать со списками?!

— Держите ее! Держите! — запоздало вскрикнула я, выскочив из комнаты, брэнча занавеской из бус.

Действительно, запоздало. Всё, даже Волк, ошалело уставились на обезумевшую хранительницу, вставшую перед печкой на карачки и запикивающую листы в огонь.

— У нее же!.. У нее... списки... — закончила я полупрошептом, протянув к Праху дрожащую руку.

Однако когда девушка обернулась ко мне, я увидела, как белые листочки уже занялись веселым пламенем. Но мое имя... мое имя... оно ведь...

Лицо мое исказила судорога боли. Такой моральной боли, что прежде никому и не снилась. Взглянула на Лису, лицо которого несколько не отличалось от моего. Наверное, он подумал, что и его имя навсегда останется забытым, но я его помню. Помню! А вот свое...

Натянув на лицо ненормальную улыбку человека с последней стадией шизофрении, Прах выпрямилась, не отрывая от меня взгляда остекленевших глаз.

— Видела, да? Ты всё видела, да? — едко процедила она сквозь зубы.

— Видела... — честно ответила я.

— Но свое имя... свое имя ты не видела, да? Не видела, да? — ее улыбка стала еще шире, хотя куда уж шире. А глаза и вовсе чуть не вылезли из орбит. Не получив от меня ответа, безумный смех хранительницы разорвал пространство. — Тогда ты поймешь, что такое одиночество... И сгинешь! Сгинешь здесь! Сгинешь здесь в одиночестве!!!

На последнем ее слове ноги девушки подкосились, но не от слабости. Просто первым, кто утратил спасительную надежду, оказалась сама Прах. В считанные секунды ее тело рассыпалось в мельчайшие серые частички.

Только горка праха осталась лежать на полу вместо бывшей хозяйки терема. А мое собственное имя уже превратилось в пепел. Она забрала его с собой. Она забрала его!

Глава 16. Последние слова Лиса

Я осела на пол, усыпанный тем, что осталось от хранильницы, и прикрыла лицо руками. Кричать хотелось от накатившей волны ужаса, плакать навзрыд, но немой крик застрял в горле, а слезы почему-то отказывались течь. Все мои надежды на то, что списки имен помогут мне выбраться из ловушки, канули в Лету. Похоже, мне с самого начала не суждено было вернуться.

— Это были... — нарушил благоговейную тишину сиплый голосок Зайца, — ...списки? Те самые? Она... сожгла их?

Его голос отвлек меня от моральных терзаний, и я, подняв голову, взглянула на четвертых ребят, застывших у накрытого стола.

— Не убивайся, — пробасил Медведь, увидев мое скривившееся лицо. — Мы найдем другой способ. Обязательно найдем. Свет клином не сошелся на этих списках.

Прах рассыпалась прямо у них на глазах. Вторая мать, самопровозглашенная хозяйка этого леса, но, обратившись окончательно, еще и унеся с собой средство избавления от проклятья, перестала иметь для них всякое значение.

Но они всё равно не теряли веры! Их глаза, как и прежде, светились тупой решимостью. Даже не зная о том, что их-то имена я прочла, оборотни не сомневались, что выберутся отсюда. В отличие от меня... Глупость? Или же смелость ими руководила? Понять было трудно, но кое-что до меня все-таки дошло. Надежда есть всегда. Сожженные мосты всегда можно отстроить заново.

Однако решила не тянуть. Всхлипнула, сглотнула подступивший к горлу комок тошноты, отронила мысли о собственном заточении и переключилась на ребят. Я нужна им. Я нужна им сейчас больше, чем кто-либо.

— Станислав, — сорвалось с моих губ, когда мой взгляд снова переключился на Медведа. — Это... это твое имя. Станислав.

Три пары глаз оборотней уставились на растерянную физиономию жителя берлоги. Понимание не сразу промелькнуло на его лице, но немного погодя рот раскрылся, брови взметнулись вверх, а огромные ручищи сжались в кулаки.

Момент, и тело Медведа начало медленно исчезать. Становиться всё более прозрачным, незримым, как и тело Ветра.

Я вымученно улыбнулась. Работает. Похоже, всё работает, как надо. Мир сам выставляет обхитрившего его человека. Человека, вопреки амнезии, узнавшего собственное имя. Выпускает его из объятий проклятья в тот мир, из которого тот явился. По крайней мере, мне хотелось думать именно так.

Когда мужчина растаял в воздухе полностью, от макушки до пят, я переключилась на следующего узника.

— Павел, — обратилась я к Волку. — Это твое имя.

Почти закончивший метаморфозу обращения, оборотень сжал губы. На глазах его выступили слезы, и он поспешно принялся стирать их тыльной стороной исчезающей ладони. Только потому, что настоящие мужики не плачут.

Да, я знала, каких усилий ему стоило находиться здесь. С какой верой в безоблачное будущее он жил и с каким счастьем покидал эти земли. Была довольна хотя бы тем, что сумела помочь Волку наконец-то оказаться в своей среде. Возможно, он забудет меня. Возможно, будет помнить всегда. Главное — он останется жить и здравствовать среди таких же умных и начитанных людей, как и он сам, не зная деревенских забот.

— Артём, — продолжила я список, пропустив одно имя, и заглянув в большие жалостливые глазки Зайца. — А вот это уже твое имя.

— Ромашка! — в ту же секунду сорвался ушастый с места, кинулся ко мне, прижался к груди, но возвращение уже было не остановить. Его тело медленно теряло связь с этим миром, перемещаясь в тот, из которого родом. — А твое имя? Ты посмотрела свое имя? Посмотрела? Скажи же, скажи!

— Всё будет хорошо, Зайка, — ободряюще ответила я ему, поглаживая по растрепанным волосам. И поглаживала до тех пор, пока оборотень не растворился полностью.

Когда взгляд мой переместился на Лиса, мужчина яростно замотал головой.

— Не надо, молчи. Молчи, я сказал! — прикрикнул он, когда я уж было открыла рот. — Твое. Имя. Если ты всё еще здесь, значит, не прочла его. Я прав? Прав?

Я не ответила. Не знала, что ответить. Правду? Правда слишком горькая, а сладкая ложь здесь не прокатит. Лис, действительно, был прав. Если я всё еще здесь, то имя мое сгорело в печке, подброшенное туда рукой обезумевшей от горя Прахом.

— Тогда не говори. Забудь его, — приблизился ко мне Лис, присел рядом и взял меня за руки. — Ты же знаешь, я хочу быть там, где ты. Не важно, здесь или там. Вернуться без тебя... какой же в этом смысл? Какой смысл?

Всё равно произнесу его имя. Всё равно отправлю его. Никого из мальчишек не оставлю в ловушке, раз уж нашла способ спасти их. А тебя особенно. Может, буду проклинать тебя до конца своих дней за то, что перенес меня сюда и сделал вечной пленницей проклятья. Но при этом буду жить и знать, что ты в безопасности. Что ты не обратишься, что всего у тебя будет вдоволь в цивилизованном мире. Уж ты-то обязательно выкарабкаешься из всех трудностей, что тебе судьба уготовила. Потому что ты замечательный.

— Не говори, — тень пролегла на лице Лиса, когда невидящим взглядом я уставилась куда-то сквозь него. — Слышишь меня? Я же... я же... Ай, да что я как мальчик маленький? — звонко хлопнул он себя по лбу и схватил меня за плечи. — Я же люблю тебя.

— Антон, — прошептала я.

— Ничего не слышу! Ничего не слышу! Бла-бла-бла! — зажмурился он, закрыл уши ладонями и затряс головой.

— Антон! — проорала я, что только было сил. Аж в горле запершило. — Антон! Антон ты! Антон! Антон! Антон!

Я кричала и кричала, срываясь на хрип и трясая мое рыжее недоразумение за плечо. И хотя Лис продолжал причитать, что ничего не слышит, ну ничегошеньки не слышит, его растворяющееся в пространстве тело говорило совсем обратное.

— Я вернусь за тобой, — оставил он свои пляски, повалив меня на пол и нависнув надо мной. Как призрак. Только изумрудные глаза посверкивали в тускло освещенной комнате. — Обязательно вернусь, слышишь, ты?!

Ответила ему слабой улыбкой и легким кивком.

Вернешься, если к тому времени я не стану одним из белоснежных жителей ромашкового поля. Хрупких, ароматных, на тонком зеленом стебельке. Интересно, после всего произошедшего, сколько мне еще осталось пребывать в своем теле с крохотной толикой человечности?

Губы Лиса коснулись моих, но едва я почувствовала их прикосновение, мужчина исчез. Все исчезли. И осталась... осталась лишь я одна. Последний разумный житель зачарованного леса.

Тянулось ли время, бежало или остановилось на месте — всё это было мне одинаково безразлично. Распластавшись на полу морской звездой, я смотрела в потолок узорного терема, а голова моя опустела. Познала нирвану, наверное, о которой столько толков в буддизме идет. Ни одной мысли. Ни умной, ни идиотской. Черным-черно в сознании.

Не знаю, как долго я ее познавала, отрешившись от всего и всех. Час, два, может, три. Как я уже сказала, время для меня стало чем-то несущественным. Чего толку от него, если никуда не тороплюсь и не опаздываю? Отпуск мой закончится здесь. Как и жизнь. Жизнь, длинную в отпуск. Отпуск, длинную в жизнь.

Найдя в себе силы, привстала. Окинула помещение изучающим взглядом. Так тихо и спокойно, словно еще недавно стены здесь не содрогались от громкого хохота Медведя, быстрого стука сердца Зайца, приглушенного рычания Волка и раздраженного фырканья Лиса. И будто бы Прах не бегала туда-сюда с кухни в комнату и обратно, пока ее воспитанники стремительно объедали стол.

Не в состоянии больше находиться в тереме, я вышла на крыльцо. С трудом, потому что ноги заплетались.

На улице было так же тихо, как и в доме. Привычный стрекот сверчков, уханье совы и волчий вой совсем близко — единственные звуки, оповещающие о том, что в этом лесу еще теплятся жизни помимо моей. Однако с представителями животного мира особо не поговоришь. Осталось дожидаться того момента, когда начну различать шепот сородичей на поле. А затем момента, когда присоединюсь к ним. Их много. Возможно, я не буду такой одинокой, как кажется на первый взгляд.

Спустилась с крыльца. Легкий ветерок ласково затеребил мои волосы, и я вспомнила об еще одном обращающемся, которого не отправила отсюда восвояси.

— Ветер, — позвала я оборотня, который за такое короткое время успел стать мне хорошим другом. Молчаливым, тихим, но перевернувшим всё с ног на голову. Именно ему я обязана спасением мальчишек и настал час благодарности. — Александр. Тебя так зовут. Александр.

— Спасибо, — проникновенный шепот над моим правым ухом оповестил меня о том, что я все-таки успела. Успела вернуть всех, даже если сама стала жертвой обстоятельств.

Но куда теперь идти? Что делать? Пытаться выжить здесь? Для чего? Не лучше ли опустить руки и сдаться на немилость мира-пожирателя? Рано или поздно всё равно заполучит мои душу и тело.

Ватные ноги несли меня прочь от терема. Вышла за калитку, оставив ее открытой нараспашку. Никто не заберется в дом. Некому. Направилась по тропинке туда, не знаю куда. Найти то, не знаю что. Куда глаза глядели. Короче говоря, не имея никакого понятия о цели своего блуждания в темноте.

По пути в никуда наткнулась на волчью стаю. Совсем недавно они готовы были разорвать меня на куски, а теперь пробежали мимо. Я больше не пахла, как человек. Для них я была просто ромашкой, которая почему-то до сих пор передвигается на своих двоих.

Теперь сумасшествие Праха не казалось мне такой странной и неожиданной вещью. Я вполне понимала ее. И Зайца начала понимать, пальцы которого отчаянно цеплялись за мое платье в норке, а сиплый голосок жалобно умолял не оставлять мальчишку одного. Я понимала Медведя, взвалившего на свои плечи непомерную вину за произошедшее с ребятами. Волка тоже постаралась понять, ведь его тяга к человечности оказалась обоюдоострым мечом: задержала начало превращения, но ускорила его завершение. А Лис... Лис нашел во мне избавление, сам не заметив, как это перерастает в нечто большее. Плутал в своих чувствах долго-долго, пока наконец-то не вышел на правильную дорогу. Поздно. Но за смелость я тебе благодарна.

Сама не заметила, как вышла на ромашковое поле. Прошла мимо маленьких цветочков столько, сколько еще могла пройти. Остановилась, легла на спину и устремила взгляд в черное небо, грозно нависшее надо мной.

Из этого приключения я выяснила для себя очень многое и начала задумываться о таких вещах, о которых прежде думать и не собиралась. Например, о смысле жизни. В чем смысл моей жизни, Заяц? Наверное, он был в том, чтобы сберечь жизни четверем обреченным узникам, которые на протяжении двадцати двух лет не теряли надежды выбраться из заточения, пусть возвращение домой казалось такой невероятной и неисполнимой мечтой.

А еще я осознала, что благодаря поддержке, сочувствию и пониманию можно справиться практически со всем. Со страхом, болью... древним проклятьем.

И ведь совсем не ощущала себя жертвой. Очень даже наоборот. Если бы не попала сюда, потеряла бы многое, как ни странно. И многого бы не обрела. Я верила в то, что воспоминания о моих оборотнях останутся со мной даже после того, когда я изменю свое обличье.

Главное, что я сделала всё, что могла. Всё, что было в моих силах. И не жалела об этом. Ни капельки.

— Антон, — усмехнулась я, перевернувшись на бок, и провела кончиками пальцев по нежным белым лепесткам. — Эх, не для тебя моя ромашка цвела...

Нужно было назвать тебя Евпатием. Вот умора была бы... И почему я не додумалась?

Глава 17. Это мой натуральный цвет!

Месяц спустя...

Поставила тяжелое ведро на землю и крикнула от натуги. Еще одно наполнить и можно идти домой. До следующего утра воды должно хватить, а если и не хватит, то вечером схожу еще раз. Время бы для этого нашлось.

Сегодняшнее мое дневное расписание пестрело, как никогда. Снять урожай возле берлоги, протереть пыль в норке и логове, вымыть посуду в норе. Особенно этот противный чугунный горшочек, на стенках которого застыл вековой слой жира. Хоть по годовым кольцам этот слой стирай и можно понять, как долго посудой пользовались. Бе-е-е...

Подцепила второе ведро за крючок и опустила в колодец.

Бульк-бульк-бульк.

Тряхнула белоснежной шевелюрой, когда отросшая челка упала на глаза, и чихнула из-за попавшей в нос пылицы. Ромашка, чихающая от собственной пылицы, вот смеху-то. Хоть кто бы другой посмеялся, а я уже устала.

Мои темно-зеленые пальцы вытащили наполненное водой ведро из недр колодца, поставили его рядышком с собратом, а у меня была еще минутка в запасе, чтобы отдышаться.

— Вот так всегда, — вздохнув, проворчала я. — Не нужны тебе мужики — держи пятерых, а как понадобились — так ни одного на горизонте. Таскай, прибирайся, готовь, грядки пропалывай в позе собаки.

Да, я ворчала. Ворчала часто, но день за днем выполняла обязанности, о которых меня никто никогда не просил. Просто для того, чтобы был смысл вставать с утра с кровати и встречать новый день. Лечь бездыханным трупиком на ромашковом поле можно всегда, а ты попробуй хозяйничать в нескольких домах одновременно, еще и расположенных в разных частях леса.

— Ну, взялись...

Подняла оба ведра, заполненные до краев, чтобы уж наверняка хватило на день, и кривоногой черепашкой отправилась в нору. Бывший дом Лиса и мое нынешнее пристанище.

Про терем даже вспоминать не хотелось. Конечно, в записях и книгах Праха я покопалась. Ничего полезного там не нашла. Забрала все съестные припасы, несколько канистр керосина для лампы. То, что осталось от хранильницы, собрала в горшочек, стоящий на печке, и развеяла по ветру в жутком подлеске. У этого места была особая энергетика и, возможно, душа девушки всё еще витает здесь неприкаянным духом. Жалко, ну а что поделать? Этот мир не любит слабаков, и в этом жестоком факте убедились все, кому «посчастливилось» попасть в его пределы.

Вот и я старалась не падать в грязь лицом. Не упаду, и не надейся.

Верила ли я в то, что Лис вернется за мной? Пятьдесят на пятьдесят. Сначала слепо верила, но прошло уже столько времени, что стала сильно сомневаться в исполнении обещанного. Скорее всего, дело было не в нем, а в самом мире. Не пускал он его обратно. Никого не пускал. Обхитрили — и до свидания.

Почему же я всё еще не обратилась? Этого тоже не знала, но ежедневная рутина не давала заскучать и опускать руки.

В горле резко запершило. Опустила ведра, которые с глухим стуком встретились с землей, закашлялась. Несколько маленьких белых лепесточков вырвались из моего рта вместе с кашлем, что в последнее время явлением было частым. Вновь взяла ведра в руки и пошла. Дел еще много, не до ипохондрических мыслей мне.

Когда в поле зрения появился домик, тот самый, с маленькой комнаткой на чердаке, меня вновь посетила глупая и наивная мысль о том, что Лис там. Сейчас приду, и начнется очередной разнос: «Почему ушла так рано? Почему не предупредила? Ах ты такая-сякая». Поорет, навернет несколько кругов по комнате и раздраженный уйдет на охоту. Вечером вернется, как ни в чем не бывало, и снова начнет выносить мозги.

Прекрасно. Слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

Поставив ведра на крыльцо, отворила дверь и внесла их внутрь. Стерла пот со лба. Несмотря на занимающуюся осень, деньки нынче стояли жаркие. Занимающуюся осень... Урожай, урожай в берлоге! Надо поторопиться, пока яблоки не сгнили. Хоть и есть их некому, а не пропадать же добру. Варенье сварю. Без понятия, правда, каким образом оно варится, но никогда не поздно воспользоваться проверенным методом научного тыка. Самый действенный метод в моей ситуации.

Перетащила ведра к пустым железным бачкам, которые при прежнем хозяине были наполнены доверху. Мне бы столько силы, сколько Лису... может, и с делами быстрее управлялась бы.

Отодвинула массивную крышку с одного из бачков, взяла в руки ведро, подняла, наклонила...

И свет внезапно померк. Темным-темно стало. Обращаюсь? Обращаюсь?! Нет, а как же урожай? Урожай!

— Угадай, кто.

Только сейчас я поняла, что померкший свет — прямое следствие того, что чьи-то руки прикрыли мои глаза. Чьи-то... руки. Большие, теплые, мягкие.

Отпустила пресловутое ведро в свободный полет, которое со звоном приземлилось на пол и покатило по нему, расплескивая воду.

— Лис? — одними губами прошептала я, словно во сне, и коснулась мужских рук пальцами. Нежно провела по его коже, не веря в собственное счастье, растянула губы в глупой улыбке.

А я сомневалась... Сомневалась, думая, что навсегда останусь здесь в одиночестве. Пообещал и вернулся. Как? Да какая, собственно, разница? Это дело десятое. Главное, что здесь. Здесь со мной.

Не выдержав томительного ожидания, резко развернулась, прикрыла глаза и коснулась его губ своими губами. Слившись в нежном поцелуе, мы забыли и о длительном расставании, и о проклятье, до сих пор висевшем над Дремучим миром, и обо всех остальных оборотнях. Подождут. Все подождут.

Сильные руки прижали меня к горячему телу, а поцелуй углубился так, что голова пошла кругом. Не сдержала тихий стон. Тот сорвался с губ, чем вызвал улыбку на лице оборотня. Или теперь уже человека? Возможно, возвращение домой лишило Лиса и ушей, и хвоста, и всех прочих атрибутов принадлежности к животному племени.

Наконец-то смогла оторваться от его губ, приоткрыла глаза...

Ей-богу, лучше бы не открывала. Провалиться захотелось сразу же под пол и под землю, как можно глубже и туда, где похолоднее.

— З-заяц? — проблеяла я, взглядевшись в знакомое миловидное лицо.

Всё еще миловидное, но немного возмужавшее. Глаза его из серых преобразились в карие, волосы приобрели теплый пшеничный оттенок. Длинных ушей не наблюдалось. А еще вымахал на добрых полторы головы. Да он стал выше Лиса! И голос погрубел. Прежнего Зайца я узнала бы сразу, стоило ему только рот раскрыть, а теперь... М-да, ситуация.

— Ждали не меня, — с неловкой улыбкой констатировал он.

— Эхе...

Не знала, куда глаза деть. Ну а в первую очередь отодвинуться, конечно!

Должно быть, толкнула я парня слишком сильно и резко, потому что, покачнувшись, он уставился на меня с такой затаенной грустью и болью в глазах, что пришлось упереть взгляд в пол и прикусить губу.

— Я всё еще быстрее всех, — произнес Заяц, сильнее растягивая натянувшуюся струной атмосферу вокруг нас. — Но несколько не жалею об этом.

Моего непонимающего взгляда, переведенного с пола на светившееся уверенностью лицо парня, хватило, чтобы он пояснил:

— Забудь всё то, что я говорил тебе о Лисе, — ухватился он за ткань серой толстовки, оттягивая ее на груди. — Потому что я кое-что понял. Кое-что очень важное. Не имеет значения, как долго он тебя ждал. Никакого значения, если я тоже готов на многое и...

— А вот и Медве-е-едь! — дерзко распахнул входную дверь крепкий бородач в широкой клетчатой рубашке. Мало чем изменился. Разве что бородачка поредела и в весе поубавил.

Не закончив свою речь, Заяц вынужденно замолк, но взгляд его красноречиво дополнял сказанное. И не сказанное тоже. Извините, товарищ ушастый-безушастый, но я всё еще не отошла от шока, подарив долгожданный поцелуй не тому, кому планировала. Если и над исповедью твоей задумаюсь, так и вовсе со стыда сторю прямо здесь, спалив при этом дорогую сердцу нору.

Волк вошел молча. Просто с улыбкой кивнул мне. Его темные волосы снова были аккуратно уложены. Тело обтягивал черный свитер, на ногах — джинсы с подворотами и черные спортивные кроссовки.

Лис объявился последним и рыжим его теперь точно не назовешь. Привычная рыжина уступила место темно-русому оттенку, об отсутствии звериных ушей и пушистого лисьего хвоста и говорить нечего, а от надписи на белой футболке чуть слезы не выступили:

Сколько ни меряй — ого-го!

В общем, обращение в человека его придурковатый характер не изменило. Издалека видно. Но в этом и состоял шарм этого мужчины. Честно говоря, мне совсем не хотелось, чтобы он повзрослел, посерьезнел и поумнел. Пусть остается таким, и моя жизнь больше никогда не заиграет черно-белыми красками.

— Чего? — широко расставил он ноги на пороге и скрестил руки на груди, когда я глазами уже могла прожечь в избраннике дыру. — Это мой натуральный цвет! Нравится? Даже если нет, — не дождался он ответа, — тебе всё равно придется с этим жить, так что расслабься.

И черт меня дернул глянуть на Зайца, взглядом испепеляющего новоприбывшего. Поджал губу, прищурился. Впервые видела своего любимчика таким... грозным. Каждая клеточка тела напряглась. Не к добру. Ой, не к добру...

— Вы где пропадали? — решила я сразу перейти к делу, пока четверка «закадычных» друзей не разбуянилась. А они могут. Вполне могут.

— В городе, — заявил Волк, комично задрвав подбородок. — Готовились к последнему рывку.

— К какому еще рывку? — скептически осведомилась я. — Как вы туда попали? — Но куда больше меня волновал следующий вопрос: — Как вы там... выжили?

— Приятель помог, — пробасил Медведь, усаживаясь на стол пятой точкой. — Кстати, с деньгами тоже. Во избежание разбирательств, деревню мы миновали. Сначала закончим дела в этом мире, а потом перейдем к следующему. Тут хотя бы бюрократии нет.

— Бюрократии, — деликатно поправил Волк.

— И этого тоже, — скорчив серьезную мину, кивнул бородач.

— А приятель тогда откуда?

— Из этого самого, — кивком указал Михайло на дверь.

Человек, незамедлительно объявившийся в дверях и привалившийся к дверному косяку со смехом в голубых глазах и легкой улыбкой на губах, заставил меня окончательно утратить связь с реальностью.

Высокий платиновый блондин с волосами ниже лопаток, женственными чертами лица и темными бровями. Белая рубашка, расстегнутая на груди, была короче, чем в наши прошлые встречи — до бедер. Рваные джинсы, берцы с белыми шнурками в этот раз придавали его виду больше агрессии, нежели легкости и нежности, но я сразу узнала того, кто запустил механизм и заставил шестеренки крутиться.

— Ветер...

— Самая отчаянная журналистка, — усмехнулся он. — Иди сюда.

Недолго думая, я сорвалась с места и влетела в его объятия. Теперь-то мы могли дотронуться друг до друга. Мои руки не проходили сквозь его полупрозрачную кожу, а сжали приятную на ощупь ткань рубашки и ощутили тепло тела. Вете-е-ер. Живой, настоящий...

— Так, — звонко хлопнул Лис в ладоши, и я шуганулась от модели, как от огня. — Прикрываем обжимальную лавочку. Следующее — сто рублей по курсу доллара. И только со мной.

— Фу, — скривился Волк.

Невольно подивилась эрудиции прохвоста. Слов-то сколько новых понахватался в своем путешествии. Кстати, о путешествии...

— Я так ничего и не поняла, — окинула я взглядом каждого по очереди, отчего-то задержавшись на Зайце. Щеки предательски запылали. Чур меня, чур меня...

— А дело было так... — пафосно начал Медведь, двумя пальцами потянув себя за бороду и задумчиво уставившись в невидимую точку перед собой.

Как выяснилось из его рассказа, ребята в тот роковой вечер, узнав тайну своих имен, переместились за пределы Дремучего мира. Собственно, так я и предполагала с самого начала и не могла не нарадоваться тому, что они обрели долгожданную свободу. Не считая того, что в данный момент все снова находились передо мной в ловушке пожирателя.

Никаких оборотнических атрибутов у них не наблюдалось, а Зайца сперва аж признавать отказывались. Однако Ветер удивил моих мальчишек еще больше одним только своим существованием.

Обсудив ситуацию, единогласно сошлись на том, что раз уж им, таким избранным, представился шанс спасти мир, даже оба, нужно действовать, не задумываясь. Ни о новых рисках, ни о последствиях, ни о чем. Решили обойти деревню, дабы не наткнуться на настоящих людей и не вызвать массу неуместных вопросов, если родственники оборотней всё еще проживали в Станино. Впопыхах вспомнили о том, что моё имя для них всё еще оставалось тайной, покрытой мраком. Наткнулись на дом моей тётки Лиды, в авангард пустив Зайца, как самого обаятельного и моментально располагающего к себе. Представился другом детства, хотя у меня здесь таких отродясь не водилось, и пошло-поехало.

Вдаваться в подробности этой встречи Медведь не стал. Видать, сильно тётка горевала, однако выложила всю информацию обо мне на одном духу.

Следующим этапом в исключительном задании ребят оказался город, но отсутствие налички и банковских карт их не смутило. С замиранием сердца я слушала историю о том, как пятеро этих чудиков, разодетые как на костюмированную вечеринку, таксовали на главной дороге. А когда один жалостливый дальнбойщик наконец-то согласился подбросить их до Твери...

— Так. Стоп, — прервала я увлекательный рассказ. — Почему туда? Зачем вы вообще поехали в город? Еще и в областной центр. Весьегонск куда ближе.

— Нам нужно было сделать татуировки, — важно заявил Медведь, а глаза мои чуть не вылезли из орбит.

— Нахр... зачем?

— Об этом речь пойдет далее.

Короче говоря, во избежание утраты вновь обретенных имен по возвращению в Дремучий мир, мальчишки решили набить их себе в тату-салоне. Добравшись до города и остановившись в одной из гостиниц...

— Откуда деньги? — снова перебила я.

— Ветер связался со своим бывшим агентом, сообщил о своем местонахождении, и этот мужик сразу же выехал из Москвы на такси, — весело сообщил бородач, а челюсть моя упала еще ниже. — Причем все счета банковские ему разблокировал. Так у нас появились деньги. Но слушай дальше.

А дальше ребята отправились в тату-салон, дабы сохранить самое важное, что у них есть, когда вновь пересекут пределы портала. После болезненных манипуляций, довольные собой, все наострились выбирать себе бензопилы.

— Бензо... зачем? — не унималась я, тряся руками перед собой.

— Как «зачем»? — фыркнул Лис, уже давно сидевший на краешке стола рядом с рассказчиком. — Чтобы Сердце спилить, вот зачем. Женщина, ты каким местом слушаешь вообще? Сказали же, что собираемся покончить с проклятьем. Основательно. Под са-а-амый корешок.

Думала, что после татуировок меня уже ничем не удивишь. Ан нет. Они еще и пикап приобрели, чтобы всё это добро сюда завезти. Забор с краешку отколупали, а драндулетина из другого мира должна быть припаркована сейчас аккуратно напротив норы. (Читай на Книгоед.нет) Драндулетина с бензопилами, канистрами для их дозаправки и всяким другим необходимым барахлом. Ежкин ты дрын...

— Вот, почему вас так долго не было... — протянула я, всё еще с трудом веря в легенду о спасательном отряде. — Вы готовились к подвигу?

— Какой же это подвиг? — впервые с начала повествования открыл рот Ветер. — Мы единственные знаем о том, какая чертовщина здесь творится. Да я спать спокойно не смогу, пока это чудовище цветет и пахнет.

Да, цвело и пахло оно всё так же отвратительно.

Интересно, как преобразится этот мир, если лишить его главного паразита? И будет ли он вообще существовать, если древо в подлеске уничтожить? Кажется, ребят такие вопросы не волновали. Но и натерпелись они больше и дольше меня. Их тоже можно понять.

— А мое имя?.. — несколько смутившись, спросила я. Мне ведь татуировку не делали.

— На моем плече, — растянув губы в улыбке, ответил Лис. — Оба наши имени там. И, кстати, тебе бы не помешало обнулить обращение. Вспомнить имя и вернуться.

— Насовсем?

Нет, я не хотела возвращаться. Вернее, хотела, но только после того, как ребятам удастся спилить главного местного антагониста в древесной оболочке. Не важно, сколько еще раз меня стошнит белыми лепестками, я готова была потерпеть ради подобного зрелища. Светопредставления не ждала, но стать свидетельницей такого события — дорогого стоит для журналиста мистической колонки. Если я всё еще журналист мистической колонки...

— Нет, — мотнул головой Лис и по-детски нахмурился. — Насовсем не отпущу. Сразу вернешься назад. И мое имя можешь подсмотреть, — добавил он после небольшой паузы. — Всё равно забудешь, как только снова пройдешь через портал. Просто скажешь, Евпатий я или нет.

— Опять ты за свое... — закатила я глаза, но усмехнулась.

За тот месяц, что провела в одиночестве, уже соскучилась по их закидонам. А в особенности по твоим, прохвост. Тату, бензопилы и пикап, разумеется, побили все рекорды на сегодняшний день, но кто знает, что произойдет завтра? Или послезавтра? И какие еще фортели может выкинуть мир-пожиратель, для которого вы все вновь стали лакомой добычей? Неужели, так просто даст себе сгнить от рук тех, кого пытается пожрать уже многие годы?

— Поехали к порталу, что ли, — неспешно поднялся Медведь и сладко зевнул. — А как только Ромашка порозовеет, можно сразу и к Сердцу. Лагерь там разобьем и всего делов.

— Мы будем жить... там? — скривилась я от отвращения, но, кажется, иного выбора не оставалось.

— Надо держаться вместе, — вперед бородача пояснил Волк. — Так мы сможем контролировать обращения друг друга.

— К тому же пилить будем постоянно, но посменно, — вставил Медведь. — Чтобы не давать этой пакости восстановиться. Иначе все старания будут напрасны.

Что ж, команда отъявленных спасителей мира, я б солгала, если бы сказала, что мирная жизнь всё еще привлекает меня сильнее ваших авантю.

Зеленого цвета пикап ожидал нас возле главной тропинки. Современная техника и зачарованный лес в ином мире — вещи, казалось бы, не совместимые, но что-то в этом всё-

таки было. Бунт. Бунт против мировых систем. Умейте отвечать за свои оплошности, мировые хранители, чтобы мы тут у вас не хозяйничали со своими земными штучками.

В открытой грузовой площадке автомобиля лежали пять массивных бензопил, несколько канистр с бензином, а еще коробки с теми самыми необходимыми вещами. Походный набор юного натуралиста? Кажется, мне оружия против Сердца мира не досталось, но соваться с претензиями не стала. Вряд ли долго сумею продержаться в руках такую штуку и не запыхаться.

— Я, конечно, знала, что вы могли немножко тронуться умом, проживая столько времени в изоляции, но чтобы настолько... — язвительно высказалась я, но тень восхищения все равно промелькнула на лице.

— Мы и для тебя кое-что припасли.

Лис подкрался незаметно, на мгновение скользнул рукой по моей руке, а затем пошарил в одной из коробок и выудил оттуда несколько предметов женской одежды: теплую тунику кремового цвета, джинсы и блестящие осенние ботиночки на шнуровке.

— Переодевайся, а потом поедем, — сунул мужчина мне вещи под нос, но заметив растерянность во взгляде, встал в позу. — Осень на дворе, а ты в платьишке разгуливаешь. Здесь тоже времена года меняются, если ты не заметила.

В самом деле. В последнее время стала замечать, что солнце так сильно не припекает, а ночи стали значительно холоднее.

— Ну, спасибо за заботу, — буркнула я, сама не понимая, с какой стати вдруг стало так стыдно. Может, потому, что представила пятерых мужиков, выбирающих женскую одежду и обсуждающих, какого бы размера взять штаны и обувь.

— Всегда пожалуйста-а-а, — самодовольно протянул Лис, склонившись над моим лицом. — Как отблагодаришь?

Ох, как же он меня подбешивает, когда выкобенивается. И одновременно этим же притягивает. Какие-то специфические у меня вкусы. Может, я тоже немного умом тронулась в изоляции?

— Пора ехать, — тщательно скрывая свои эмоции за маской показного хладнокровия, Заяц подошел к нам.

Почему скрывая? Потому что по глазам всё было видно. Слишком уж красноречивый у него был взгляд, всегда. Взять хотя бы моменты, в которые парень помирал от страха, но пытался не показывать всего того, что творится на душе. При этом и меня умудряясь успокаивать, не отягощая бременем трусости, привитым миром.

— А ты вообще кто такой? — задрал Лис подбородок и выдвинул челюсть. — Что-то не припоминаю.

Да, теперь, когда они стояли напротив друг друга, невооруженным взглядом можно было заметить разницу в росте. Я была права. Заяц вымахал, хотя раньше не доходил рыжему собрату по проклятью даже до шеи. Только не говорите, что именно по этой причине между ними черная кошка пробежала, а то совсем уже ребячество.

— Очень смешно, — вернул ему парень, прищурившись. — Я бы сказал, кто ты, но время неподходящее.

Молнии, которые эти двое пускали друг в друга взглядами, грозились обрести вполне физический вид и спалить окружающее пространство дотла, а потому я поспешила придумать, как прервать молчаливую перебранку. К счастью, проклятье сделало всё за меня. Закашлявшись, оставила на ладони новую порцию лепестков ромашки.

— Едем-едем, — подтолкнул меня в спину Лис, не отрывая при этом взгляда от смелого нынче Заяца. — Хоть слово... — расслышала я его гневное шипение, — ...и не жить тебе.

Сперва мне показалось, что я ослышалась. У хищного воздыхателя появились какие-то тайны от меня? Но поведение этих двоих не оставляло сомнений в том, что я всё расслышала правильно.

Переоделась в теплую одежду в норе, вышла и уселась на первое сидение рядом с Ветром, который, судя по всему, обладал навыками вождения. Медведь, сидевший позади, отечески

похлопал меня по плечу. Улыбнулась ему, но слова Лиса теперь не хотели выходить из головы. И не только его слова. Жила себе спокойно в зачарованном лесу, как Белоснежка, никого не трогала, а в один день так много всего свалилось, что ведра с водой теперь казались легче пушинки.

Насчет навыков вождения я, кстати, обманулась. Пикап с таким водителем, как Ветер, за рулем напоминал игрушечную машинку в руках маленького ребенка, орущего «би-би!!!» и рассекающего ею по столу. Возле предполагаемого места портала я выползла из машины на нетвердых ногах. И как только они из города ехали в таком темпе? Или все оставшиеся деньги модели пришлось потратить на оплату штрафов?

— Мы будем ждать здесь, — откинулся блондин на сидение и ободряюще кивнул мне. — Возвращайся.

— Мое имя... — осторожно напомнила я, на что Лис громко кашлянул, высунул руку из салона в открытое окно.

— Только бы не Евпатий, только бы не Евпатий, — приговаривал мужчина, закатывая рукав идиотской футболки.

Антон и Олеся

Именно эта надпись была выбита на его плече.

В момент, когда ко мне пришло четкое осознание того, что вот оно, имя-то мое, меня аж в жар и холод бросило попеременно. Как я только могла забыть его? Всю жизнь знала, всю жизнь меня называли так...

Но имя Лиса тоже не осталось без внимания. Как говорится, закон подлости гласит... Вот то-то он и гласит, что подлости подстерегают нас повсюду! Почему именно оно? Имя, которое бесило меня больше всех остальных и вызывало самые ужасные воспоминания из прошлого. Из прошлого неудачного опыта, между прочим!

А перед тем, как раствориться в пространстве, я увидела, как Заяц, тоже высунувшись в окно, приспустил толстовку, обнажая свое плечо.

Артём и Олеся

Но отреагировать на столь дерзкий выпад я не успела. Почувствовала, как легкие наполняются по-настоящему чистым воздухом. Воздухом без всяких примесей, источаемых Сердцем мира. Вытянула перед собой руку привычного оттенка кожи, а не зелени. Потеребила прядь волос, вновь окрасившихся в натуральный русый. И голод... я ощущала, как желудок отчаянно просит, чтобы его наполнили. Впервые за этот месяц!

Как было бы здорово унести, сверкая пятками, от этого ужасного места. Дальше. Как можно дальше! Забраться в кабину подержанного китайца «Чери Амунета» и в город. В город, навсегда забыв о том, что едва не обратилась в одного из представителей флоры.

Но это не мои мысли. Это мысли лентяйки и трусихи, которая всё еще сидела внутри меня, возмущалась ручной стирке, жутким волчьим завываниям, возможности сгинуть окончательно и бесповоротно. Настоящая я совсем другая и уже убедилась в этом, испытыв искренний восторг от объявленной Дремучему миру войне.

С этими мыслями я резко развернулась, задержала дыхание и шагнула в пределы иного мира. В котором меня ожидал зеленый пикап с улыбающимися лицами товарищей по несчастью.

Глава 18. Винить нельзя простить

Мы въехали в подлесок, долгое время сражаясь с труднопроходимой чащей. Машину здорово покоцало об выпирающие корни, пни, ветви, но хозяина пикапа это нисколько не волновало. Видать, такие, как Ветер, могут позволить себе жизнь без кредитов и подержанных китайцев.

— Расставляем палатки, — скомандовал Медведь, выбравшись из салона и потянувшись, разминая затекшие тела. — Костер делаем, провизию достаем, все дела.

«Прямо турслет самый настоящий», — с усмешкой подумала я, захлопнула за собой дверцу и устала на гигантское дерево по которому однажды взбиралась за своей надеждой.

Руки и ноги до сих пор помнили ту боль, глаза — вид, открывающийся сверху на необъятный проклятый мир. Страх перед таинственным врагом захлестнул с новой силой, но я знала, что в этом подлеске тебя начинали сковывать самые негативные чувства, которые только могут быть. Зловещая аура Сердца мира пронизывала каждую клеточку твоего тела.

Палаток оказалось три. Лис настоял, чтобы мне не брали отдельную. Мол, мало ли, кто ночью заберется, пока я сладко почитаю. Лучше уж он охранять будет. Мне такой вредный охранник, конечно, не сдался, но за четвертой палаткой никого не послала. Потерплю.

Как только с устройством лагеря было покончено, ребята приступили к основной своей задаче. Залили бензин в бензопилы и пошли на штурм неприступного дерева. Воздух прорезали отвратительные звуки «бзы-ы-ы», а я осталась сидеть возле разведенного костра и поглядывала на мальчишек издали.

Неужели, всё получится? Неужели, распилить эту жуткую громадину получится? Тогда уйдет и проклятье? Но если это дерево и есть сердце мира, то не исчезнет ли и мир вместе с ним? Мне дали много поводов для новых вопросов, но ответы на них я снова не смогла получить сразу ни с помощью энтузиазма, ни с помощью пытливого любопытства. Оставалось лишь томительное ожидание. Все уже достаточно натерпелись для того, чтобы еще несколько дней провести в неведении.

Наконец-то поела, ощутив непривычную тяжесть в желудке. Тушенка из банки, которая сыграла во всей этой истории не последнюю роль, казалась лакомством из лакомств. Уплетала за обе щеки пластиковой вилкой. Давилась и ела, ела и давилась.

Перерыв парни устроили только ближе к вечеру. Вспотевшие, измотанные. Особенно Ветер. Рухнул на краешек приволоченного Медведем бревна, широко расставил ноги и склонил голову. Бедняга. Физическая подготовка остальных всяко была получше, раз по лесам приходилось бегать и выживать из года в год в обличии полуживера.

— Ну, ты как? — подсел Лис с правой стороны и ухмыльнулся. — Не обратилась еще от ничегониделания?

— Дали бы пилу — пилила бы, — буркнула я в ответ, но меня шутливо пихнули в плечо.

— Не кипятись только. Отдыхай, пока возможность есть. В городе всё будет по-другому. Но работу я постараюсь найти сразу, на этот счет не переживай.

— А зачем тебе в город? — осведомилась я, мешая палочкой угли в костре.

— Но ты же не останешься в деревне.

— А при чем тут я?

Подняла голову. Взгляды наши встретились.

Ох, как же я избегала этого непростого разговора. Оттягивала время, как только могла. Даже старалась особо не пересекаться с увлеченным оборотнем, но, кажется, пришло время расставить все точки над всеми буквами в предложениях. Без этого с места не сдвинемся.

— Послушай, — взял меня мужчина за руки. А затем продолжил. Вкрадчиво, терпеливо, тихо. — Что тебе нужно? Тебе нужны деньги? Но деньги — это всего лишь бумага, которую всегда можно заработать, если постараться. И я буду стараться, как могу. Ты же меня знаешь.

О, да. Знаю. Упрямый, упертый. Не Овен ли ты, случайно, по знаку зодиака, Лис? Такой же непробиваемый. Существуют две точки зрения: твоя и неправильная, верно? Сколько раз ты

доказывал это...

— Что еще? — мои руки сжали крепче. — Верность? Сколько я ждал твоего возвращения... и ты всё еще думаешь, что я могу отступить от своего решения? Глупо. Это очень глупо.

— Прежде, чем заливать о верности, — Заяц уселся по левую сторону от меня и с вызовом уставился Лису в лицо. — Не хочешь больше ничего сказать? Или мне за тебя это сделать?

Лицо Лиса в тот же момент исказила гримаса ненависти. Атмосфера вновь накалилась до предела. Теперь, сидя между этими двумя, я ощущала это как нельзя лучше. Ни туда, ни сюда, ни обратно.

Но Заяц не стал ожидать, пока его соперник придет в себя.

— В тот самый вечер, когда еще ужин был...

Даже не будучи полуобращенным, мужчина по правую руку от меня зарычал. Совсем не по-человечески. Как пес, сидящий на цепи и мечтающий вырвать эту цепь с корнем, чтобы броситься на первого встречного. Однако Заяц тоже обращаться не начал. Страх перед Лисом он пока не испытывал, а потому мог игнорировать ауру агрессии, исходящую от оппонента.

— Лис ведь должен был отвлекать Прах, верно? — полюбопытствовал парень, хотя и сам прекрасно знал ответ. Я кивнула. — А знаешь, как он ее отвлекал?

Несмотря на взбешенного с правой стороны от меня, Заяц всё равно сказал и сделал всё, что хотел.

— Вот так. — И поцеловал меня. Я даже глаза распахнула от неожиданности.

Произнесенное Заяцем довольно медленно доходило до меня. Больше я переживала за то, что ему сейчас в глотку вцепятся, причем человеческими зубами.

А потом поняла. А потом я всё поняла. Уже когда оба этих кадра валялись за бревном и осыпали друг дружку сочными тумками, я, прикрыв рот ладошкой, представила себе, каким именно образом Лис мог отвлекать Прах. Собственно, тем, что мне сейчас и продемонстрировали.

Сердце сжалось в тугий комок. Я представляла себе этот процесс во всех красках. Видела ее довольное и счастливое лицо, клыки Лиса на ее коже. Шее, ключицах и плечах. Наблюдавшего за этим Заяца я добавила в общую картину. Заяца, который сватал меня за оборотня даже тогда, когда мы одну постель делили. Заяца, сжимавшего кулаки и сетующего на несправедливость.

Так вот, что между ними произошло! Ушастый просто хотел, чтобы я в очередной раз не обманулась. Он всё помнил о моих страхах и решил не томить с правдой. Зайка-Зайка... Как был, так и остаешься моим защитником.

Парней разняли с трудом и удалось это только Медведю, подоспевшему до того, как эти двое друг из друга последний дух выбили. Но и непродолжительная стычка оставила свои последствия: Лису — подбитый глаз, Заяцу — кровоточащую губу. Оба растрепанные, раскрасневшиеся и грязные, они уселись к костру. Заяц — рядом со мной, а Лис — напротив, на второе бревно. Присесть рядом со мной не решился. Я знала, почему.

Волк с Медведем отсели поодаль, дабы не мешать нам в словесных разборках, Ветер вообще в палатку забрался отсыпаться.

— И? — спросила я у Лиса, когда всеобщее молчание затянулось уже на несколько минут.

— У меня не было выбора, — спокойно ответит тот, но взгляд отвел. — Мы просто разговаривали, а потом она из окна увидела, что в ее комнате свет зажегся. Запаниковала. Даже я стал ей не так интересен, лишь бы в комнату попасть. С места сорвалась. Конечно, я мог ее и по голове приложить, и ногу оттяпать, но она ведь женщина была, хоть и старуха. Что ж, я на женщину буду руку поднимать? Пришлось импровизировать.

— Хороша импровизация... — протянула я, наблюдая за тем, как лихорадочно бегают глаза Лиса, несмотря на спокойную интонацию. — А почему Заяцу грозился? Разве тебе не всё равно, если это ничего не значит?

— Дура ты, что ли? — только сейчас взгляд мужчины остановился на мне, а рот презрительно скривился. — Разумеется, это ничего не значит. Я тебе помочь хотел. Кто знал, что эта жаба могла тебе сделать, если увидит шарящейся в ее вещах? Проклянет, порчу найдет. Что угодно. Говорю же — не было у меня выбора. Я за тебя переживал. А не говорил, потому что знал, что поймешь всё не так. Посмотри в мои глаза и скажи, что я лгу. Давай.

Я и так смотрела в его глаза. Первоначальный шок прошел, и теперь я всем здравым смыслом понимала, что Лис говорит мне правду. Возможно, те секунды, которые он потратил на «удерживание» Праха помогли мне узнать имена. Имена, которые чуть позже оказались сожжены, но при этом запомнены. Да и стал бы он избегать с ней встреч, кривиться от одного лишь ее упоминания и столько лет ожидать встречи со мной, если бы хранительница хоть что-нибудь для него значила. А еще не стоит забывать, что произошло сегодня утром между мной и Зайчиком, даже если я спутала его не с тем.

Однако... раздражение за прошлые обиды взяло верх. Слишком уж Лис был наглым и самодовольным. Сейчас, когда у меня появилось оружие, чтобы сбить с него лишнюю спесь, я хотела воспользоваться этим шансом. Когда же еще такой представится? Отвлекать больше никого не надо, да и вряд ли он сумеет симпровизировать так еще один раз.

— Ты лжешь, — ответила я ему в лицо. — Лжешь. Сколько раз меня мужики предавали, а тут по новой. Знаешь, я ни капельки не удивлена. Просто, как только доступная юбка на горизонте появляется, под нее сразу надо залезть. Улучил момент. Молодец. Может, тогда, когда я с Зайцем осталась, решил отомстить и вдруг чувства накатили? Ох, а без меня что ж вы там в теремочке веселом творили. Подсмотреть точно некому было.

— Хватит, — резко поднялся мужчина с бревна. Скользнул по парню подле меня усталым взглядом, а потом задержал его на мне. — Будет еще мужик перед бабой расшаркиваться за то, о чем мысли не было. Как хочешь. Можешь в город возвращаться. Даже вместе с Зайкой-закустом-обжимайкой. Мне всё равно. Больше не хочу быть виноватым и...

Хотел сказать что-то еще, но просто махнул рукой, обошел наш лагерь и вскоре скрылся из виду за зелеными ветвями. Хотелось и мне сказать, что я совсем не это имела в виду, но смолчала, дабы не уронить лицо. Перебесится ведь, вернется, прощения попросит. Никуда же не денется без меня. Сам говорил об этом как-то. Всё будет хорошо.

— Спасибо, — не забыла поблагодарить Зайца, и он улыбнулся, забыв о разбитой губе. Охнул, когда кожа, начавшая заживать, треснула. Совсем, как ребенок.

Медведь с Волком отправились пилить Сердце дальше, дабы его «кожа» заживать не начала. Ушастый вскоре присоединился к ним, ну а мне впечатлений на сегодня хватило. Казалось, даже с необычным оркестром бензопил на заднем фоне усну сразу, как только коснусь головой спального мешка, расстеленного в палатке.

Но не тут-то было. Морфей упорно не пускал меня в свое царство. Возможно, потому что спальник рядом со мной пустовал. Возможно, потому что с необращенным Лисом в зачарованном лесу могло случиться что угодно, вплоть до встречи с волчьей стаей. Пахнет он человеком. А еще... а еще я снова чувствовала себя виноватой. И в этот раз по-настоящему.

Когда наутро я открыла глаза, то увидела перед собой лицо Зайца, подложившего руки под голову. Его глаза тоже были открыты. Сцена чем-то напоминала сцену пробуждения в норке месяц назад. Но если он здесь, значит...

— Лис не возвращался, — ответил парень на незаданный мною вопрос.

— Как это... не возвращался? — прошептала я, а в голове тут же начали всплывать сцены предполагаемой судьбы моего гаденыша. Самые нелюбимые и ужасные, какие только могли бы произойти.

— Пойдешь его искать? — встречный вопрос не заставил себя долго ждать.

Конечно. Мне нужно было убедиться, что с ним всё в порядке. Еще никогда Лис не держал на меня обиду так долго и его отсутствие выглядело крайне подозрительным. Может, впервые настолько сильно оскорбился? Я же буквально послала его, с усмешкой и в лицо. Что же я наделала?..

Но вместо исповеди просто кивнула.

— Всё-таки Лис... — грустно улыбнулся Заяц и нехотя отвел взгляд. — Хотел бы я быть

достаточно храбрым, чтобы любить тебя. Но, похоже, уже слишком поздно. Кого-то я все-таки не смог обогнать.

— Тогда стань достаточно храбрым для того, чтобы полюбить другую, — примирительно посоветовала я.

Не смея больше задерживаться, вылезла из палатки навстречу новому дню. И поискам Лиса. Работа остальных ребят кипела вовсю, причем результат от этой работы был. Действительно, был. Огромный ствол поддавался современной технике и оказался спилен уже приблизительно на одну пятую.

Закинув в рот несколько ложек сваренной в котелке гречки, ушла из подлеска. Осторожно, чтобы никто не заметил и не увязался следом. Наши с Лисом разборки — дело личное. Нечего впутывать в них остальных. Зайка вот уже настрадался.

И куда мог пойти этот оболдуй? В нору? Ну, конечно. Она же и была его настоящим домом всю сознательную жизнь. Сидит там, раны зализывает, оставленные в драке с Зайцем. Драка эта, вероятно, сильно пошатнула его духовное равновесие. Еще бы. Лисы зайцев кушают в природе, а не в глаз от них получают.

Однако в норе прохвоста не оказалось. Ни внизу, ни на чердаке, нигде...

Что ж. Возможно, решил пройтись по местам боевой славы. В логово, например? Там, где он «об дверь поцарапался». Идея сразу показалась мне никчемной, но следовало проверить все теории, чтобы позже не сомневаться.

Разумеется, в логове его не оказалось. Что самое удивительное — ни в тереме, ни в норке, ни в берлоге Лиса я не нашла. Зато там и тут натыкалась на клочки рыжей шерсти, оставленные на колючих кустах. Но он же сейчас человек. Какая, ко всем чертям, шерсть тут может быть? Оставленная другими лисами? Встречала я тут нескольких за этот месяц, но... какое-то уж слишком странное совпадение.

Страх поднялся во мне с новой силой. Мог ли этот дурень обратиться так быстро? Из-за чего? Из-за того, что... смысл жизни потерял?! Нет, нет, нет... быть этого не может! Чтоб из-за меня смысл жизни теряли. Такие вещи только в сказках бывают...

— Лис! — отчаянно закричала я, плутая в дремучей чаще. — Лис!

Уже давно свернула с главной дороги и перебралась в места помрачнее и менее проходимые. Затаился где-нибудь. Напугать решил своим отсутствием. Ага, я тебя разгадала, хитрюга. Хочешь, чтобы сама пришла к тебе с извинениями. Но на поиски твои я пошла лишь для того, чтобы успокоить свою расшумевшуюся совесть, точно тебе говорю. Найду — прибью гада!

— Фыр, — раздалось позади меня, когда я в очередной раз чертыхнулась, едва не споткнувшись о выпирающий корень, поросший густым мхом.

Показалось?

— Фыр, — повторился странный звук. Медленно обернулась, чтобы взглянуть на его источник, и в тот же момент в ужасе отшатнулась.

Крупный лис сидел на земле, постукивая пушистым рыжим хвостом с белым кончиком и устремив на меня поразительно умный взгляд. Такой взгляд у обычных животных не встречается. Или встречается, но крайне редко. Или это был тот самый случай, или же...

— Лис! — вскрикнула я, бросившись к животному, присев перед ним на корточки и заглядывая в морду. — Нет, это не ты. Ты не мог так быстро обратиться, — вслух пыталась я себя успокоить. — Не мог, не мог... Но я же не хотела, не хотела! — запричитала, а глаза защипало от подступивших слез. — Я сначала, правда, думала, что с тобой каши не сварить даже из топора. Ты ведь такой беззалаберный, несерьезный совсем, наглый... — Обняла того, кто остался от моего любимого оборотня, и всхлипнула.

— Фыр.

— Нет, молчи. Дай мне сказать, — перебила я животинку и затараторила, думая не мозгами, а сердцем. — Но я была так счастлива, что кто-то ждал меня. Именно меня и так долго. И любил просто за то, что я существую. Честное слово, сначала я терпеть тебя не могла. За то, что сюда забрал, от цивилизации. Я даже отпуск свой не отгуляла нормально. Да меня, наверняка, уже уволили вообще... Но те бабочки! Те бабочки, на которые мы смотрели... Они до сих пор во

мне. И просыпаются каждый раз, когда ты ко мне прикасаешься. Ох, что за бред... — одернула я себя, а слезы уже катились по щекам, падая на рыжую шерстку. — Бред, но правда. И я верю, что ты поцеловал Прах только ради того, чтобы она на меня порчу не успела навести. Я верю тебе. Какая дура не поверит тому, кто так держится за свои чувства?! Наверное, я всё еще не люблю тебя. Но начинаю. Ох, как начинаю... начинала...

Снова заглянула в умную лисью мордашку и разревелась.

— Эй! — позвали меня откуда-то сверху. Я даже плакать перестала и задрала голову. Чтобы встретиться взглядом с ухмыляющимся Лисом, сидящим на дереве. — Отпусти бедное животное. Твой ненаглядный здесь. И вообще, это лиса. Под хвост бы заглянула, прежде чем лишать меня достоинства.

— Ч-ч-что? — выдавила я, не веря собственным глазам. Вновь глянула на лисичку, покорно сидящую передо мной, затем снова на Лиса. Голова пошла кругом.

— Хорошо сработано, кстати, — подмигнул хитрец своей рыжей напарнице. — Можешь идти.

— Фыр, — фыркнула животинка напоследок в мое удивленное лицо, развернулась и в несколько прыжков скрылась из виду.

Вот так номер. Это что же получается? Лис слышал каждое мое слово? Погодите-погодите. И про бабочек и про всё прочее?! Вот ежкин ты дрын... Так, значит, это он решил провести меня? В то время, пока я считала, что сама вожу его за нос?

— Наглая подстава! — в сердцах крикнула я.

— Но бабочки же от этого не улетели? — усмехнулся гад и цокнул языком. — Как поэтично загнула-то. Чуть слезу не пустил, честное слово.

— Спускайся сюда и повтори это! — резко встала я с корточек и пригрозила нахалу кулаком. — Я бы в жизнь такого не сказала, если б знала, что тебе не пришли кранты!

— А ты думаешь, я зря так извращался?

Мужчина спрыгнул с толстой ветви и медленно направился ко мне, пока я опасливо пятилась. Нет, пусть бы лучше наверху сидел. Теперь у него есть самое грозное оружие против меня: мои собственные слова.

Кстати, что-то в его внешности за эту ночь претерпело изменения. Волосы порыжели. Точно порыжели. И ушки звериные торчат. Всё-таки он начал обращаться. Неужели, из-за моих слов? Мир точно не изменяет своим законам...

Уткнулась спиной в ствол. Ловушка. Коварная ловушка, подстроенная наглым оборотнем.

А прохвост тут же воспользовался положением. Скользнул ко мне, положил ручищи на мою талию и лбом прижался ко лбу.

— Может, лучше ты повторишь? — прошептал он, а в изумрудных глазах заплясали веселые искорки. — О том, что начинаешь... начинала...

— Над собой смеешься? — парировала я, надувшись. — Смешно же. Лис, который хотел меня съесть, но...

— ...влюбился? — закончили за меня. — Смешно. Но не грех посмеяться над собой.

Ответить не успела. Горячий поцелуй обжег мои губы, но я устала сопротивляться звериному натиску. Особенно тогда, когда сама не так давно прочитала на себя досье. Выложила всё, что таилось на душе. А что самое главное — я верила ему. Черт возьми, я верила каждому его слову, потому что иначе было невозможно. И бабочки, порхающие в моем животе, тоже не могли лгать. Всеми цветами радуги переливались. Я чувствовала. Я их чувствовала.

Вцепилась в порыжевшие волосы, притягивая Лиса еще ближе к себе и ощущая, как тело податливо отвечает на его ласки. Сильные руки изучали мое тело, и в этот самый момент я позволила сделать ему всё, что он захочет. Знала, что заслужил. Своей бесконечной преданностью, железными нервами и необычайной выдержке. Не теряя веры в светлое будущее, мой Лис покорно ждал ту, что однажды приручила его. Ждал и надеялся на то, что когда-нибудь, хоть когда-нибудь они наконец-то воссоединятся.

Вероятно, я все-таки хотела стать для него кем-то большим, позволив это. Кем-то большим, чем маленькая девочка из фантазий, обещавшая тушенку из банки и пирожки с капустой. Кем-то большим, чем похищенная в начале отпуска журналистка мистической колонки в непопулярном журнале. Даже кем-то большим, чем я.

Деньги — это всего лишь бумага, которую всегда можно заработать, если постараться. Куда важнее, когда рядом находится человек, ради которого есть смысл жить. Вот он, тот самый смысл, который я так долго искала. И как же приятно быть смыслом для кого-то... Так приятно, что тело тает от каждого его прикосновения, а мысли путаются в голове. Пускай путаются. Я хочу целиком и полностью отдаться настоящему моменту, и будь что будет. Перед таким натиском трудно устоять...

Укусила Лиса за плечо. Больно, чуть ли не до крови. Пусть отвечает за свои пакостные деяния.

— Метку на мне ставишь? — томно с хрипотцой прошептали мне на ухо. — Можешь хоть всего искушать.

А вот это ты зря, паренёк. Искупаю же, не поленюсь. Особенно тогда, когда так сложно сдержаться и не впиться зубами в твою кожу. И не только ради того, чтобы к ответу призвать, а чтобы стон сдержать, так и рвущийся с губ.

Лишь сейчас я чувствовала себя по-настоящему счастливой. В руках того, кому доверила не только свое сердце, но и свою жизнь. И который не только сохранил ее, но и наполнил смыслом.

Глава 19. Выхода нет

Как только мы с Лисом вернулись в подросток, работа у ребят пошла быстрее. С новыми силами и окрыленный надеждой, мой прохвост взялся за бензопилу и устроил Сердцу мира самую настоящую экзекуцию.

Помирить их с Зайцем так и не удалось. В перерывах они поглядывали друг на друга, не скрывая истинного отношения, а любые мои уговоры оказались тщетны. Ладно. В этом месте вообще сложно сохранить хорошее расположение духа. Когда в родной мир вернуться, обязательно забудут все обиды и пожмут друг другу руки. Ну а пока есть дела поважнее.

Звуки бензопил стали настолько привычны моему слуху, что я практически не замечала их. Несколько раз сама брала в руки инструмент, но мальчишки были правы — в руках я его долго удержать не могла. Не настолько натренирована.

Последний рывок был совершен спустя пять дней после начала операции по избавлению Дремучего мира от проклятья. Гигантское дерево, на котором было сосредоточено всё внимание выживших, пошатнулось. Определив предполагаемую сторону падения, Медведь скомандовал перебежать в сторону противоположную, что мы и сделали.

Сердце протяжно застонало. Почти как человек. На какое-то мгновение мне даже стало жаль его. Дерево, действительно, было живым существом. Теплая пульсирующая кора не избавляла от мысли, что оно наполнено кровью, которая отчего-то не вытекала во время жестокой рубки.

Со стонами и пронзительным хрустом громадина накренилась, а при ее соприкосновении с землей окрестности заходили ходуном. Землю встряхнуло так, что мы попадали навзничь, не в силах удержать равновесие.

А потом всё стихло. Противный запах, сопровождающий нас в любом уголке зачарованного леса, сначала ослаб, а затем и вовсе пропал. Я поняла, что всё закончилось, вдохнув кристально-чистый воздух.

Лис с улыбкой посмотрел на меня. Его звериные ушки исчезли, а волосы вновь приобрели естественный темно-русый оттенок.

Я готова была заплакать от счастья. Ларчик, как говорится, просто открывался. Если бы изначально все жители Дремучего мира собрались в этом подростке и срубили злосчастное дерево, то куда быстрее избавились бы от тяжелой ноши. Лишь Медведь догадался, что погубить Сердце мира — значит положить конец и проклятью.

— Кажется, всё, — первым высказался Волк, поднимаясь и отряхивая одежду от земли и налипших травинок.

— А теперь давайте-ка сваливать отсюда, — крикнув, предложил Медведь, и слова эти легли всем бальзамом на душу.

Даже лагерь не стали разбирать впопыхах. Палатки, потушенное кострище, остатки провизии... разве, им теперь это нужно? Единственное, чего хотелось — убраться отсюда поскорее, пока Сердце мира из мертвых не восстало, если такое могло быть возможным. Но кто же знает? Лес-то зачарованный, как и мир, в котором мы находились.

Погрузились в пикап, и Ветер сразу же дал по газам. Меня уже несколько не волновали его навыки вождения. Недолго продлится кошмарная езда, а у дома тётки Лиды меня смиренно должен был дожидаться мой подержанный китаец. Как же я по нему соскучилась... Даже по Андрею Аркадьевичу соскучилась, кто бы мог подумать? По автомобильным пробкам, алкашам в метро, очередям в супермаркетах. После всего, из чего выбралась, спасибо хотя бы за то, что жива осталась!

Бросила быстрый взгляд на Лиса.

И не только за это спасибо. Вопреки всем ожиданиям, в город я вернусь не одна, а с хитрозадым попутчиком. И пусть только попробует перейти дорогу в неподобающем месте, уж я ему!..

Но что-то подозрительно долго мы ехали. Путь сюда был намного короче. Я же точно помню, сколько по времени тряслась в кабине малоуправляемой машины. Куда меньше, чем сейчас.

Обвела взглядом всех присутствующих. Их реакция оказалась аналогичной. Либо мы здесь

заблудились, что для Ветра маловероятно, либо... снова произошло нечто ужасное. Снова! Ну почему всё не может идти строго по плану?!

— А что происходит-то, собственно? — осмелилась я дернуть неумелого водителя за рукав. — Почему мы всё еще едем?

— Да потому что уже давно должны были проехать через портал, — ответили мне, нервно стуча пальцами по рулю. — И к забору выехать.

— Где тогда портал? — Высунувшись с заднего сидения, Медведь едва в лобовое стекло носом не уткнулся, вглядываясь в чашу.

Ветер резко притормозил. Всё-таки не стоило бородачу так сильно высовываться.

— А нет портала, — заявил светловолосый, откидываясь на спинку сидения. — Нет его и всё.

— Как нет?.. — испуганно прошептала я.

А вот и побочные эффекты от спила Сердца подъехали. Знала же, что мир просто так нас не отпустит. Да, мы больше не прокляты. Да, возможно, не обратимся. Но жить здесь и дальше без надежды выбраться...

Вот и спасли оба мира, супергерои хреновы. До свидания, городская жизнь. Да здравствует стирка в тазу!

— Главное — без паники, — предупредил Медведь, нехило приложившийся об приборную панель и теперь потирающий разбитый нос. — За столько лет с места не сдвинулись, а сейчас хоть какой-то движ пошел. Ты, Ромашка, — повернулся он ко мне, а я аж на сидении подпрыгнула от неожиданности. — Ты в вещах Праха шарила вообще? Нашла там что-нибудь интересное?

— Ну... — протянула я, уставившись перед собой и пытаюсь вспомнить все магические штуки, обнаруженные в тереме. — Шарить-то шарила, но в ее книгах — тарабарщина, а как примочки волшебные использовать — это я без понятия. Не ведьмой уродилась, слава богу.

А ведь, правда, в записях бывшей хранительницы вполне могли обнаружиться сведения об открытии порталов. Она ведь открывала их при жизни, как орехи щелкала. Странно, что из Дремучего мира выбраться не сумела, однако это вопрос десятый. Основная проблема состояла в том, что книги девушки были нечитаемы от слова «совсем». Здесь, на нейтральной территории, она вполне могла овладеть нашим языком, письмом и прочим, ну а мне как разбираться в иностранщине — ума не приложу. Даже английский, и тот с трудом выучила. Без него институт бы не закончила.

— Значит, так, — поразмыслив и почесав макушку, объявил Медведь. — План действий понятен. Езжай-ка ты к терему. Вшестером, может, и разберемся, во всех штучках.

В зеркало заднего вида заметила, как скривилось лицо Лиса. Думаю, меньше всего ему хотелось возвращаться в злосчастный терем, но выбора не было. Пока что записи Праха — наша единственная зацепка. Куда ни погляди, а все дороги здесь всегда вели к терему, как в прямом, так и в переносном смысле. Может, и проклятье — дело рук самой Праха? И никакой она не хранитель, а местная заноза в одном месте...

До места добрались, перед этим знатно поплутав в лесу. Земли за порталом были для Ветра неизвестны. Терра инкогнита. Совсем как название журнала, в котором я работаю. Или работала. Однако, как только выбрались на знакомую для оборотней территорию, быстро отыскали дорогу к жилищу бывшей лесной хозяйки.

Сама я не была в тереме с того злополучного вечера, а потому совсем не удивилась, что дверь в дом открыта нараспашку. Это я ее не закрыла, когда на ослабевших ногах, потерянная и проклятая, вышла навстречу неизвестности.

Но стоило переступить порог в заброшенное жилище, и странные звуки привлекли мое внимание. Внимание ребят тоже. Источник — в комнате Праха. Отчетливое цоканье каблуков, шелест бумаги, позвякивание стекла.

Душа ушла в пятки. Неужто Прах вернулась?! Но все стали свидетелями ее скоростной кончины, а лично я развеяла то, что осталось от девушки, по ветру в подлеске. Уж она-то никак не могла хозяйничать в своей комнатухе за занавеской из деревянных бус.

— Стойте здесь, — шикнул на нас Медведь, приложив палец к губам.

Хоть одна кочерга могла быть использована по назначению. Схватив хозяйственную утварь возле печки и крепко зажав ее в руках, мужчина медленно направился к комнате и к непрошенному гостю, копавшемуся там в вещах почившей бывшей хранительницы. Пол скрипнул под весом крепкого тела. Думаю, все мы ожидали самого худшего.

И уж никак не думали, что нарушитель периметра сам покажется из-за занавески. Подвесные бусы загремели, изящная ножка в белой туфельке ступила к нам. Еще немного и незнакомка явила себя во всей красе, скептически поглядывая на замахнувшегося, но замершего Медведя.

Лицо ее обрамляли упругие белоснежные локоны. Светящаяся витиеватая татуировка на виске выдавала неземное происхождение. В уголках светло-голубых глаз пролегли морщинки, указывающие на средний возраст женщины. Белое с серебристой вышивкой платье обтягивало стройный стан.

— А я думала, что здесь никого, — воскликнула она, переключившись с застывшего Медведя на нас и обводя всех внимательным взглядом. — Здрасте.

— Здрасте, — не растерялась я, а незнакомка, хмыкнув, подбоченилась.

— Может, вы ответите, куда подевалась Джарна? Негативная энергетика с мира спала самым чудесным образом, а самой виновницы — след простыл.

— Джарна?

— Прах? — первым догадался Волк.

— Без понятия, какое у нее здесь прозвище, — махнула женщина ручкой, — мне нужно знать, где она.

— А Джарна ваша-то, видать, тью-тью, — отозвался Лис, а я, не поворачиваясь, пихнула прохвоста локтем в бок.

Кто знает, какие цели преследует нарушительница? Может, узнав о смерти знакомой, взбесится, и тогда точно плакало их успешное возвращение в родной мир. Действовать следовало осторожно и максимально дипломатично. Как раз то, что под силу журналистке. Зря, что ли, вышку получала по специальности?

— Давайте для начала представимся, — начала я переговоры по всем стандартам.

Хотела уже озвучить свое прозвище, а также прозвища всех остальных своих спутников, но незнакомка опередила меня.

— Рамэя фар Патит. Хранительница Альтеры и светлая предсказательница из Амальтеи. В настоящий момент занимаюсь поисками Джарны фар Пульвис — изгнанницы нашего ордена, которая, судя по всему, даже в изгнании продолжила свои эксперименты. Вот же несносная девка...

— Эксперименты? — переспросила я, на что женщина коротко кивнула, а затем подошла к столу, самым бесцеремонным образом уселась на него и принялась кокетливо качать ножкой.

— Эксперименты, — повторила она. — Дети так быстро растут. Вот они стараются вбирать в себя лишь праведный свет справедливости, но стоит моргнуть глазом и... пух! — С вытянутой ладони хранительницы сорвались сверкающие искры. — Уже идут на поводу у своих желаний и отдаляются от своего истинного предназначения, сколько бы времени ни было потрачено на их воспитание. Никогда не предугадаешь. Но работает это в обе стороны. Был у меня ученик, который, несмотря на темное и безжалостное к юному сердечку детство, вырос достойным человеком... Так. О чем это я? — потеряла нить повествования блондинка и задумчиво почесала подбородок. — Ах, да. Эксперименты Джарны. Девчонке пусть и досталась варящая голова на хрупких плечиках, но, к моему сожалению, использовала она ее не по назначению.

— И что в этом лесу было ее экспериментом? — подвела я женщину к главной интриге Праха.

— Душекрад Необыкновенный, — как бы между прочим ответили мне. Продолжая рассказ, хранительница принялась внимательно рассматривать свои аккуратные ногти. — Специальный сорт, выведенный Джарной. А все ее эксперименты были связаны с флорой. Что только она ни придумывала. Как только ни скрещивала эти несчастные растения и не сдабривала их магическими удобрениями собственного производства. Сначала результат работал на нее, ну а

после... После — она стала работать на результат. Вот так научная деятельность губит молодые умы. Печально. Очень печально.

— Душекрад — это... то высокое дерево? Сердце мира? — допытывалась я, а блондинка прыснула от смеха. Так, словно мы обсуждали нечто совершенно незначительное, но забавное.

— Сердце мира? — склонила она голову набок. — Это еще что? Хотя, мозги она пудрить умела. Природный талант. Ничего не скажешь. Я бы с радостью послушала вашу версию всего, что здесь произошло и, возможно, тогда сумела бы ответить на все ваши вопросы. Почти на все. В женщине всегда должна оставаться загадка...

Как бы иномирская гостя меня ни раздражала, правду знать хотелось. И раз уж источником этой правды была именно она, мне в очередной раз пришлось вывернуть душу наизнанку. Если раньше я делала это перед оборотнями, уже ставшими мне практически родными, то рассказывать обо всех ужасах Дремучего мира какой-то кичливой незнакомке было задачей не из простых. Будь она хоть трижды хранительница миров, великая предсказательница и кто-то там еще.

Для начала, я представилась сама. Собственное имя всплыло в моей голове совершенно неожиданно, но вспомнила. Вспомнила же. И имена всех моих ребят тоже всп... Антон! Нет, ну бывают же такие шутки судьбы! Ежкин ты дрын...

Короче говоря, я рассказала странной женщине всё. О том, что разъясняла мне Прах, о множестве загубленных жизней и чуточку из своей истории. Слушали меня не перебивая, однако устало подперев щеку рукой и часто хлопая глазками.

Периодически мальчишки вставляли что-то от себя. Дополняли мои слова, обнажали новые факты, вели тихие обсуждения между собой.

Когда я окончила рассказ, остановившись на закрытом портале, хранительница звонко хлопнула в ладоши. Потом еще раз. А затем и вовсе заплотировала, пока мы озадаченно топтались на пороге терема. А Медведь еще и кочергу из рук не выпустил, почесывая закоптелой железкой затылок.

— Теперь-то всё понятно, — провозгласила предсказательница из Аль... что-то там, скрестив руки на груди и покачивая ножкой в белой туфельке. — Никаких миров-пожирателей не существует. Как вообще можно было поверить в подобную ересь? Горьковато-сладкий запах, говоришь... Так это и есть дурман Душекрада Необыкновенного. Именно этот аромат он источает, вытравливая души из разумных существ. Однако Джарна, судя по всему, попала в собственную ловушку. Не учла, что мы закроем ее портал на родину без возможности открыть новый. Хотя... и мы не учли, что откроется еще один. Никого здесь, кроме преступницы, я и не думала обнаружить. Но сражались вы храбро! Молодцы. Я обязательно поведаю об этой истории остальным и...

— А ничего, что люди гибли из-за вашей безалаберности? — не выдержала я веселого тона хранительницы. — Не учли они. Прийти сюда побоялись. А как мы покончили со всем, так сразу подчищать все углы. Разве, это справедливо?

— Что есть справедливость? — вопросом на вопрос ответила мне женщина. Кажется, мои слова ее ничуть не смугили. Будто она ожидала их. — Когда всем поровну и никто не обделен? Справедливо ли, когда мышка попадает в лапы коршуна? А если нет, то справедливо ли, когда бедная птичка погибает от голодной смерти, так и не заполучив желанную добычу? Понятие это относительно. Хоть кто-то будет крайний, хоть кто-то обделен. Тогда как другие получают всё, о чем мечтают, не приложив к этому почти никаких усилий. Если бы Джарна вырастила свое детище на наших землях... Вероятно, остановили бы мы ее раньше, но последствий бы всё равно не избежали. Приняв необходимые меры для ее изоляции, мы справедливо обезопасили себя, однако при этом жители вашего мира несправедливо подверглись удару. Но если бы мы не сделали всё необходимое, жители Альтеры воздели бы руки к небу и сетовали на несправедливость. Кто же прав?

— Почему вы не убили ее, если она была настолько опасна? — решила подойти я к делу с помощью логики, а не витиеватых аллегорий. — Не казнили? Не заточили... в тюрьму?

— Хранители — не те, кого запросто можно пырнуть ножом под правое ребро, и в тюрьму мы Джарну заточили, — возразила Рамэя. — Чтобы эта чертовка на собственной шкуре почувствовала всю горечь выбранного пути. Но повторюсь: мы не имели никакого понятия о том, что в Дрем был открыт еще один портал. К слову, это я закрыла его не так давно. И открою вновь, если мы разойдемся полюбовно, а не со сжатыми кулаками.

— Угроза? — прищурился Лис.

— Предложение, — мягко улыбнулась ему женщина. — Так что? По рукам? Приношу извинения от лица всего ордена за недосмотр и доставленные неудобства. Даже при том, что ваша жертва — капля в морях всех миров, страдающих денно и нощно.

Чувства у меня были смешанными. С одной стороны, хотелось выплеснуть на несерьезную блондинку весь накопившийся гнев за пережитое. С другой — поскорее выбраться отсюда. А еще мне казалось, что она не договаривает и половины того, что могла бы сказать. Будто размазывала информацию, не давая копнуть глубже.

В любом случае, история с Дремучим миром должна была закончиться и копаться глубже — бессмысленно. Мы можем вернуться. И вернемся. Дальнейшие межмировые разбирательства не касаются ни меня, ни моих натерпевшихся ребят.

— Хорошо, — согласилась я за всех. — Откройте портал и разойдемся, как в море корабли.

— Вот и ладушки, — пропела хранительница. Спрыгнула со стола, разгладила складки на белом платье, хмыкнула. — Отправлю вас и еще немного покопаюсь в ее записях. Сколько дел могла натворить эта бесстыдница — одним богам известно.

Места Медведю в салоне теперь не хватало. Крепыша пришлось усадить на грузовую площадку, но он особо не жаловался. Чего не скажешь о Лисе, которого блондинка изрядно потеснила.

— Ой! Ай! Страсти-то какие! — причитала Рамэя, когда лихой водитель заставлял автомобиль подпрыгивать на корнях и кочках. — Ах!

— Дамочка, держите свои острые локти при себе, — процедил Лис сквозь зубы, но получил очередной удар и резко выдохнул. — Пожалуйста. Сколько вам лет, если вы себя так ведете?

— Молодой человек, — отвечала оскорбленная хранительница, вперив в мужчину ледяные глаза. — Спрашивать возраст женщины — крайне неприлично. Никто не учил вас этому?

— Бред какой-то...

— Некому было учить, — спокойно отозвалась я с первого сидения, уже привыкшая к выкрутасам Ветра за рулем. — В лесу этикет особо не важен.

На это Рамэя только в очередной раз хмыкнула. И вновь въехала Лису локтем под ребро. Абсолютно случайно.

А, действительно, сколько же ей лет, если выглядит она на сорок, но при этом замечательно знала Прах, проживавшую в здешних краях не один десяток лет? Сколько вообще живут такие, как она? Поди, потому загадками и сыплет, что многое на веку своем повидала, и даже чего похуже. Однако это не отменяет того факта, что ребята попали в ловушку и по ее вине.

Ох, сколько бы статей я могла написать на основе всего, о чем узнала в отпуске и что пережила на собственной шкуре. Жаль, что меня примут за человека с богатой фантазией, как минимум, и за шизофреничку, как максимум.

Когда остановились на месте предполагаемого портала, хранительница выползла из пикапа, прям как я после первой поездки, но сразу же взялась за дело. Скептически выгнув бровь, я наблюдала за ее активными пассами руками, быстро движущимися губами, читающими какую-то непонятную тарабарщину. словно из ниоткуда, в руках предсказательницы появились несколько камушков, которые она тут же расставила в одном только ей ведомом порядке.

Портал, образованный ею, на этот раз стал вполне видимым. Вихри лазоревого цвета в несколько метров высотой создавали своеобразную воронку прямо в воздухе.

— Что ж, было приятно познакомиться, — обернулась Рамэя к нам и сделала несколько шажков в сторону, освобождая дорогу к потустороннему переходу. — Как там у вас говорится? Ни пуха, ни пера? Вот, его самого. Чао-какао!

Второй раз повторять было не нужно. Вдавлив педаль газа, Ветер рванул навстречу долгожданной свободе. А я провожала хранительницу взглядом ровно до тех пор, пока иной мир не прекратил для нас существовать. Было в ней что-то отталкивающее, но одновременно и притягивающее.

Глава 20. Доступное жилье для молодых... оборотней

Плакап остановился напротив дома моей тётки. Именно у нее мы собирались узнать о судьбе семей моих ребят, дабы не врываться в чужие дома и не беспокоить новых жильцов, если такие были. Пусть Лис и заглядывал в деревню прежде настолько часто, насколько мог, он старался не пересекаться с жителями, а потому никакой информации о текущей обстановке предоставить не мог.

Наше триумфальное возвращение едва не довело тётю Лиду до инфаркта миокарда. Едва завидев меня на пороге, она схватилась за сердце, присела на краешек стула и беззвучно открыла рот. Стоило войти в положение бедной женщины и подождать, пока первоначальный шок пройдет. Пропавшая чуть больше месяца назад племянница тут как тут, да еще и мужиков каких-то с собой притащила. О чем бы подумала я на ее месте?

— Леська... — наконец-то обрела тётка голос, переводя взгляд с одного моего сопровождающего на другого и часто хлопая глазами. — Где ж ты?.. Откуда?.. Да кто?..

Легенду я успела придумать заранее. В психушку загреметь желания не было, но и объяснить свое отсутствие как-нибудь нужно. Неудобные вопросы возникнуть могли, но и с ними я справлюсь. Наверное.

— Я искала пропавших в лесу. И нашла только этих.

Брови тётки Лиды поползли еще выше, но ребята молчали. Заранее попросила их не встречать и дать мне возможность объясниться самостоятельно. Сказанут еще что-нибудь эдакое, а мне потом расхлебывать.

— Ты? — взгляд немолодой женщины задержался на Зайце, и я с большим запозданием поняла, что этого следовало оставить на улице. Он ведь имя мое приходил узнавать. Дырявая я голова...

— Я, — кивнул Заяц.

А потом пришлось включить на полную мощность всё свое больное воображение и пуститься в захватывающие объяснения того, как именно в мою голову пришла столь светлая мысль — отправиться на поиски пропавших без вести, причем налегке и не отягощая себя даже провизией.

Рассказ вышел довольно... неправдоподобный. Однако слушала его тётя, всё еще приложив руку к груди и периодически кивая невпопад. Врать я научилась давно и способность эта улучшалась с каждой написанной статьей для мистической колонки. Несмотря на неправдоподобность, мое серьезное и сосредоточенное лицо, описание мелких деталей и прочие рабочие моменты помогали на нелегком пути.

Честно говоря, даже сама не помню, что трещала. Ребята активно помогали, кивая вместе с женщиной, иногда поддакивая, а когда рассказ подошел к концу, все вздохнули с облегчением. И я, и мальчишки, и тётя в том числе. В итоге я осталась настолько отчаянным и смелым журналистом в глазах маминой сестры, что она будет взахлеб читать все мои книги... Почему книги? Об этом речь пойдет чуть позже. Главное то, что, отстрелявшись, можно было попробовать разузнать о судьбах родственников моих спутников. Что я и сделала.

— Станислав, — обратилась тётя Лида к Медведю, как к самому старшему и занимающему своим массивным телом внушительное пространство в комнате. — Твой отец мне пару дней назад печку белил.

Застыв, мужчина пытался переварить только что полученную информацию. Его отец всё еще жив и здоровствует! Если бы только сына признал, но я была уверена, что это произойдет.

— Он единственный до последнего твердил, что с тобой всё хорошо. Говорил, сердце подсказывает, что не можешь ты старика своего оставить. Давно о тебе речи не заводил, но, думаю, до сих пор ждет и верит.

Когда женщина заканчивала последнюю фразу, Медведь уже распахнул дверь в сени и спешно направился к родителю. Что ж, одному повезло, и целый воз камней упал с моих плеч. Дело за остальными.

— А Зайчуки... Зайчуки уже давно переехали отсюда. — Фокус внимания сместился на Заяца, прикусившего губу. — Если б я только знала, куда... Вроде бы, в город. Но в какой? Этого не

знаю тоже.

Вот и всё. Кажется, на Медведе приятные новости закончились.

— Лисавина Любовь Алексеевна лет восемь... семь назад на тот свет отправилась. Дети ее приезжали. На похороны, вещи кой-какие забрать, да насовсем в город уехали.

— В город? — переспросила я, стараясь не смотреть на опустившего глаза в пол Лиса. — Значит, Антон не сирота?

— Приезжали, приезжали Лисавины. Оба, — кивнула тётя. — Но тоже без понятия, где их найти можно. Мы не общались. А Любовь Алексеевна их так и не простила за то, что... За то, что на поиски сына не приехали. Насчет Волковых... — Я уже предчувствовала, что нам предстояло выдержать еще один тяжелый удар. — Знаю, что они к детям своим уехали. Тоже в город. У них там произошло что-то. Вроде бы, сына Екатерины Витальевны, бабки твоей, на коррупции поймали. Нет, чтобы здесь отсидеться в глуши, так она на выручку поехала. Как будто сделать что-нибудь сможет, клуша старая. Дом продала. С тех пор ничего не слышно о них, о Волковых.

Вот оно как. Я-то надеялась, что хотя бы золотому ребенку повезет. Зря.

И... что теперь? Медведь вернулся домой, Ветер скоро опять будет блистать в модельном бизнесе, а еще трое взрослых мужчин остаются на моем попечении? И как выбираться из этой ситуации?

Но ответ на этот вопрос совсем внезапно всплыл в моей голове.

— Ничего. Я их с собой заберу, в город.

— Всех? — воскликнула тётя Лида и рука ее снова взметнулась к груди.

Все мои ребята, кроме Лиса и Ветра, отреагировали хоть и не столь бурно, но смятение затаилось в глазах каждого. Действительно, куда мне на мою шею столько нахлебников? Но в самом деле, не бросать же их здесь на произвол судьбы? Без семьи, без дома, без всего. Пусть я никому ничего не должна, но, тем не менее, как я спокойно буду спать, зная, что мальчишки, далекие от цивилизации, простите, бомжуют?

— В город-то возьму, на первое время пристрою, — пояснила я, — но дальше сами со всем разберутся. Вечерние школы, подработки. Как-нибудь да приспособятся. Правильно я говорю?

Волк, Заяц и Лис подтвердили мои слова уверенными кивками. Ну а на мои плечи взваливается еще один груз: покопаться в Интернете и попытаться дать ребятам хоть какое-то образование. Интересно, возможно ли это, если у них даже среднего образования нет? Причем с первого класса и до упора. Задача не из простых.

Ночевать ребята остались у меня. А где же еще? Пришлось расположить всех на веранде, расстелив матрасы на полу и не забыть каждому выдать по подушке с одеялом. Хорошо, что у тётя было всё необходимое на случай приезда неожиданных гостей.

А когда на улице стемнело, я вышла к тем самым роковым картофельным грядкам за домом. Место, где началась наша с Лисом непростая история.

Сейчас я начинала вспоминать. Воспоминания двадцатилетней давности всплывали в моей голове. Оставалось только глаза закрыть и углубиться в них, чтобы вспомнить наши наивные детские встречи, игры в догонялки и прятки, а также данное маленькому безродному лисёнку обещание. И тушенка, и пирожки с капустой... Кто же знал, что всё окажется настолько серьезным?

— Да, здесь, — пробудил меня от мыслей тихий голос Лиса. Подкрался сзади, плут. — Вспомнила?

— Вспомнила, — честно ответила я, не оборачиваясь. — Это дикое животное. Никогда ты его не приручишь. Так говорила мне тётя в нашу последнюю встречу здесь.

Мужчина усмехнулся. Приблизился, взял меня за руку и крепко сжал.

— Почему ты ничего не сказал мне? — заглянула я в одухотворенное лицо с изумрудными глазами и тяжело вздохнула. — Ты мог в любой момент изменить свой облик на более... человечный. Рассказать о проклятье, попросить о помощи. Всё, что угодно. Но не сделал

этого.

— В то время старуха была авторитетом для меня, — не задумываясь, изрек Лис. — Просила, чтобы не высывался. Не выдавал себя, иначе быть беде. Не думал, что у нее на каждого из нас свои планы. А потом было уже поздно. Да и что бы ты сделала в таком нежном возрасте? Ушла бы со мной в лес и пропала бы тоже? Смелости тебе не занимать, но...

— Я поняла.

Ведь сумела вытащить оборотней из плена иного мира лишь благодаря спискам, которых на тот момент у меня, разумеется, не было. Кто же знает, каким местом повернулась бы эта история, узнай я о Душекраде Необыкновенном раньше?

— Но теперь тебе нужно хорошо постараться, чтобы адаптироваться к социуму, — осторожно напомнила я. — Выучиться, найти работу...

— Насчет этого не переживай, — обнадежил прохвост. — Горы могу свернуть, если ты будешь рядом.

Приятное тепло от услышанных слов разлилось по всему телу. Никогда не думала, что хоть для кого-то буду столько значить. А тем более для человека с именем, которое язык до сих пор произнести не поворачивался. Антон. Ну надо же...

— Договорились. — Мои губы непроизвольно расплылись в улыбке. — Если не будешь наглеть и создавать мне дополнительные неудобства, все проблемы мы решим вместе.

— Я такой, какой есть, — гордо вздернул Лис подбородок на мои слова. — Придется с этим смириться.

— Уже наглеешь, — едко подметила я.

Хотя, сколько бы лет ни прошло, хитрые лисьи повадки и ужимки навсегда останутся с моим избранником. Вряд ли их можно будет выколотить. Даже кочергой. Но, вопреки моим словам, я не пугалась этого. Самое страшное было позади, и дело теперь оставалось за малым. Если мистически выведенное дерево не поставило крест на судьбах моих мальчишек, то современному миру без капли магии тем более не удастся этого сделать. Вера и надежда в лучший исход всегда будет с ними. С каждым из них. Всё потому, что сильным духом трудности нипочем.

— Сказал же, что я такой, какой есть, — повторил мужчина, игриво толкнув меня в плечо. — Человек внутри меня всегда будет бороться с лисом, — серьезнее добавил он. — А потому я такой один на миллион. Береги меня, Олеся, как и я берег светлую память о наших встречах.

— Вот ты...

— Невероятно привлекателен и умен не по годам? Еще один повод связать со мной жизнь.

Да, что-то в нем никогда не изменится. Тем веселее предстоит жизнь в шумном мегаполисе. Знать, что дома тебя ожидает прирученный зачарованный зверёк, который, действительно, довольно хорош собой — это ли не счастье?

Даже не один зверек, пока наши пути с Зайцем и Волком не разойдутся.

Ради того, как изменилась моя жизнь, стоило несколько раз постирать в тазу, побегать от волчьей стаи по труднопроходимой чаще и взобраться на гигантское дерево, не щадя пальцев и бешено колотящегося сердца.

С утра запоздало вспомнила, что кошелек забыт в тереме Праха. Причем вспомнила сразу же, как только открыла глаза. Документы должны были лежать в бардачке китайца. И паспорт, и права. Такие вещи я никогда с собой в сумке не таскала, ну а кошелек с некоторым количеством налички и банковскими карточками уже не было возможности вернуть. Придется возиться с восстановлением карт, а еще найти способ оплатить аренду за съемную студию. Сколько я там отсутствовала? Больше месяца! М-да, ситуация...

Перешагнула через дрыхнувших на полу мальчишек, вышла в сени, а потом и на улицу. Вдохнула свежий, по-настоящему свежий воздух, и паника немного отступила. Деньги можно и у тёти занять, и у Ветра, до ближайшей зарплаты. Если я ее вообще получу, конечно, и Андрей Аркадьевич еще не спихнул меня со счетов. Сама же убеждала себя, что основные трудности позади. Ничего. Выкарабкаюсь. Обязательно выкарабкаюсь.

Когда сонное царство проснулось и позавтракало, пришла пора отправляться в путь. Чем скорее я решу свои дела в городе, тем лучше. Самой кусок в горло не лез, но я заставила свой желудок начать переваривать несколько ложек куриного супа. Прощай фотосинтез, да здравствуют физиологические потребности человеческого организма.

Разделиться решили следующим образом: мы с Лисом в китайце, остальные в пикапе Ветра. Но умоляющие взгляды Зайца и Волка заставили меня изменить решение. Сама понимала, что лихой водитель любого своего пассажира заставит молиться о сохранении жизни.

Тётя торжественно вручила мне ключи от «Чери Амулета», которые я сама же, неуклюжая и напуганная, выронила во времена погони от Лиса по всей деревне. Одна рука легла на прохладную кожу руля, вторая — ласково погладила приборную панель. Настолько ласково, что Лис, усевшийся на соседнее сидение, ревниво пнул бардачок.

— Та-а-ак, — протянула я угрожающе и медленно перевела взгляд на прохвоста. — Мой китайчик — существо неприкосновенное. Еще один такой выпад и останешься здесь. Или на дороге высажу. Всё понятно?

Мужчина нахохлился, как воробей на морозе, но промолчал. То-то же. В воспитатели детского сада я не нанималась, но всё звериное следовало затолкать мальчишкам поглубже. Чтобы совершенно случайно не проявили свой характер в общественном месте и не навлекли на себя гнев хранителей правопорядка. Особенно Лис.

Медведь со своим отцом пришли нас проводить. Старик выглядел совсем неважно, но лицо его светилось от счастья. Еще бы, любимый сын вернулся, без вести пропавший аж двадцать два года назад! Будет наш Михайло плотником с такими же золотыми руками, и работа для него в Станино и близлежащих деревнях всегда найдется.

— В гости-то приезжайте, — увещевал Станислав, приобняв отца за плечи. — Как обустроитесь, так и приезжайте.

— Обязательно, — приняла я приглашение. — Как только, так сразу.

— Верю и жду.

Не имела никакого понятия, когда городские проблемы выпустят меня из новой ловушки, чтобы вернуться к окраинам старой, но знала, что рано или поздно всё равно приеду навестить старшего из бывших оборотней. И остальных ребят захвачу. Хотя, они и сами увяжутся. Не сомневалась в этом.

— Зеленая остановка! — провозгласила я, заворачивая с главной дороги на дорожку, ведущую в лес. — Всем опорожнить баки, побегать на свободе и быть готовыми через пять минут. Время пошло.

Ребята в мгновение ока покинули салон китайца. Все, кроме одного.

— А ты? — вопросительно уставилась я на Зайца в зеркало заднего вида. — Только часа через три остановлюсь. Вы тут столько газировки вылакали...

— Я хочу поговорить.

Его серьезный тон подействовал на меня, как удар молотка по темечку. Мурашки побежали по всему телу, а пальцы, вцепившиеся в руль, онемели. Мы с блондином не оставались наедине с тех пор, как я проснулась с ним в одной палатке и уже через пару минут отправилась на поиски исчезнувшего Лиса. И ежу теперь было понятно, что мы с Лисом... как бы это сказать... Планировали совместное будущее, во.

Я надеялась, что разговор намечался не о чувствах и не на приближенные к ним темы, но надежда умирает последней. В этом я уже убедилась бесчисленное множество раз.

— Я хотел сказать, что уже могу частично избавить тебя от балласта, — тихо произнес Заяц. Так мило и так по-заячьи, что глаза защипало. — Ветер предложил замолвить за меня словечко своему агенту. Сказал, что ростом и лицом вышел, и мною не преминут воспользоваться в своих коварных и алчных интересах.

— Ну... наверное, это здорово, — протянула я, переведя взгляд на подъезжающий автомобиль, остановившийся на обочине главной дороги.

Пикап модели нагнал нас только сейчас. Я специально вызвалась ехать впереди во избежание

дерзости лихого водителя на дороге, но, плетясь в хвосте, тому приходилось то резко тормозить, то резко нажимать на газ. Лишь бы гаишники не просекли, что у этого кадра не имеется водительских прав. Хотя я с первых секунд это поняла.

— Но надолго я там не останусь, — продолжил Заяц. — Подкоплю денег и попытаюсь воплотить свои мечты в жизнь. Мне хотелось бы всего добиться самостоятельно.

— Понимаю. Сама всегда хотела того же. Но высшее образование и арендованная квартира — пока что потолок моей самостоятельности.

— Если Лис не справится... Если продолжит мотать тебе нервы, то знай, что я буду ждать. Теперь моя очередь ждать, пока сказочная фея обратит на меня свое внимание.

Почувствовала, как кровь прилила к щекам. Ну почему он говорит такие вещи и так конкретно?! Совсем не заботясь о том, как я их восприму. Это за годы невзаимной любви со стороны избранников мне такие презенты судьба преподносит? Судьба, я столько не потяну. Остановись же.

— Ты можешь делать, что захочешь, Артем. — В первый раз назвала его по имени. Даже голос предательски задрожал. — Ты взрослый мужчина и всё такое... Но мне бы не хотелось стать преградой на пути твоей личной жизни.

— Ты никогда не станешь преградой, — мотнул головой Заяц. — Когда я сказал, что зайчихи меня не интересуют, я не соврал. И насчет того, что хочу защитить тебя, тоже. В любой момент можешь обратиться ко мне для того, чтобы я помог.

— Хорошо.

Ничего, кроме этого, я сказать не смогла. Не буду же я пускаться в разъяснения, почему именно Лис и почему у нас с ушастым вряд ли будет возможность... возможность...

Лис с Волком вернулись в салон, а мне и не пришлось ничего додумывать.

Мы все едем навстречу новой жизни. Кто знает, что станет с нашими судьбами? Следовало попросить хранительницу-иномирку об еще одной услуге. Предсказать мое будущее. И будущее моих мальчишек. Согласилась бы она? В любом случае, нам всем следовало хорошенько постараться, чтобы найти свое место в жизни. И даже мне. Даже мне.

Эпилог

Спустя 10 лет...

Январь в этом году выдался особенно холодным. Даже теплый пуховик, предназначенный для суровых финских зим, плохо защищал от русского мороза. Люди на улицах заматывали шарфы по самый нос, ежились, стоя на остановке, и топчась на месте. А я... а мне было еще холоднее. И вовсе не из-за низкой температуры на улице.

Первые несколько дней я плакала. Ревела в три ручья, чуть ли не вырывая волосы с корнем. Билась в истерике, стоило отправить детей в школу и остаться дома в гордом одиночестве. А затем организм исчерпал запасы слезных желез, и я просто впала во фрустрацию. Могла часами бродить по улицам, не зная, куда в итоге приду. Иногда просто наматывая круги по кварталу, и не имея ни малейшего понятия, что же теперь делать. Казалось, жизнь моя оборвалась в тот момент, когда я узнала о том, что...

Нет. Даже после похорон мысль о том, что наглый Лис замолчал навсегда, не укладывалась в моей голове. Сколько же мне пришлось натерпеться с ним за года, проведенные под одной крышей, было известно только Зайцу, с которым я до сих пор активно поддерживала связь. Дружескую, не более. Однако со всеми своими жалобами отправлялась к блондину и выкладывала ему всё начистоту под чашечку кофе или чего покрепче. Это спасало Лиса от моих расшатанных нервишек и ударов промеж глаз, когда уж совсем палку перегибал.

Так и не получив должного образования, мой не вполне адекватный муженек сначала обзавелся подработкой, затем на вырученные деньги купил себе подержанный зеркальный фотоаппарат и с головой ушел в искусство пейзажной фотографии.

— Светящиеся бабочки повсюду, — с придыханием говорил он, показывая мне свои творения. — Нужно только увидеть их, поймать нужный момент и ракурс.

Через некоторое время его фотографии, выложенные в Интернете, привлекли внимание нескольких редакторов и прохвост начал работать на заказ. Чуть ли не каждый месяц выезжать в командировки и привозить оттуда всё новые и новые шедевры. Кто же знал, что у Лиса обнаружится талант к фотографии? Я уж точно не знала, а потому радовалась вместе с ним. Радовались и наши дети, которым отец привозил из-за границы интересные штучки.

Сын, как только стал чуть старше, сразу же вызвал логичный вопрос моей матери:

— А чому рыжий?

Было у нас предположение, «чому рыжий», но озвучивать его моим родителям мы не решились. Вероятно, дело было в том, что свою жизнь Виктор начал еще в зачарованном лесу, когда Лис был частично обращен и прежний цвет его волос такого вопроса бы не вызвал.

Младшенький — Степашка — был как две капли воды похож на меня. Голубые глаза, темно-русые завивающиеся волосы, а также истинное любопытство прожженного журналиста.

С работы в «Терре инкогнита» меня, кстати, уволили, но я особо не переживала по этому поводу, потому что нашла иной способ реализовать себя. Написала книгу, в основу которой включила события, произошедшие в Дремучем мире, и заключила договор с одним из издательств. Казалось, жизнь моя наладилась и хуже уже не будет, но...

Но совсем недавно мне сообщили о том, что Антон Лисавин подцепил жуткую заразу в очередной командировке и скорострительно скончался. С этого момента жизнь, разукрашенная яркими красками, исключила из себя все оттенки кроме черного и белого.

Все мои старые знакомые явились на похороны. Медведь, приехавший из Станино на несколько дней, Волк, взявший на работе административный отпуск, Ветер, отказавшийся от высокооплачиваемой фотосессии, и Заяц. Артем первым из них узнал о произошедшем, и потому его поддержка стала для меня лучиком в темном царстве горькой утраты.

Спустя месяц я всё еще с трудом верила в случившееся. Боль разрывала сердце изнутри, но приходилось держаться, чтобы не показать окружающим своей слабости. Хотя, уверена, я заслужила быть слабой.

Ноги сами привели меня к заведению под названием «Поговорим по душам». Каждый раз, когда вывеска попадалась мне на глаза, губы непроизвольно расплывались в слабой улыбке. Как раз в стиле Зайца, готового положить свою жизнь на то, чтобы ни за что не остаться в

одиночестве.

Отворила дверь в бар и прошла в интимный полумрак заведения. В выходные дни народу здесь было столько, что все места за круглыми столиками были заняты, однако в тоскливые будние вечера только самые стойкие заходили к Зайцу на чашечку... коньячка.

Тепло, спокойно, приятная музыка. Атмосфера вполне подходящая для того, чтобы вести разговоры по душам.

Расстегнула пуховик, сняла шапку, но к широкой барной стойке, окруженной мягким неоновым свечением и расположенной справа от зала, подходить пока не решилась. Мужчина в коричневом переднике вел разговор с одним из своих постоянных посетителей. Лучше не отвлекать от процесса. Невежливо это. Да, и хозяин, и бармен, Заяц ни за что не упустил бы возможности общаться с клиентами лично. Это была едва ли не самоцель.

— А она мне, значит, и говорит, — доверительно и заплетающимся языком сообщал лысеющий клиент Зайцу, протирающему стакан тряпочкой, — ты, говорит, скотина редкостная. Говорит, лучшие годы жизни своей на меня потратила. И, говорит, чтоб ноги моей больше в квартире не было, которую ей отец завещал. Вот так.

— Так почему не разводишься?

К проблеме каждого своего посетителя хозяин заведения относился жалостливо и с пониманием, что заставляло мужиков возвращаться сюда снова и снова. Садиться за барную стойку и трещать обо всем на свете, заливая в себя кружку за кружкой.

— Дык люблю ее, мегеру такую, — хлопнул мужик ручищей по стойке. — Давно бы уже, но понимаешь, Артемка, душу бы отдал за бабу эту проклятую.

— Любовь зла, — усмехнулся Заяц.

Даже спустя столько лет он не выглядел на свой возраст. Лет на семь-восемь младше, как минимум, что позволяло клиентам фамильярничать напропалую, однако Заяца этот факт нисколько не смущал. В первую очередь он — друг, товарищ, приятель, а остальное — простые формальности, которые можно оставить в стороне.

Я всё еще стояла у входа, когда взгляд блондина обратился ко мне. Теперь уж не отвертись. Заковыляла в своих меховых унтах к беседующим.

— Леся, — оставил Заяц стакан в сторону.

— Тём, — вернула я теплую улыбку.

— Ну, я пошел, — напомнил о себе мужик, выложил пару крупных купюр на стойку и поднялся с табурета. — Мириться с этой зазновой.

— Потом расскажешь, как прошло, — попросил его участливый бармен вдогонку.

— Буду держать в курсе, Артемка. Давай.

Когда дверь за клиентом захлопнулась, могла усесться на его место напротив миловидного бармена и заглянуть в большие карие глаза.

— Как обычно. Спасибо, — вместо приветствия произнесла я, положила руки на стойку и уткнулась в них подбородком.

— Как обычно не дам, — воспротивился моей просьбе Заяц, сдвинув брови. — На тебе и так лица нет. Может, просто поговорим?

— Поговорим по душам, ага, — безразлично ответила я, и ему всё равно пришлось налить. Только не как обычно, а кофе с молочной пенкой. В общем, тоже неплохо.

— Мне больно смотреть на тебя, — сообщил мужчина, нагнувшись, чтобы головы наши оказались на одном уровне. — А поэтому предложу еще раз. Давай уедем.

Всегда отвечала на его предложение категорическим отказом, но почему-то именно сегодня задержалась с ответом. Совсем, что ли, от горя обезумела? Ответить нужно, но слово «нет» застряло в горле. Открыла рот. Закрыла. Взяла в руки чашку и уткнулась в нее, чтобы скрыть свое смятение, но Заяц понял всё и так, без слов.

— Я понимаю, как это тяжело, — тихо сказал он. А потом вышел из-за стойки и уселся на соседний табурет. — Но хоть жизнь его была коротка, уверен, что прожил он ее так, как и хотел. Любимая жена, двое детей, путешествия во все точки мира. Но тебе, именно тебе нужно жить дальше. Что я тебе говорил насчет накладывания на себя рук?

Обеспокоенный детский голос Зайца, нашедшего мое изрядно потрепанное тельце под Душекрадом Необыкновенным, вспомнился настолько четко, будто только вчера ушастый оборотень тряс меня за плечи и умолял не делать глупостей, обзывая душой и прочими нелестными эпитетами.

— Знаешь, есть у меня одна идея, которая точно не оставит тебя равнодушной, — внезапно загорелся мужчина и продолжил с не меньшим энтузиазмом: — Я знаю, что ты все фотографии Антона хранишь. Даже самые старые. Верно?

Кивнула, не совсем понимая, к чему он клонит.

— Так, может, отправимся по местам его «боевой славы» и собственными глазами всё это увидим? Управление баром оставлю на совесть своих работников. Парнишки хоть и молодые, но если б я не мог доверить им такое ответственное задание, то и не нанимал бы. Что скажешь?

Категоричное «нет» снова застряло на полпути. Более того, мне казалось, с каждым произнесенным словом Зайца за моей спиной постепенно раскрываются крылья. Крылья, которые позволяют мне наконец-то взлететь, взирая на все проблемы сверху, или же вовсе улететь от всех невзгод далеко-далеко. Так далеко, как только возможно.

— Всё будет хорошо. — Теплая рука коснулась моей, держащей чашку с вкусным напитком, но я даже не дернулась.

Раздумывала, можно ли снова начать жизнь с чистого листа? Во второй раз. Во второй раз довериться кому-то и не остаться при этом в одиночестве и с разбитым вдребезги сердцем.

— Я устал наблюдать за тем, как ты убиваешься, — не дождался Заяц ответа. — Я же говорил, что всегда буду готов защитить тебя. Так позволь мне это сделать. Леся, пожалуйста. И все кошмары закончатся, я обещаю.

— Сказки должны заканчиваться хорошо, — нехотя открыла я рот. — Я так хотела, чтобы всё закончилось хорошо. Чтобы жили-поживали и добра наживали. Но недолго это длилось. Даже опомниться не успела, когда всё закончилось совсем не так, как хотелось бы. Но... — сделала глоток, и горячий кофе чудесным образом унял внутреннюю дрожь. — Но, наверное, я готова взяться за новое жили-были. Чтобы хотя бы в этот раз жить долго и счастливо.

— Так и будет, — заверил блондин, уткнувшись носом в рукав моего пуховика. — Сказка с хорошим концом. Впереди еще столько всего интересного, что никогда не пожалеешь.

Когда встретилась с ним взглядом, в голове отчетливо воспроизвелась сцена в норке, когда меня взяли в милый плен самым бесчестным способом. Остаться хотя бы на сутки, чтобы не оставлять Зайку в одиночестве. Хотя сутки — это ничтожно мало, оборотень знал, что и за них успеет украсть частичку моего сердца. Покроет ли эта частичка всю ту чернь и темень, которая осталась после ухода Лиса, я еще не знала, однако пока эта тьма не поглотила сердце целиком, я должна была решиться на то, чтобы начать новую сказку.

Через неделю мы уже сидели в аэропорту, ожидая начала посадки на самолет до Амстердама — нашего первого пункта путешествия. Я, Заяц и два моих неугомонных сорванца. Даже на лице рыжего Виктора играла улыбка с тех пор, как он узнал о наших планах, при том, что мальчишка особенно переживал уход отца. Степашка закупились кипой блокнотов, чтобы запечатлеть всё необычное, что увидит.

Я не надеялась, что быстро приду в себя после всего пережитого, но Заяц уверенно сжал мою руку. Несколько бабочек ожили в моем животе после долгого сна и забили сверкающими крылышками.

И стали они жить-поживать и добра наживать... Или жили они долго и счастливо. А, может, сказке конец, а кто слушал — молодец? Концовку можно подобрать любую, но одно всегда останется неизменным: даже если сказка закончилась совсем не так хорошо, как хотелось, всегда можно взять себя в руки и начать новую. И начинать до тех пор, пока не добьешься своего счастья. Как бы тяжело тебе ни было, как бы ни хотелось забиться в угол и схорониться там, ты сможешь. Обязательно сможешь всё. Верь, жди и борись за свое счастье до конца.

